

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 2(28)
2023**

АПРЕЛЬ–ИЮНЬ
APRIL–JUNE

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2023

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:

Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (заместитель председателя)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского Общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

VEDENEEV Yuri Alekseevich, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Deputy Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

КОМАРОВА Валентина Викторовна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

УСМАНОВ Рафик Хамматович, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department «State and Municipal Law», Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира — Российская Федерация

Теория права

11 В.О. Пучков

Научное познание государства и права и его понятийно-терминологические основания: опыт методологической реконструкции

Избирательный процесс

29 Ф.В. Ниточкин

Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право

Партийная жизнь

38 К.С. Мазуревский

Процедура первичного голосования как средство качественного подбора партийных кандидатов

49 А.С. Кротова

Трансформация идеологических конструктов в программах политических партий России

64 А.Ю. Палюлин, А.М. Царев, С.А. Логинов

Отчетность региональных отделений политических партий в налоговые, страховые, статистические органы и органы юстиции в 2023 году

Электоральные технологии

71 И.Е. Минтусов, О.А. Ячменева

О практике электронного голосования в странах Южной Америки

Политические технологии

93 М.К. Ковалев

Условия реализации государственной информационной политики: глобальные тренды

Ракурс

106 А.Г. Добкин

«Окольные пути» пересмотра конституции?

- 117 М.Ю. Осипов**
К вопросу о соотношении юридической науки и правовой аналитики
- Актуальная трибуна**
- 128 И.В. Бочарников, О.А. Овсянникова**
Трансформация современного мирового порядка в документах стратегического планирования США и НАТО
- 146 Го Фэнли**
Гибридная война США и их союзников против России в контексте специальной военной операции
- 156 Г.В. Туманян, А.В. Ширинкина**
Консолидация россиян в период «крымского» и «донбасского» консенсусов: социальный и электоральный эффект
- За рубежом**
- 172 Ю.Б. Бочаров**
Причины недемократического управления страной при полностью демократических выборах
- Экскурс в историю**
- 187 Д.А. Авакян**
Качество жизни в XIX веке: французский опыт взаимодействия власти и граждан
- Пространство молодого ученого**
- 194 В.А. Зеленова**
Технологическая революция в сфере информационных войн: до и после крымских событий 2014 года
- 203 Сведения об авторах**

Theory of Law

- 11 V.O. Puchkov**
Legal Cognition of State and Law and its Concepto-terminological Foundations: an Experience of Methodological Reconstruction

Electoral Process

- 29 F.V. Nitochkin**
The Problem of Legitimacy in Political and Legal Doctrines and Selection Right

Party Life

- 38 K.S. Mazurevskij**
Primary Voting Procedure as a Means of Quality Selection of Party Candidates
- 49 A.S. Krotova**
Transformation of Ideological Constructs in Political Parties' Programs in Russia
- 64 A.Yu. Palyulin, A.M. Czarev, S.A. Loginov**
Reporting of Regional Branches of Political Parties to Tax, Insurance, Statistics and Justice Authorities in 2023

Electoral Technologies

- 71 I.E. Mintusov, O.A. Yachmeneva**
On the Practice of Electronic Voting in the Countries of South America

Political Technologies

- 93 M.K. Kovalev**
Conditions for Implementation of State Information Policy: Global Trends

Foreshortening

- 106 A.G. Dobkin**
«Roundabout Ways» of Constitutional Revision?

- 117 M. Yu. Osipov**
On the Question of the Relationship Between Legal Science
and Legal Analytics
- Actual Tribune**
- 128 I. V. Bocharnikov, O. A. Ovsyannikova**
Transformation of the Modern World Order in the Strategic Planning
Documents of the USA and NATO
- 146 Go Fanli**
Hybrid War of the United States and its Allies Against Russia
in the Context of the Special Military Operation
- 156 G. V. Tumanyan, A. V. Shirinkina**
Consolidation of Russians During the «Crimean Consensus»
and «Donbas (Novoros) Consensus»: Social and Electoral Effect
- Abroad**
- 172 Yu. B. Bocharov**
Reasons for Non-democratic Country Management With Fully
Democratic Elections
- Excursion into History**
- 187 D. A. Avakyan**
The Quality of Life in the XIX Century: French Experience
of Interaction Between Authorities and Citizens
- Young Scientist's Space**
- 194 V. A. Zelenova**
The Technological Revolution in information Warfare: Before
and After the 2014 Crimean Events
- 203 Our Authors**

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ЕГО ПОНЯТИЙНО- ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ: ОПЫТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются этапы юридического научного познания и его понятийно-терминологические основания. Аргументируется, что объект исследования юриспруденции носит методологический (эпистемологически сконструированный) характер, в связи с чем научное познание государства и права всегда опосредовано их исходными понятийно-терминологическими моделями. Характеризуется методологическая специфика понятий и определений в юриспруденции. Доказывается, что в процессе познания юридическая наука осуществляет «удвоение» познаваемой реальности, которое проявляется в единстве эмпирического (текстуального, терминологического) и надэмпирического (теоретико-понятийного) начал. В связи с этим обосновывается категория понятийно-терминологического аппарата юридической науки.*

***Ключевые слова:** юридическая наука, понятие, термин, определение, научное познание, государство и право, понятийно-терминологический аппарат, методология.*

LEGAL COGNITION OF STATE AND LAW AND ITS CONCEPTO-TERMINOLOGICAL FOUNDATIONS: AN EXPERIENCE OF METHODOLOGICAL RECONSTRUCTION

***Abstract.** The study discusses the stages of legal science' cognition and its concepto-terminological foundations. The research argues the object of jurisprudence to be methodological (constructed epistemologically) and therefore their initial concepto-terminological models mediate scientific cognition of state and law constantly. Methodological specific of jurisprudence' concepts and definitions is described. The article proves that legal science performs the «redoubling» of knowable reality through the cognition; the last is the unity of empirical (textual, terminological) and overempirical (theoretico-conceptual) foundations. Thereupon the author justifies a category of legal science' concepto-terminological apparatus.*

***Keywords:** legal science, concept, terminus, definition, legal cognition, state and law, concepto-terminological apparatus, methodology.*

Процесс научного познания государства и права представляет собой совокупность последовательных этапов «движения» юридического мышления, начинающегося с выделения в структуре действительности познаваемого фрагмента и завершающегося логико-языковой репрезентацией полученного о нем знания в текстуальной форме. Тем самым юридическая наука осуществляет «удвоение реальности», надстраивая над правовой действительностью ее концептуальный образ и теоретически реконструируя ее в системе понятий, терминов, гипотез, идей и представлений. В этом смысле схематически научное государственно-правовое познание можно представить как процесс формирования теоретического понятия и его терминологического выражения.

Немецкий правовед Фридрих Карл фон Савиньи одним из первых в континентальной юриспруденции отметил методологическую взаимосвязь между научными понятиями и терминологией. Критикуя учение своих современников об исковой давности в римском гражданском праве, ученый писал: «Возникновение и особенно закрепление... ошибочных понятий тесно связаны с фальшивыми специальными терминами, введенными в этом учении» [55, с. 182]. Рассматривая понятийно-терминологические основания конструкций прескрипции и эксцепции, фон Савиньи утверждает, что ошибочный выбор исходных терминов, на значениях которых были разработаны соответствующие конструкции, в результате привел к понятийной ошибке: отождествлению исковой и приобретательной давности [55, с. 182–183]. В дальнейшем исследователь неоднократно отмечает соответствующие ошибки в современных ему работах по римскому частному праву: «...некритически допущенная терминология незаметно привела к заблуждению в самом вопросе» [55, с. 225] — говорит он, характеризуя учение о гражданско-правовых сроках; «в образовании и обозначении... понятий господствует полное совпадение (курсив мой. — В.П.)» [55, с. 258] — констатирует он впоследствии. Общим итогом рассуждений классика европейской юриспруденции становится следующий вывод: «...мы обнаруживаем в римском праве весьма определенные понятия, а для их выражения — точные специальные термины, но это самое преимущество уверенности в исследовании утрачивается по большей части вследствие указанного произвольно выбранного выражения» [55, с. 532].

Таким образом, уже фон Савиньи обращает внимание на методологическую взаимосвязь понятийного и терминологического аппарата юридических исследований. «Между неправильной терминологией и ложной конструкцией или связью понятий есть явное и опасное взаимодействие, — отмечал ученый. — Ибо если, с одной стороны, неправильный термин есть продукт и признак ложного понятия, то, с другой стороны, последнее закрепляет и передает далее первый» [54, с. 270]. Приведенные представления позволяют охарактеризовать научное юридическое мышление, познающее государство и право, как *языковое* мышление, понятийные и терминологические

гические аспекты которого образуют единый методологический комплекс, *понятийно-терминологический аппарат*.

Обращение к отечественным правовым исследованиям показывает, что сама формулировка «понятийно-терминологический аппарат» в юридической литературе практически не востребована [75] (в отличие от ряда других областей гуманитарных исследований [23; 29]). К примеру, А.М. Васильев при рассмотрении категориальных аспектов методологии советского правоведения лишь единожды обращается к терминологическим аспектам проблемы, отмечая роль научной терминологии в обозначении юридических понятий [16, с. 87].

Характеризуя правовую природу общих дозволений и запретов, С.С. Алексеев говорит только об их концептуализации с точки зрения «традиционного понятийного аппарата» юриспруденции [2, с. 228]; терминологическая форма общих дозволений и запретов рассматривается им изолированно от понятийной базы данных конструкций [2, с. 421–422], и это дает основания полагать, что в его концепции терминологический аппарат правоведения не обладает самостоятельным значением и как предмет исследований носит во многом вторичный характер в сравнении с понятийным аппаратом правовой науки. Обращение к последующим разработкам Алексеева в принципе подтверждает изложенное. В частности, рассуждая о специфике догматической юриспруденции, он говорит о «юридическом понятийном аппарате и лексике» как о качественно различных феноменах [3, с. 118]; связь теоретических понятий и научных терминов в дальнейшем упоминается ученым лишь в контексте их функционального соответствия [3, с. 372, 423]. Тем самым, центральным предметом его разработок становится именно *понятийный, а не понятийно-терминологический аппарат правовой науки*. Акцент только на понятийном аппарате правоведения прослеживается и в современных исследованиях. Например, Д.В. Пожарский отмечая, что «право и государство существуют прежде всего в языковой (словесной) форме» [46, с. 17], не уделяет этой — терминологической — форме внимания при характеристике понятийного аппарата юриспруденции.

Изложенное позволяет охарактеризовать теоретико-методологические исследования понятийного аппарата юриспруденции как в определенном смысле односторонние, поскольку в соответствующих разработках терминология правоведения оставлена по преимуществу без рассмотрения. По этой причине в настоящей работе актуализируется исследование именно *понятийно-терминологической проблематики* юриспруденции, исходным моментом которой в связи с этим становится выведение концептуальных оснований *понятийно-терминологического аппарата* современной юридической науки. Таким образом, определить, что представляет собой понятийно-терминологический аппарат юриспруденции, можно, лишь предварительно исследовав процесс юридического научного познания.

Его *исходным этапом* выступает выделение государственно-правовой реальности как познаваемого фрагмента действительности *per se* [92, p. 203; 93, s. 152; 94, s. 57]. Вместе с тем уже соответствующая характеристика этой реальности требует обращения к исходным понятийным основаниям, к представлениям о государстве и праве. Как отмечает В.М. Розин, «объект — это *конструкция философа, позволяющая... считать объект реальностью, тем, что существует объективно, что можно познавать, с чем можно действовать*» [52, с. 86]. Конструкция объекта научного изучения в правоведении задается философскими дискурсами, в которых формируется первичное (для целей юридического исследования) понимание государства и права.

Этот подход обосновывается в методологическом направлении общетеоретической юриспруденции [63, с. 114 и след.]. Основанием такой исследовательской ориентации в немалой степени является тот факт, что государство и право, а также весь комплекс явлений и процессов, складывающийся в их структуре, есть в большей степени *идеальные объекты*, чем эмпирические данности. Перефразируя немецкого логика и философа Готлоба Фреге, можно утверждать, что государство и право часто называют *мысленными* явлениями, но было бы ложным назвать их *выдуманнными* явлениями¹. Как мысленные конструкты, государство и право представлены в юридическом мышлении на уровне исходных философских понятий, составляющих основу для дальнейших теоретико-правовых разработок [30, с. 16].

Уже на начальном этапе исследования ученый-юрист обращается к философским понятиям, которые в качестве теоретико-онтологических схем задают пределы познаваемого объекта; в первую очередь это философские категории реальности, действительности, философские концептуализации государства и права. Аналогичную функцию выполняют и те понятия правоведения, которые берутся исследователем в качестве концептуальной первоосновы [8, с. 24; 47, с. 155]. По данному поводу И.Л. Честнов говорит о «предварительном определении объекта» в процессе юридического научного познания [71, с. 9–10]. Как отмечает ученый, в юриспруденции «знание о действительности, описываемое на языке определенной теории, может быть обосновано лишь на языке метатеории, а она (и ее язык) — лишь на языке следующей, и так далее до бесконечности. При этом исходным элементом языка является не слово — имя, обозначающее объект, а предложение, так как эмпирическое значение слова зависит от предложения как целого. Отдельное же предложение, в свою очередь, связано с языком, а тот — с культурой» [70, с. 180].

Изложенное позволяет охарактеризовать первоначальный этап научного познания государства и права как процесс выбора исходных понятийно-

¹ «Экватор часто называют мысленной линией, но было бы ложным назвать его *выдуманной* линией» [64, с. 167].

терминологических оснований, задающих онтологическую схему познаваемого объекта и репрезентирующих в его структуре определенные познавательные смыслы. При этом речь идет об объекте познания не в *натуралистическом* смысле (как о внеположной исследователю реальности, функционирующей и существующей независимо от него), а в *методологическом*, то есть как о некотором *конструкте*, исходные характеристики которого определяются философскими и научно-понятийными основаниями, взятыми в качестве теоретического фундамента.

Процесс формирования объекта науки в методологическом понимании возможно представить в виде следующей логической цепочки: *феномен (фрагмент действительности) → отражение → интерпретация → объект*.

Такой процесс выделения объекта характерен для социально-гуманитарного познания, которое не имеет дело с непосредственной, чувственно воспринимаемой реальностью, как, например, физика и другие науки, изучающие природу *per se*. Объект такого познания всегда дается ученому опосредованно — в контексте тех идей, ценностно-целевых структур, философских понятий и научных теорий, которые приняты в данной парадигме. Поэтому если физика для исследования движения материальных тел и их взаимодействия, *как правило*, не задается вопросом о том, что есть тело, движение, пространство и тому подобное, а потому может сразу сделать их объектами своего изучения², то юридическая наука, имея дело с принципиально ненаблюдаемой (идеальной) действительностью, должна придать тому или иному феномену качество объекта исследования, то есть предварительно определить его в контексте господствующей концептуальной схемы [60, с. 153].

Обосновывая введенное различие объекта науки (в натуралистическом и методологическом смыслах) применительно к правоведению, оправданно обратиться к утвердившейся в советской юриспруденции концепции исторической типологии государственно-правовых систем. Исходным основанием данной типологии стал тезис К. Маркса о базисе и надстройке, с позиции которого свойства государства и права детерминированы социально-экономическим базисом — совокупностью производственных отношений и производительных сил общества [37, с. 6–7]. Взяв это представление за исходное, советское правоведение формулирует концепцию, в силу которой становление и различие государственно-правовых формаций — исторических типов государства и права — обусловлено исключительно экономическими факторами [40, с. 6]. Сообразно такому подходу, общественно-экономической формации капитализма присущ один тип государства и права, формации социализма — другой [4, с. 26]. Вместе с тем представления об обусловленности государства и права экономическим

² «Искомым референтом физической идеи является реальная вещь», — утверждает канадский философ естествознания Марио Бунге [13, с. 9].

базисом *tote coelo* не могут объяснить феномен мусульманского права, которое в равной мере оказывалось «жизнеспособным» и в социалистической (например, в Народно-Демократической Республике Йемен), и в капиталистической (к примеру, в Объединенных Арабских Эмиратах) формациях. В литературе отмечается, что социалистическая революция в Южном Йемене повлекла за собой лишь отказ от *отдельных институтов* мусульманского права, но не от мусульманского права в целом [35, с. 73]. Аналогичная позиция изложена в зарубежных исследованиях: английский ученый Фред Халлидей отмечает, что правовая система Народно-Демократической Республики Йемен, несмотря на переход к социалистическому способу производства, по своим основным характеристикам осталась системой мусульманского, а не социалистического права [83, р. 56].

На первый взгляд может показаться, что, приводя данный пример, мы допускаем неоправданное смешение формационной и компаративистской классификаций правовых систем. Однако соответствующий пример приводится осознанно, поскольку он наилучшим образом демонстрирует, что ученые-юристы видят правовую систему *не как таковую*, а так, как она представлена в различных концептуальных интерпретациях [5, с. 44–47; 36, с. 26]. Соответственно, поскольку мусульманское право «не вписывается» в формационную концепцию, его специфика остается без рассмотрения при избрании соответствующей концепции в качестве теоретического основания исследования. Аналогичным образом, принимая за исходную компаративистскую концепцию правовой системы, ученый-юрист неизбежно оставит за рамками своего исследования особенности правовых систем, выделяемые сообразно формационному подходу.

Потому, исследуя правовую систему (а равно и любой другой социально-правовой феномен), юрист-исследователь должен прежде всего сделать выбор исходных понятийных оснований, в зависимости от которых будут находиться само понимание правовой системы, представления о ее свойствах и характеристиках, критерии классификации и пр. Иными словами, правовая система и все иные социально-правовые феномены не обладают качеством объекта юридического исследования изначально (как, к примеру, объекты естественнонаучного познания), *но наделяются таким качеством в соответствии с исходными философскими, концептуально-юридическими и понятийно-терминологическими основаниями, избранными для исследования.*

Изложенное показывает, что объект научного изучения в юриспруденции предстает не как некоторая непосредственная данность, а как объект, описанный в той или иной философской картине мира и понятийной схеме, которые во многом детерминируют то, *как именно* объект предстает перед исследователем, *в каком качестве* он выявляется и объясняется (неслучайно основатель философии объективизма Айн Рэнд развивает тезис о том, что мышление не только *воссоздает* реальность, но и в существенной степени

создает ее [91, р. 1042]). Иными словами, юридическая наука (как и любая другая гуманитарная наука) не может взглянуть на свой объект *натуралистически*, то есть, следуя Гегелю, относиться к нему как к чему-то «самому по себе завершеному, готовому, *нисколько не нуждающемуся для своей действительности в мышлении* (курсив мой. — В.П.)» [18, с. 97]. В этом контексте объект научного государственно-правового познания есть объект *методологический* в том смысле, что изучается юриспруденцией не непосредственно, а *сквозь призму исходных философско-концептуальных и понятийно-правовых оснований* [6, с. 541; 50, с. 156–157].

Следующим этапом научно-правового познания становится отражение специфических свойств, характеристик познаваемого объекта, выступающее необходимой предпосылкой формирования теоретического знания [20, с. 99–100]. Интерпретация указанных свойств и характеристик носит производный характер от исходной системы базовых философских концепций и юридических понятий в том понимании, что соответствующие мировоззренческие и методологические основания юридического познания обуславливают контексты понимания государственно-правовых явлений и процессов и задают методологическое направление их исследований [49, с. 107].

Процесс формирования юридической теории заключается в создании «сознательно-сконструированной предметности» [33, с. 547], в которой мыслительно реконструируется познаваемая государственно-правовая действительность и создается ее абстрактная теоретическая модель [9, с. 10–15]. Яркой иллюстрацией этому является разработка немецким процессуалистом Оскаром фон Бюловым теории процессуальных предпосылок (нем.: *Proceßvoraussetzung*). В ее основу положено исходное представление о том, что юридический процесс есть правоотношение (система правоотношений), и что в этом смысле его возникновение обуславливается определенным фактическим составом. В его структуре автор теории выделяет субъектный состав, процессуальные действия субъектов, предмет и сроки процесса, охарактеризованные ученым в качестве «*конститутивных элементов процессуального правоотношения*» [14, с. 32]. При этом фон Бюлов подчеркивает, что его теория является «не только обобщением ряда процессуальных правил» [14, с. 33], но — в большей степени — теоретической репрезентацией процесса, его концептуальной моделью, служащей «целям научного освоения гражданского процессуального права» [14, с. 32].

Учение о процессуальных предпосылках представляет таким образом «не просто фиксацию действительности, а ее концептуализацию... в рамках... теоретической модели» [62, с. 11], создаваемой посредством абстракции, идеализации, применения специальных научно-познавательных методов. В этом смысле оно становится развернутой системой научного знания, позволяющей осмыслить в рамках единых представлений как весь юридический процесс вообще, так и его отдельные стадии (возбуждение

дела, его подготовку к судебному разбирательству и пр.) и процессуально-правоприменительные циклы (производство в суде первой инстанции, апелляционное и кассационное производство).

Формирование такой системы знания, по В.С. Степину, представляет собой «движение от картины мира к аналоговой модели и от нее к гипотетической схеме исследуемой области», в процессе которого «в новой системе отношений абстрактные объекты наделяются новыми признаками» [59, с. 18]. Тем самым построение юридической теории состоит в последовательной совокупности конструктивных операций, цель которых заключается в создании *понятийно-терминологической модели объекта* [45, с. 329]. Именно эта модель получает впоследствии знаково-языковую репрезентацию в научном исследовании.

Изложенное оправдывает отношение к научным правовым понятиям как к единицам юридического знания, выражающим квинтэссенцию (сущностную основу) теории. Эти единицы не имеют *строго логического характера*. С одной стороны, они фрагменты мышления, что сближает их с понятиями в логическом смысле [38, с. 11]; с другой, — от логических понятий юридические научные понятия отличаются рядом признаков, выделяемых в философской литературе. В частности, если логическое понятие отражает знаковую форму мышления, то понятие юридической науки — само содержание мышления; логическое понятие при этом вне исторично, не обусловлено индивидуально-психологическими и социокультурными (в том числе ценностно-целевыми установками общества) факторами, в то время как юридическое научное понятие исторически конкретно, психологически и социокультурно обусловлено как в плане его содержания, так и в смысле его знаково-языковой репрезентации [74, с. 127 и след.].

В то же время последнее не позволяет однозначно отождествить юридическое научное понятие с *понятием, понимаемым психологически*. В психологическом смысле понятие есть общий психический образ действительности, в формировании которого ключевую роль играют психические процессы — воображение, внимание, эмоции и тому подобное [53, с. 404]. Применительно к формированию юридического понятия указанные процессы не играют *ведущей* роли, которая принадлежит *научной методологии правоведения*. Имея своим объектом познающее государство и право, юридическое мышление, юридическая методология исходит из его языковой природы, рассматривает его именно как *языковое мышление* [11, с. 9]. Сказанное опосредует контексты различения понятия в научно-правовом и в *лингвистическом* смыслах. С точки зрения языкознания, понятие представляет собой языковое отражение предмета и находится с ним в референтных отношениях (отношениях означающего и означаемого) [22, с. 142; 31, с. 335; 57, с. 57]. Юридическое научное понятие, в свою очередь, актуализирует не просто отражение явлений и процессов правовой действительности, а их *теоретическую концептуализацию*.

Обобщая изложенное, *понятие в юридической науке допустимо определить как предметно-содержательную форму (единицу) юридического мышления, в которой на уровне теоретической (знаково-знаниевой) модели представлена государственно-правовая действительность в ее существенных свойствах, основных характеристиках, закономерностях и тенденциях функционирования и развития* [2, с. 541]. Эта форма исторична, методологически и социокультурно обусловлена, в свернутом виде содержит в себе юридическую теорию и находит свое внешнее выражение в юридической терминологии, посредством которой осуществляется трансляция научного знания в юриспруденции.

Формирование понятия (теории) тем самым не является итогом научного государственно-правового познания. Научное понятие в юриспруденции нуждается в придании ему текстуальной формы, выражаясь в которой оно включается в процесс научной коммуникации, трансляции знания: без текстуальной формы научное понятие в юриспруденции остается, по образному выражению немецкого поэта Ф. Гёльдерлина, «молчанием эфира» (нем.: *die Stille des Äthers*). Примечательно, что стихотворение Ф. Гёльдерлина «*Da ich ein Knabe war...*», содержащее приведенную метафору, очень точно передает оппозицию понятия, лишённого терминологической формы, и термина, лишённого понятийного основания:

<...> *Ich verstand die Stille des Äthers,
Des Menschen Wort verstand ich nie*³.

Данный этап органически связан с *теоретическим определением* юридического понятия [21, с. 102], которое становится *третьим этапом научно-правового познания* [15, с. 9]. Определение понятия в юриспруденции, как и в любой другой научно-познавательной сфере, состоит в раскрытии его содержания посредством введения знаковых выражений (дефиниенсов), которые, применительно к предложениям языка правоведения должны «выполнять требование взаимозаменяемости» с определяемым понятием (дефиниендумом) [21, с. 101]. Иными словами, определение представляет собой «перевод» идеального содержания понятия в сферу языка правоведения, его оформление терминологической структурой [69, с. 47–48].

Классическим способом определения понятия считается определение его через ближайший род и видовое отличие (лат.: *per genus proximum et differentiam specificam*) [34, с. 116–117]. По характеристике отечественных исследователей данный способ определения понятий в юридической науке получил наибольшее распространение [27, с. 99; 43, с. 238].

Таким способом, в частности, определяет понятие закона Е.Г. Якушева: в ее трактовке закон есть «обладающий высшей юридической силой нормативный правовой акт, принятый в особом процессуальном порядке высшим

³ «Я понимал молчание эфира, / Людское слово я не понимал». Текст приводится по изданию: [86, s. 261].

представительным органом государственной власти или непосредственно народом, регулирующий наиболее важные социально значимые общественные отношения» [76, с. 911]. В данном определении усматривается ближайший род (нормативный правовой акт) и видовые отличия (особый процессуальный порядок принятия, субъекты принятия, сфера регулирования), позволяющие отграничить понятие о законе от смежных понятий (например, понятия подзаконного акта). Тем самым для определения правового понятия через ближайший род и видовое отличие необходимо обращение не только к специфическим признакам понятия, но и к *родовой категории*.

Этот момент в дефинировании научно-правовых понятий проблематизирует Герберт Харт: «...обычно, — утверждает он, — требование дать определение правового понятия — “что такое нарушение права?” или “что такое договор?” — не может быть удовлетворено представлением словесного правила для перевода юридического выражения в другие термины либо правила, конкретизирующего совокупность необходимых или достаточных условий» [85, р. 147]. Приведенный тезис Харт поясняет следующим образом: система понятий в правоведении отмечена условностью в том смысле, что их содержание вариативно, обусловлено актуальными дискурсивными практиками, а терминологические формы — историчны и изменчивы [85, р. 161–162]. С этих позиций затрудняется традиционный способ определения понятий применительно к юриспруденции, поскольку для него характерно рассмотрение определяемого понятия в связи с *единичными понятиями*, имеющими стабильное содержание и терминологическую форму, инвариантные конкретным условиям и методологии их употребления [42, с. 234].

Разделяя приведенную позицию, проиллюстрируем ее на примере определения понятия «гражданско-правовой договор». В зависимости от исследовательских контекстов родовыми (по отношению к рассматриваемому понятию) могут быть понятия о сделке [32, с. 117], правоотношении [24, с. 26–27], юридическом факте [1, с. 73–74], соглашении [72, с. 69] и средстве правового регулирования [65, с. 50]. Отсюда, в свою очередь, вытекает многообразие определений гражданско-правового договора. Данное обстоятельство отмечает Б.И. Пугинский: «Если договор выполняет регулиющую роль — и в этом видится его главное назначение, — то как можно пытаться раскрывать сущность договора через понятия “сделка” и “правоотношение” ... Ведь ни сделка, ни правоотношение никогда и ни в малейшей степени не выполняли праворегулирующую функцию. То же относится и к распространенным суждениям о договоре как о юридическом факте» [48, с. 165]. Полярную точку зрения отстаивает В.А. Белов, рассуждая о правомерности определения понятия о договоре в гражданском праве через родовую категорию юридического факта [7, с. 257–258]. Из этого следует, что определение понятия о гражданско-правовом договоре *per genus proximum et differentiam specificam* будет качественно различным исходя из избранной родовой категории [10, с. 44, 45; 19, с. 15; 39, с. 27; 58, с. 123].

С позиции методологии науки указанный факт проблематизирует *истинность такого определения*. Исследуя эту проблему, Г. Харт приходит к выводу о том, что специфика понятийного аппарата правоведения детерминирует методологию юридических определений. Если традиционный способ определения понятий, по Харту, предполагает их конкретизации через единичные понятия и термины, имеющие строго установленное значение, то в юриспруденции определение понятий должно осуществляться через *научные предложения*, то есть утверждения (высказывания), которые в системном единстве являются истинными [42, с. 234; 78, р. 1043–1044]; соответствующий способ Харт именует «объясняющим прояснением» [67, с. 147; 84, р. 960] (англ.: *explanatory elucidation*).

Предложенный Хартум способ дефиниции научных правовых понятий методологически перекликается с доктриной «открытой текстуры» (англ.: *open texture*), сложившейся в западной аналитической юриспруденции. Эта доктрина исходит из того, что смысл, вкладываемый в содержание научно-правовых понятий и значение юридических терминов, *всегда* вариативен и формируется конкретными исследовательскими и социокультурными контекстами [25, с. 242; 26, с. 50; 66, с. 127]; соответственно, в оценке истинности юридических определений неприменим (или, по крайней мере, применим лишь в ограниченных случаях) классический *критерий референции*, вместо которого доктрина «открытой текстуры» предлагает критерий *когеренции* [41, с. 95; 79, р. 52; 80, р. 43]. Доктрина «открытой текстуры» и метод объясняющего прояснения Харта показывают свою методологическую продуктивность при обозначении научно-правовых понятий, отражающих *идеальные объекты государственно-правовой действительности, не имеющие материальных (эмпирических) референтов*.

Характерным примером здесь выступает понятие о юридическом лице (корпорации). В цивилистике распространены представления (обоснованные еще Ф.-К. фон Савиньи) о том, что юридическое лицо есть правовая фикция [12, с. 72], субъект, который не существует в реальной действительности, но искусственно признается существующим в социально-правовых целях [61, с. 5]. Основой для определения понятия о юридическом лице в предложенной трактовке служит базовое представление о том, что юридическая фикция есть фикция вообще, *осознанная невозможность* [56, с. 28–31]. Следовательно, считая юридическую фикцию частным случаем фиктивности в общем смысле, а реально существующим — то, что имеет соотнесенность с некоторой эмпирической формой, и принимая данные утверждения за истинные, юридическое лицо будет методологически правомерно считать фиктивным субъектом.

С другой стороны, вводя представления о догматической фикции (нем.: *dogmatische Fiktion*), правовед Рудольф фон Иеринг отмечает ее главное отличие от фикции в логико-философском смысле: цель догматической (юридической) фикции состоит в том, чтобы «облегчить юридическое

представление» [73, с. 92; 87, s. 299; 89, p. 71–75; 90, p. 211]. В этом смысле догматическая (юридическая) фикция, заложенная в конструкцию юридического лица, не позволяет считать его измышленным, не существующим реально субъектом. В то же время, принимая данное утверждение за истинное, необходимо соотнести его со вторым из исходных утверждений — с тем, что реально существует лишь то, что имеет материальную форму. При сопоставлении данных утверждений в рамках единого определения понятия юридического лица полученное на их основе определение не будет истинным в том смысле, что *основано на исходных предложениях, относящихся к качественно различным мировоззренческим и дискурсивным системам* [95, p. 438]. Соответственно, чтобы определение понятия о юридическом лице было истинным, необходимо, чтобы предложения, вводимые для построения данного определения, при взаимном соотношении так же были бы истинными⁴. Неслучайно, что в связи с этим Генрих Риккерт отмечал: «Мы познаем не посредством представлений, а посредством суждений (курсив мой. — В.П.)» [51, с. 219]. Следовательно, можно утверждать, что *при определении понятий в современной правовой науке применяются два основных способа: через ближайший род и видовое отличие и через объясняющее прояснение*. При этом определение в юриспруденции не утрачивает своей первоначальной логической сущности и видового многообразия: например, А.Ф. Черданцев выделяет в юриспруденции номинальные и реальные, явные и неявные, субстанциальные, структурные и функциональные, а также генетические определения [69, с. 49 и след.].

Результатом определения научно-правового понятия становится приращение ему терминологической формы, значение которой передает основные смысловые акценты определения этого понятия [68, с. 104]. Эта терминологическая форма становится *словом* в структуре научного текста, которому контекстуально сообщаются соответствующие номинативные и концептуальные смыслы [28, с. 19; 82, p. 20; 88, p. 10; 96, p. 879]. В процессе научного государственно-правового познания этот этап является *завершающим*.

Обобщая изложенное, процесс научного познания государства и права, в сжатом виде описанный ранее, можно схематически изобразить в следующей логике: *феномен (фрагмент действительности) → отражение → интерпретация → объект → теория (понятие) → определение → термин → слово*.

Представленная логическая цепочка позволяет охарактеризовать научно-правовое познание как процесс «удвоения» познаваемой действительности; его исходным моментом выступает выделение познаваемого фрагмента действительности, а завершающим — создание его теоретической модели языковыми средствами, *знаковое замещение объекта*. В такой

⁴ В то же время в современной теории права высказываются мнения о том, что оценка определений научно-правовых понятий с точки зрения их истинности в принципе неприменима [17, с. 145; 81, p. 37].

логике, идеальный, сконструированный предмет юриспруденции выражается (для целей его восприятия) в определенной знаковой системе. В этом контексте проявляется единство надэмпирического (теоретико-понятийного) и эмпирического (текстуально-знакового) начала в научном познании права, то есть функциональная и методологическая взаимосвязь понятийного и терминологического аппарата правоведения [44, с. 29; 77, р. 44].

Из изложенного следует вывод, что в методологических целях исследования юридической науки ее понятийный и терминологический аппарат допустимо рассматривать в функциональном единстве. Сказанное опосредует необходимость концептуального определения понятийно-терминологического аппарата юриспруденции. Основываясь на изложенном ранее, можно предложить определение *понятийно-терминологического аппарата юридической науки как опосредованной содержанием и методологией правоведения системной взаимосвязи и взаимообусловленности научно-правовых понятий и форм их терминологического выражения, взятых в своей функциональной общности в качестве единиц языкового юридического мышления.*

Список литературы

1. Александров Н.Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук. Вып. 6. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946.
2. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 2: Специальные вопросы правоведения. М.: Статут, 2010.
3. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М.: Статут, 2010.
4. Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995.
5. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права: сборник / отв. ред. В.А. Туманов. М.: Прогресс, 1981.
6. Бекбаев Е.З. Выбор объекта исследования в теории права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3.
7. Белов В.А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. 2007. № 4.
8. Беляев М.А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009.
9. Березина Е.А. Правовое регулирование: вопросы теории: монография / Е.А. Березина. М.: КНОРУС, 2020.
10. Березина Е.А. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4(113).

11. Боруленков Ю.П. Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2(331).
12. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947.
13. Бунге М. Философия физики: Пер. с англ. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
14. Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / пер. с нем. Д.С. Ксенофонтовой; отв. ред. Д.Х. Валеев. М.: Статут, 2019.
15. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2010.
16. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976.
17. Ветютнев Ю.Ю. Выбор правопонимания: значение и критерии // Проблемы понимания права: Сборник научных статей. Серия: Право России: новые подходы. Вып. 3. Саратов: Научная книга, 2007.
18. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
19. Герлох А. О методах познания права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 1.
20. Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961.
21. Горский Д.П. Определение (логико-методологические проблемы). М.: Мысль, 1974.
22. Гухман М.М. Лингвистическая теория Л. Вейсберга // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике / Отв. ред. Р.А. Будагов, М.М. Гухман. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961.
23. Жеребило Т.В. Проблемы описания понятийно-терминологического аппарата и общеупотребительной лексики в учебных целях. Грозный: Издательство Чечено-Ингушского государственного педагогического института, 1993.
24. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975.
25. Касаткин С.Н. К проблеме идейных оснований доктрины «открытой текстуры» в праве: философия языка vs. юриспруденция правил // Мир человека: нормативное измерение — 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019.
26. Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. 2018. Т. 13. № 1.
27. Касаткин С.Н. Определение в аналитической юриспруденции Г. Харта 1950-х гг.: философские и правоведческие аспекты // Проблемы методологии и философии права: сборник статей. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016.
28. Ким В.В., Блажевич Н.В. Язык науки: Философско-методологические аспекты / Рос. филос. о-во; Межвуз. центр проблем непрерыв. гуманитар,

- образования при Урал. гос. ун-те им. А.М. Горького. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998.
29. Кичева И.В. Трансформации современного понятийно-терминологического аппарата российской педагогики. Пятигорск: Издательство Пятигорского государственного лингвистического университета, 2011.
 30. Козлов В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989.
 31. Коровина И.В. Соотношение понятий «знак», «референт», «денотат» и «концепт» как основных элементов референции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология». 2010. № 4(1).
 32. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958.
 33. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000.
 34. Лосский Н.О. Логика. Т. I. Берлин: Обелиск, 1923.
 35. Мазурин А.А. Основные тенденции возникновения и развития мусульманского права // Теория государства и права. 2019. № 4(16).
 36. Маркова-Мурашова С.А. Национальная правовая система России и типология правопонимания: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006.
 37. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
 38. Назаренко П.А. Формирование логического учения о понятии и суждении: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000.
 39. Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. 1983. № 10.
 40. Нерсесянц В.С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2001. № 6.
 41. Оглезнев В.В. «Открытая текстура» правовых понятий и теория семантических прототипов // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452.
 42. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение *per genus proximum et differentiam specificam* и юридический язык // СХОЛН. 2015. Vol. 9. No. 2.
 43. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Питер Хакер об определении в юриспруденции // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2017. № 39.
 44. Панарина Д.В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы: Дис. ... канд. юрид. наук. Тула: Тульский государственный университет, 2018.
 45. Петров С. Познание и моделирование // Ленинская теория отражения и современность. София: Наука и искусство, 1969.
 46. Пожарский Д.В. Понятийный аппарат юридической науки и роль догматизма в его развитии // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3(51).
 47. Пошер Р. Теория призрака — безрезультатный поиск теорией принципов своего предмета // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5(322).

48. Пугинский Б.И. Частный договор в научной картине права // Ученые-юристы МГУ о современном праве: Сборник статей / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2005.
49. Пучков О.А. О предмете юридической антропологии // Российский юридический журнал. 1999. № 4(24).
50. Райнах А. Собрание сочинений / Пер. с нем., сост., послесл. коммент. В.А. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
51. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997.
52. Розин В.М. Понятия «предмет» и «объект» (методологический анализ) // Вопросы философии. 2012. № 11.
53. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Издательство «Питер», 2002.
54. Савиньи Ф.-К. фон. Система современного римского права. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011.
55. Савиньи Ф.-К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. III / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2013.
56. Саркисян Л.Р. Юридические фикции: логико-доктринальный анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2018.
57. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к языковым явлениям. М.: Наука, 1983.
58. Степанова Ю.П. Об основаниях исследования понятия «механизм освобождения от юридической ответственности» // Теория государства и права. 2020. № 3–1 (19–1).
59. Стёпин В.С. Парадигмальные образцы решения теоретических задач и их генезис // Философия науки. Вып. 4. М.: Институт философии Российской Академии Наук, 1998.
60. Стёпин В.С., Смирнова Н.М., Синеокая Ю.В. Существует ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3.
61. Танимов О.В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4.
62. Тарасов Н.Н. К вопросу о предмете общей теории права и теоретических понятиях // Российский юридический журнал. 2015. № 6(105).
63. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001.
64. Фреге Г. Логико-философские труды / Готлоб Фреге; пер. с англ., нем. и франц. В.А. Суровцева. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008.
65. Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / Отв. ред. Можейко В.Н. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1954.
66. Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2007.
67. Харт Г.Л.А. Философия и язык права / пер. с англ. под ред. В.В. Оглезнева, В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2017.

68. Хижняк С.П. Семантические свойства юридического термина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 2.
69. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: НОРМА, 2012.
70. Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания): Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры, 2002.
71. Честнов И.Л. Философские основания юридической науки // Метафизика права: материалы межвузовского научно-методического colloquium по вопросам методологии и методики юридических исследований / под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017.
72. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2 / Г.Ф. Шершеневич. М.: Статут, 2005.
73. Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Институт государства и права Российской Академии Наук, 2011.
74. Щедровицкий Г.П. О методе исследования мышления / Составители и ответственные редакторы: А.А. Пископшель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М.: Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2006.
75. Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Под ред. Н.А. Власенко, Т.Я. Хабриевой. М.: Эксмо, 2009.
76. Якушева Н.Г. Закон как источник права современного российского правового государства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. Т. 29. № 6.
77. Ammann O. Domestic Courts and the Interpretation of International Law: Methods and Reasoning Based on the Swiss Example. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2020.
78. Bix B. A New Historical Jurisprudence? // Washington University Law Review. 2018. Vol. 95.
79. Bix B.H.L.A. Hart and the «Open Texture» of Language // Law and Philosophy. 1991. Vol. 10. No. 1. P. 52 et seq.
80. Bix B. Jurisprudence: Theory and Context. 3rd ed. Durham: Carolina Academic Press, 2004.
81. Bix B. Reflections on Truth in Law // Cosmos + Taxis. 2020. Vol. 8. Iss. 6.
82. Haack S. Truth, Truths, «Truth» and «Truths» in the Law // Harvard Journal of Law and Public Policy. 2003. Vol. 26. No. 1.
83. Halliday F. Aspects of South Yemen's Foreign Policy (1967–1982): Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. London: London School of Economics and Political Science, 1985.
84. Hart H.L.A. Analytical Jurisprudence in Mid-Twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer // University of Pennsylvania Law Review. 1957. Vol. 105. Iss. 7.
85. Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Essays on Logic and Language / Ed. by G. Ryle and A. Flew. Oxford: Blackwell, 1951.
86. Hölderlin F. Sämtliche Werke. 6 Bände. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1946.

87. Jhering R. von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil 3. Bd. 1. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1865.
88. Jiahong H. The Rules of Presumption in Chinese Laws // China Legal Science. 2020. Vol. 8. No. 3.
89. Knauer N.J. Legal Fictions and Juristic Truth // St. Thomas Law Review. 2010. Vol. 23.
90. Pringsheim F. Symbol und Fiktion in antiken Rechten // Studi in onore di Pietro de Francisci. Milano: Giuffrè, 1956.
91. Rand A. Atlas Shrugged. New York: Random House, 1957.
92. Reichenbach H. Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 1938.
93. Strasser A. Kognition künstlicher Systeme. Frankfurt: Ontos-Verlag, 2007.
94. Strauch H.-J. Methodenlehre des gerichtlichen Erkenntnisverfahrens: Prozesse richterlicher Kognition. München: Verlag Karl Alber Freiburg, 2017.
95. Szubert P. Meinung, Konstruktion, Interpretation. Wie der Weg zur genaueren Kenntnis in der Rechtswissenschaft gebahnt wird // Kwartalnik Neofilologiczny. 2020. No. 3.
96. Terral F. L'empreinte culturelle des termes juridiques // Meta. 2004. Vol. 49.

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЯХ И ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

***Аннотация.** Легитимность в политико-правовых учениях XX века выступает как ключевая характеристика политической власти, означающая принятие ее общественным сознанием, законность политико-правовой организации общества, доверие к конкретным ее институциям, социальное одобрение или согласие с целями, формами и средствами функционирования властной организации в целом. Это полисемантическое понятие, находящееся на стыке права, философии, политологии, социологии, психологии и других научных дисциплин. Легитимность охватывает как объективные институциональные аспекты функционирования государства и права, так и субъективные ментальные особенности взаимодействия субъектов государственно-правовых отношений. Заключая в себе эти аспекты, она выступает в качестве ключевой, комплексной характеристики государственной власти. В прошлом веке конкурирующие политико-правовые учения в своих концепциях высвечивали те или иные аспекты правомерности власти, подчеркивая ее идейную и историческую обусловленность легитимности (марксизм), формально-правовую природу (юридический позитивизм), важность процедурных (процессуальная теория) или ценностных составляющих легитимации политических режимов (теория справедливости). Важнейшее значение для развития теории легитимности и практики легитимации политических режимов в XX веке имела либеральная правовая мысль, которая является господствующей в настоящее время.*

***Ключевые слова:** легитимность, легитимация, легальность, законность, политическая система, социальный консенсус, кризис легитимности, политический капитал, избирательный процесс, избирательное право.*

THE PROBLEM OF LEGITIMACY IN POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES AND SELECTION RIGHT

***Abstract.** Legitimacy in the political and legal doctrines of the XX century acts as a key characteristic of political power, determining its acceptance by the public consciousness, legality of the political and legal organization of the society, trust in its specific institutions, social approval or agreement with the goals, forms and means of the state power functioning. Legitimacy is a polysemantic concept located at the junction of law, philosophy, political and social science, psychology, and other scientific disciplines. Legitimacy encompasses both*

objective institutional aspects of the functioning of the state and law, and subjective mental features of the interaction of subjects of state-legal relations. Legitimacy, containing these aspects, acts as a key, complex characteristic of the statehood of power. In the XX century, competing political and legal doctrines in their concepts of power highlighted certain aspects of its legitimacy, emphasizing the ideological and historical conditionality of legitimacy (Marxism), its formal legal nature (legal positivism), the importance of procedural (procedural theory) or value components of legitimation (theory of justice). The most important for the development of the theory of legitimacy and the practice of legitimation of political regimes in the XX century was the liberal legal thought, which is currently dominant.

Keywords: *legitimacy, legitimization, legality, political system, social consensus, crisis of legitimacy, political capital, electoral process, selection right.*

Значительный вклад в развитие концепции легитимности внесли работавшие в междисциплинарном ключе М. Вебер [1] (типология легитимности), Д. Истон [2, р. 282] (политическая система), К. Шмитт [3] (различение легитимности и легальности), Т. Парсонс [4] (легитимность как социальный консенсус), Н. Луман [5] (легитимация с помощью демократических процедур), Ю. Хабермас [6] (кризисы легитимности), Д. Ролз [7] (теория справедливости, перекрестный консенсус), С. Липсет [8, р. 209] (зависимость легитимности системы от ее эффективности), П. Бурдьё [9, с. 71–72] (легитимность как политический капитал, противостояние политических партий как сублимированная форма гражданской войны), М. Доган [10, с. 47] (культура «выборного» лидерства), Л. фон Штейн (концепт социального государства) [11, с. 575].

Новая философская энциклопедия определяет легитимность как «длительное согласие большинства принять правление данного класса, иерархии, власти в качестве законного»¹. Легитимность есть субъективное «человеческое» измерение власти, политико-правового устройства, правящего режима, политического лидера, конкретных государственных и правовых институтов. Легитимность — субъективная сторона права, в том числе права властвования или управления, тогда как нормативность — его объективная сторона. Легитимность отражает не формальные качества правовых норм и процедур, а принятие их населением в качестве законных.

Современная практическая социология регистрирует прямую зависимость легитимности институтов от уровня доверия к ним граждан. Опросы общественного мнения фиксируют уровень «горизонтального доверия», доверия между гражданами, социальными группами и «вертикального доверия», доверия граждан к различным политическим институтам. Как правило, существует прямая корреляция между публикуемыми ВЦИОМ²

¹ Легитимность // Электронная библиотека Института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH915aae5b4715f043784291> (дата обращения: 18.05.2023).

² Рейтинги ВЦИОМ // СоциоДиггер. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/08/Рейтинги_ВЦИОМ.pdf?ysclid=lgbuf1x4ob130526749 (дата обращения: 18.05.2023).

и Левада-центром³ рейтингами доверия политическим лидерам, политикам, одобрения либо неодобрения их деятельности и результатами очередных выборов. Таким образом, институциональное и социальное доверие — важнейшие составляющие и аксиологическое условие легитимности власти в целом и легитимации конкретного политического режима в частности.

Крупнейшие политико-правовые учения XX века — социализм, коммунизм, анархизм, фашизм, национал-социализм, либерализм — имели различные взгляды на источник, содержание власти и проблемы ее легитимации. Победившая по итогам минувшего века либеральная политико-правовая мысль определила господствующие сегодня представления о содержании, источниках и формах достижения легитимности власти. Выработанные ею принципы легитимности стали обязательными для большинства современных государств. Среди них присутствует ряд важнейших принципов, во-первых, касающихся политической конкуренции, во-вторых, разделения властей и, в-третьих, демократических избирательных процедур.

К первым относятся принципы сменяемости власти, многопартийности, формализованная роль оппозиции в демократическом процессе и представительном органе власти, конкуренция политических платформ. Ко вторым — участие граждан в управлении государством как непосредственно, например, путем референдума, так и через своих представителей в выборных органах власти (парламентах, конгрессах, пр.), подотчетность исполнительной власти законодательной. К третьим — альтернативность выбора, всеобщее свободное, равное и тайное голосование, чистота, прозрачность, транспарентность избирательного процесса, общественный контроль за голосованием.

В демократическом правовом государстве верховная власть наделяется полномочиями и сменяется в соответствии с конституционными устоями в условиях многопартийности, представительной демократии, в соответствии с демократическими выборными процедурами и нормами избирательного права. Демократическая процедура легитимации государственной власти также закреплена в Конституции Российской Федерации и предусматривает реализацию важнейших конституционных норм: приоритета прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 7), народовластия (ст. 3), единства власти, разделения властей (ст. 10, 11), верховенства закона (ст. 15), ответственности власти, деидеологизации (ст. 13), светскости.

Важнейшее философское (кантовское) противопоставление *содержания и формы* приобретает новое звучание в политико-правовых учениях о легитимности власти в прошлом веке. У разных авторов мы находим различное соотношение факторов теории и эмпирического опыта, идеологии и опыта социального взаимодействия, политико-правовой доктрины и конкретных

³ Организация признана в Российской Федерации иностранным агентом.

избирательных процедур в определении содержания концепции легитимации публичной власти.

Одной из наиболее популярных и востребованных в анализе характеристик легитимности в современной западноевропейской литературе является *системная теория*, основанная на структурно-функциональном подходе. Системная теория исходит из идеи целостности или тотальности общества. Легитимность, согласно этой теории, понимается как ценностная характеристика, обеспечивающая равновесность и устойчивость правовой системы на основе аксиологических предпосылок.

Процедурная теория, напротив, ставит на первый план опыт социального взаимодействия в процессе легитимации, который конституируется в демократических процедурах, неукоснительное следование которым и является необходимым условием легитимации власти. Преимущество процедурной теории в формализации роли политической конкуренции и многопартийности в рамках действующей политической системы, когда социальный конфликт разрешается в рамках демократических правовых процедур, а не приводит к гражданской войне и разрушению политической системы.

В основе системных теорий легитимности, характерных для континентальной (романо-германской) правовой системы, лежит социологический подход к определению легитимности, предложенный М. Вебером. У него мы находим такие источники легитимности политической власти, как вера участников социальной структуры в *справедливость* законов, приемлемость, обоснованность их установления; в то, что они верно понимаются правоприменителем и отражаются в социальной практике как *легитимный порядок*; в то, что государства обладают достаточным авторитетом для осуществления своих полномочий, *правом господства* и применения силы на определенной территории [1].

М. Вебер характеризовал институт государства как «монополию на *легитимное применение силы* на определенной территории», полагая, что государство — это «сообщество людей, которое успешно осуществляет монополию легитимного использования физической силы в пределах установленной территории» [12, р. 310]. Как правило, потребность в аппарате принуждения для государственной власти обратно пропорционально ее легитимности: *чем ниже уровень легитимности, тем сильнее принуждение*.

Проблема определения *источника легитимности* власти тесно связана с господствующей *теорией происхождения государства*. Системы взглядов, аргументирующих в качестве главной ту или иную причину возникновения государственности, одновременно определяли источник ее легитимности. Истоки легитимности видели в божественном происхождении власти (теологическая теория), государственном патернализме (патриархальная теория), праве господства и насилия (теория насилия), господстве правящего класса (марксистская теория), психологической потребности в господстве

и подчинении (психологическая теория), имманентном свойстве политико-правовой системы организации общества (органическая теория).

Как нетрудно заметить, первым условием, определяющим доверие населения к власти, а также влияющим на сохранение власти и ее стабильность, является категория *справедливости*. При этом в основе действительных представлений о справедливости власти лежат различные переменные факторы. Эти факторы могут существенно отличаться в разных обществах и на различных этапах развития общества.

В основе западных представлений о справедливости политико-правовой системы лежит договорная концепция происхождения государства, которая формирует современную *процедурную теорию легитимности* власти и конкретных политических режимов. Это связано с тем, что в англо-американской правовой системе источником права является правовой прецедент. Соответственно, в роли источника государственно-властных правоотношений, отношений гражданина и публичной власти в этой системе выступает опыт социального взаимодействия между объектом и субъектом управления. Опыт конституируется в соответствующей демократической доктрине, формализуется в демократических институтах и процедуре, фиксируется в конституции в качестве основы своеобразного общественного договора власти и индивидуума — базы легитимации политических режимов.

Для российской политической системы (как и для советской) определяющее значение в вопросе легитимности власти, наоборот, имеют не процедурные, а идейные и даже идеологические составляющие. Этим объясняются поиски в нашей стране национальной идеи и общенационального консенсуса. В 1990-е годы, после распада СССР в условиях конституционного отказа от общеобязательной государственной идеологии, руководящей и направляющей роли коммунистической партии, перехода к декларации плюрализма политических программ и многопартийности, советские идеологические основы легитимности власти были заменены на либеральные процедурные, связанные с созданием условий для демократической политической конкуренции. Последние основаны на следовании международно-признанным демократическим процедурам, таким, как соблюдение чистоты избирательного процесса, многопартийность, сменяемость власти.

В России формирование электоральной демократии на основе процедурной теории легитимности и на фундаменте западных демократических стандартов и принципов сталкивается с объективными сложностями.

Первая проблема заключается в том, что даже административно и юридически обеспеченная, формализованная процедура выборов не гарантирует демократическое качество государственной власти, защиту от популистов и временщиков у власти. *Вторая проблема* — недоверие к электоральным процедурам, слабый уровень развития политической и правовой культуры граждан, их реальной способности действительно быть субъектами

политического и избирательного процесса [13, с. 56]. *Третья проблема* — отсутствие в России традиции свободных, равных выборов. Процессуальные вопросы выборов никогда не были определяющими для функционирования власти в нашей стране.

В континентальной (романо-германской) системе права, к которой относится российская правовая система, легитимность власти есть существенная, изначально ей присущая характеристика. В этой системе признание политического режима в качестве легитимного не всегда основывается на реальном волеизъявлении граждан. Другими словами, каждая реально функционирующая политико-правовая система создает свою легитимность.

Наиболее ярко это проявилось в трудах немецкого юриста К. Шмитта. Фигура данного правоведа весьма неоднозначна из-за той симпатии, которую он выражал национал-социалистическому режиму в Германии. Захват власти в Германии нацистами ни в какие рамки законности не укладывался. Для оправдания этого и была привлечена теория легитимности. Сущность концепции легитимности власти в концепции К. Шмитта заключается в том, что право на власть должно быть обосновано соответствующей легитимностью, которая определяется исходя из двух основных факторов: силы и авторитета. *Силу* можно определить как способность власти обеспечивать выполнение ее указаний, а *авторитет* — как способность власти накладывать свою волю на других лиц без применения силы [14].

В XX веке конкурирующие политико-правовые учения в своих концепциях власти высвечивали те или иные аспекты ее легитимности, подчеркивая идейную и историческую обусловленность легитимности (марксизм), ее формально-правовую природу (юридический позитивизм), важность процедурных (процессуальная теория) или ценностных составляющих легитимации (теория справедливости).

Сегодня почти повсеместно легитимность основывается на поддержке народа и участии граждан в формировании институтов власти как важнейшем критерии законности политических режимов. По данным на 2018 год, большинство (94,8%) [15, с. 62–72] современных государств осуществляют легитимацию верховной власти через институт выборов.

Однако это не означает полную победу в современном мире демократической и рационально-правовой формы легитимации государственной власти. В настоящее время сосуществуют рациональные и иррациональные источники легитимации власти и политического режима. Иррациональные источники легитимности власти остаются важными не только в так называемых «молодых демократиях», но и в странах с богатой традицией проведения демократических выборов.

Иррациональные составляющие восприятия легитимности государственной власти (наделение народом власти особыми сакральными свойствами, ее моральный авторитет, поиски общенационального консенсуса или национальной идеи), как правило, уживаются с *рациональными составляющими*

(успешность политического режима, его международное признание, демократический характер формирования власти, открытость, прозрачность, законность избирательных процедур).

Представляется, что соотношение рациональных и иррациональных оснований легитимности власти со временем практически не меняется, что связано с неизменностью психоэмоциональной природы человека.

Либеральная концепция легитимности государственной власти не исключает важности *идеологических составляющих ее легитимации*. В концепциях Ю. Хабермаса, Д. Ролза, К. Поппера права и свободы человека и гражданина, к которым относят свободу личности, свободу совести, свободу вероисповедания, свободу слова, право на неприкосновенность частной жизни, право на равенство перед законом, право на судебную защиту и право на жизнь и другие, фактически становятся основой своеобразной идеологии западной легитимации власти.

К. Поппер в книге «Открытое общество и его враги» [16], которую он писал во время Второй мировой войны в период с 1938 по 1943 годы, отмечал усиление тенденций иррационализма и авторитаризма в политической жизни, сопровождающихся отрицанием реальности человеческой свободы. «Закрытым» он называл общество, организованное на основе авторитарно установленных неизменных норм. В противовес этому открытое общество основано на высоком и зрелом критическом потенциале человеческого разума, стимулирующем инакомыслие и интеллектуальную свободу как индивидов, так и социальных групп, направленную на непрерывное реформирование социума в целях разрешения встающих перед ним проблем. Он считал, что основой легитимности власти является демократический процесс, который обеспечивает свободу выбора и контроля граждан над действиями правительства.

Многие критики либерального подхода полагают, что это — идеология для внешнего, а не для внутреннего пользователя. То есть, применяется «странами победившей демократии» против стран «третьего мира». Обычно все властные режимы делятся ими на демократические, авторитарные и тоталитарные исходя из соответствия вышеуказанным принципам. Поэтому, и международно-правовое признание тех или иных режимов ставится ими в зависимость от реализации этих демократических принципов.

В современных западных государствах существуют объективные системные проблемы, снижающие уровень легитимности государственной власти, такие, как исключение вопросов классового противостояния и рабочего движения из политической повестки. В то же время среди очевидных достижений западных демократических режимов можно назвать институционализацию и ограничение количества оппозиционных ролей политических партий, формализацию и периодизацию процесса постоянной легитимации, которая включает все население в процесс легитимации как избирателей.

Ссылка на легитимность стала в наше время одним из существенных атрибутов политико-правовой аргументации, инструментом политической борьбы, поводом для вмешательства во внутренние дела государства со стороны внешних сил. Легитимность чрезвычайно легко может превратиться в свою противоположность: стоит назвать основные структуры власти нелегитимными, как целые правовые системы или правопорядки объявляются внешними или внутренними центрами влияния как незаконные. В этом заключается практическое использование легитимности как необходимого критерия и требования к политико-правовой организации общества.

Демократическая эра характеризуется всеобщим распространением избирательной системы. Признаваемая и гарантируемая демократическими правовыми государствами возможность участия граждан в формировании органов народного представительства на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании находит свое нормативное воплощение в положениях Всеобщей декларации прав человека (ст. 21), Европейской хартии местного самоуправления (ст. 3) и Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (ст. 1), статье 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и пункт «b» статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которым каждый гражданин должен иметь без какой-либо дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность избирать и быть избранным на подлинных периодических выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей.

Право на участие в выборах и референдумах единогласно признается всеми исследователями важнейшей конституционно-правовой основой легитимности государственной власти. Право на всеобщее, прямое, тайное голосование на выборах, которое в наибольшей степени обеспечивает учет волеизъявления избирателей, стало одним из важнейших достижений юридической науки в XX веке. Выборы сегодня — не только важнейший элемент демократического политического режима, но и условие его легитимности [17, с. 62].

Сейчас любая политическая система для своего сохранения и развития вынуждена основываться не только на демократических процедурах, но и должна обеспечить общенациональный консенсус по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики. Одновременное выполнение этих задач позволяет говорить о легитимной устойчивости политической системы.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York, 1965.
3. Шмитт К. Политический романтизм. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2015.
4. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
5. Луман Н. Власть. М., 2001.
6. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
7. Rawls J. A theory of justice. Cambridge, Mass. [u.a.], 2005.
8. Lipset S. M., Lakin J.M. The Democratic Century. University of Oklahoma press, 2004.
9. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
10. Доган М., Шумилина Т.Н. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. № 6.
11. Штейн, Л. фон. Учение об управлении и право управления со сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А.С. Гиероглифов, 1874.
12. Weber M. The profession and vocation of politics // Lassman P. Weber: Political Writings. Cambridge, 1994.
13. Веденеев Ю.А. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации // Журнал российского права. 2005. № 6.
14. Кутарев О.Ю. О соотношении понятий легальности и легитимности в лексиконе юристов третьего рейха // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 1 (3).
15. Нисневич Ю. Институт выборов как механизм легитимации государственной власти // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 2.
16. Поппер К. Открытое общество и его враги (в 2-х томах). М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
17. Плигин В.Н., Авилов Я.Д. Гарантии права быть избранным как фактор легитимности власти // Государство и право. 2020. № 1.

ПРОЦЕДУРА ПЕРВИЧНОГО ГОЛОСОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО КАЧЕСТВЕННОГО ПОДБОРА ПАРТИЙНЫХ КАНДИДАТОВ

***Аннотация.** Статья посвящена процедуре предварительного голосования (праймериз), как механизму публичного отбора «кандидатов в кандидаты», которая становится привычной реальностью российской политической жизни. Будучи обязанным своим зарождением политическим традициям Соединенных Штатов Америки, праймериз в России отнюдь не являются калькой с заокеанских лекал. По сути, сходство отечественной процедуры предварительного голосования с американским праймериз состоит только в философии, — в их общем смысле и направленности на то, чтобы максимально справедливо и беспристрастно определить наиболее подготовленного и достойного кандидата на ту или иную выборную должность. Что касается механизмов реализации предварительного голосования, то они разнятся примерно в той же степени, насколько непохожи избирательные процедуры в Российской Федерации и США, то есть весьма кардинально.*

***Ключевые слова:** процедура предварительного голосования, праймериз, выборы, голосование, выдвижение и регистрация кандидатов, Государственная Дума.*

PRIMARY VOTING PROCEDURE AS A MEANS OF QUALITY SELECTION OF PARTY CANDIDATES

***Abstract.** The article is devoted to the procedure of preliminary voting (primaries) as a mechanism for public selection of «candidates for candidates», which is becoming a familiar reality of Russian political life. Being indebted to the political traditions of the United States of America, the primaries in Russia are by no means a copy of overseas patterns. In fact, the similarity of the domestic procedure of preliminary voting with the American primaries is only in philosophy, in their general sense and orientation to determine as fairly and impartially as possible the most prepared and worthy candidate for a particular elective position. As for the mechanisms for implementing preliminary voting, they differ approximately to the same extent as the electoral procedures in the Russian Federation and the United States, that is, very radically.*

***Keywords:** procedure of preliminary voting, primaries, elections, voting, nomination and registration of candidates, State Duma.*

Очевидно, что при применении механизма праймериз, особенно когда в процедуре предварительного голосования задействовано большое количество кандидатов и избирателей¹, особое внимание должно быть уделено реализации принципа гласности, поскольку при таком подходе к проведению отбора кандидатов процедура праймериз в известной степени перестает быть сугубо внутривнутрипартийным делом. Не будет преувеличением сказать, что механизм предварительного голосования исторически наиболее востребован в условиях, когда в обществе возникает сильный запрос на более понятную, справедливую и публичную процедуру отбора кандидатов, приходящую на смену вызывающим раздражение, непонимание и споры непрозрачным, «келейным» и потенциально коррупционным решениям партийной бюрократии [1, с. 25–31]. Таким образом, правовое регулирование всех стадий предварительного голосования — от старта процедуры (принятие решения о проведении праймериз, создание организационных комитетов и т.д.) до подведения результатов праймериз — должно быть максимально подчинено принципу гласности. Информация о предварительном голосовании и ходе его проведения должна быть открытой, доступной и понятной самым широким слоям населения, интересующимся этой процедурой, в том числе через возможности средств массовой информации.

Поскольку единственной политической партией в Российской Федерации, настойчиво, последовательно и неуклонно продвигающей в своей деятельности механизм предварительного голосования для определения будущих кандидатов, является Всероссийская политическая партия «Единая Россия»², целесообразно рассмотреть реализацию принципа гласности в партийных документах, регламентирующих указанную процедуру, сравнив ее с гарантиями, содержащимися в избирательном законодательстве при регулировании схожих выборных процедур.

Анализ положений о проведении предварительного голосования позволяет выделить следующие стадии (этапы) его проведения:

- назначение предварительного голосования, создание организационных комитетов;
- выдвижение и регистрация кандидатов;
- информирование и агитация;
- образование счетных комиссий;
- голосование и подсчет голосов;
- определение результатов;
- обжалование нарушений (факультативная стадия).

¹ В «Единой России» началась процедура подведения итогов праймериз // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/11512225> (дата обращения: 18.04.2023).

² П. 8.1 Устава Партии «Единая Россия» // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: <https://er.ru/party/rule> (дата обращения: 18.04.2023).

Назначение предварительного голосования

В отличие от норм законодательства о выборах, четко регулирующего, какие органы и в какие сроки должны принять решение о назначении выборов, а также сроки публикации указанного решения³ и, соответственно, отсчет начала избирательной кампании⁴, партийные положения о предварительном голосовании не всегда устанавливают четкие сроки назначения праймериз и не содержат позиций о необходимости публикации соответствующих решений. Данное положение, безусловно, нельзя отнести к позитивным тенденциям, поскольку это может привести к нарушению принципа правовой определенности. Например, положение о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации содержит лишь общую норму о том, что предварительное голосование проводится в год проведения выборов депутатов Государственной Думы, не конкретизируя ее обязанностью какого-либо партийного органа принять соответствующее решение и не устанавливая срок для его принятия, а также необходимость опубликования⁵. Вместе с тем по статье 14 указанного положения выдвижение кандидатов предварительного голосования начинается за 80 дней до последнего дня электронного голосования⁶. То есть, из системного толкования двух указанных норм можно сделать вывод, что решение о назначении процедуры предварительного голосования должно быть принято и опубликовано не позднее чем за 80 дней до последнего дня электронного голосования, то есть до начала процедуры выдвижения кандидатов на праймериз, иначе последние просто не смогут получить необходимую для выдвижения информацию. На практике решение о назначении предварительного голосования на основных выборах депутатов Государственной Думы принимается съездом партии и практически незамедлительно публикуется на ее интернет-сайте,

³ Ст. 10 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 03.04.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Избирательная кампания — деятельность по подготовке и проведению выборов, осуществляемая в период со дня официального опубликования (публикации) решения уполномоченного на то должностного лица, государственного органа, органа местного самоуправления о назначении выборов до дня представления избирательной комиссией, организующей выборы, отчета о расходовании средств соответствующего бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов (подп. 19 ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 03.04.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Ст. 5 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: https://pg.er.ru/files/pol_fed_20230125.pdf (дата обращения: 18.04.2023).

⁶ Там же. Ст. 14.

а новость о старте предварительного голосования широко освещается средствами массовой информации⁷.

Примечательно, что при проведении предварительного голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы партийными документами предусмотрена как обязанность принятия решения о назначении праймериз, так и определен орган, его принимающий (Президиум Генерального совета), но не детерминирован срок принятия данного решения (также может быть установлен посредством системного толкования норм положения как срок до начала периода выдвижения кандидатов предварительного голосования) и обязанность его опубликования⁸. При назначении процедуры предварительного голосования как на региональном, так и муниципальном уровнях определены сроки принятия соответствующих решений и партийные органы, уполномоченные на их принятие, но также отсутствует обязанность и сроки их обнародования⁹.

В то же время все положения о проведении праймериз предусматривают, что процедура предварительного голосования проводится с учетом методических рекомендаций Центрального исполнительного комитета партии¹⁰. На деле это означает выработку опытнейшими юристами-практиками, работающими в аппарате партии, типовых образцов решений, которые, в частности, содержат в себе пункт об их обязательном опубликовании, то есть в конечном счете принцип гласности находит свою реализацию на стадии принятия решения о назначении предварительного голосования.

⁷ Праймериз партии «Единая Россия». Досье // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/2669202> (дата обращения: 18.04.2023); Кандидатов отберут всенародно и электронно // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4711285> (дата обращения: 18.04.2023).

⁸ П. 2 ст. 30 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: https://pg.er.ru/files/pol_fed_20230125.pdf (дата обращения: 18.04.2023).

⁹ Ст. 5 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты законодательных органов субъектов Российской Федерации // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: https://pg.er.ru/files/pol_reg_20230125.pdf (дата обращения: 18.04.2023); ст. 5 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты представительных органов муниципальных образований и на иные выборные должности местного самоуправления // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: https://pg.er.ru/files/pol_mun_20230125.pdf (дата обращения: 18.04.2023).

¹⁰ Ст. 2 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: https://pg.er.ru/files/pol_fed_20230125.pdf (дата обращения: 18.04.2023); ст. 2 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от Партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты законодательных органов субъектов Российской Федерации // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: https://pg.er.ru/files/pol_reg_20230125.pdf (дата обращения: 18.04.2023); ст. 2 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от Партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты представительных органов муниципальных образований и на иные выборные должности местного самоуправления // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: https://pg.er.ru/files/pol_mun_20230125.pdf (дата обращения: 18.04.2023).

Создание организационных комитетов

Сама по себе необходимость образования партийными решениями отдельных структур (организационных комитетов) для проведения предварительного голосования, не являющихся при этом уставными органами политической партии, продиктована необходимостью максимально вывести процесс предварительного отбора кандидатов из-под влияния партийной бюрократии и сделать его действительно независимым, максимально гласным и объективным. При этом вопросы иерархичности, взаимодействия организационных комитетов с уставными органами партии также представляют определенный интерес и могут являться предметом отдельного анализа и исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Такой подход обуславливает критерии нормативного регулирования качественного состава организационных комитетов, в которых в обязательном порядке должны быть включены представители средств массовой информации, что является гарантией неукоснительного соблюдения принципа гласности в их работе¹¹. При этом принципиально важным является необходимость включения представителей СМИ именно в состав членов организационных комитетов, поскольку в данном случае, по сути, не только заседания, но и вообще все действия и решения, касающиеся процедуры предварительного голосования, неминуемо становятся гласными и публичными. Кроме того, предусматривается право зарегистрированных кандидатов, их представителей, а также представителей средств массовой информации присутствовать на всех заседаниях организационных комитетов¹², и устанавливается обязанность публикации всех решений оргкомитетов в Интернете в течение суток с момента их принятия¹³, что гарантирует абсолютную открытость и прозрачность всех принимаемых решений.

Еще одним залогом публичности деятельности организационных комитетов является необходимость включения в их состав представителей общественных объединений (в количестве не менее 30% от общего числа членов состава соответствующего организационного комитета), а также возможность привлечения к этой работе лидеров общественного мнения, представляющих доминирующие профессиональные и социальные среды региона¹⁴.

Выдвижение и регистрация кандидатов на праймериз

Выдвижение и регистрация кандидатов на праймериз представляют собой достаточно сложную процедуру, в которой политическая партия зачастую предъявляет к потенциальным кандидатам предварительного голосования более жесткие требования, чем критерии, установленные законодатель-

¹¹ Там же. Подп. 6 п. 4 ст. 11.

¹² Там же. П. 1 ст. 7.

¹³ Там же. П. 11 ст. 12.

¹⁴ Там же. Подп. 4 п. 4, п. 5 ст. 11.

ством о выборах. С точки зрения реализации принципа гласности на данных стадиях процедуры представляется правильным отметить следующие положительные практики, зафиксированные в нормативных документах, регулирующих предварительное голосование:

право потенциального кандидата получить в организационном комитете консультацию по вопросам, связанным с процедурой выдвижения на праймериз. Отдельно фиксируется право получить методические материалы и формы документов, необходимые для выдвижения¹⁵. Такой подход в целом соответствует получившей в последние годы распространение практике активного претворения в реальность функции по обеспечению реализации и защите избирательных прав¹⁶, при которой избирательные комиссии, организующие выборы, занимают проактивную позицию по оказанию помощи участникам избирательного процесса, — тем из них, профессионализм которых в сфере избирательного права не должен вызывать сомнений, то есть представителям политических партий и кандидатам. Вместе с тем, при проведении процедуры как предварительного голосования, так и избирательных кампаний, в итоге обязанность по правильному оформлению необходимых для выдвижения и регистрации документов все-таки ложится непосредственно на кандидата, а не на регистрирующие органы (оргкомитеты и избирательные комиссии)¹⁷;

обязанность организационного комитета довести до избирателей сведения о кандидатах в объеме, установленном организационным комитетом, посредством публикации в Интернете, а также разместить согласованные с кандидатами сведения о них в помещении каждой участковой счетной комиссии¹⁸. Практически аналогичная норма в части размещения информации

¹⁵ Там же. П. 4 ст. 14.

¹⁶ П. 3 ст. 20 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 03.04.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ Например, Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.08.2019 № 78-АПА19-52 (Суд признал законным решение избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата в депутаты, поскольку в представленном кандидатом заявлении о согласии баллотироваться кандидатом не указана должность кандидата по месту работы); Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2019 № 11-АПА19-20 (отменено решение избирательной комиссии о регистрации кандидатом в депутаты, поскольку кандидатом в избирательную комиссию были представлены копии документов, подтверждающих сведения об образовании, основном месте работы или службы, о занимаемой должности (роде занятий), а также копия паспорта, не заверенные самим кандидатом, что является основанием для отказа в регистрации кандидата в депутаты); Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.08.2014 № 11-АПП14-11 (удовлетворено требование об оспаривании постановления избирательной комиссии в части регистрации в составе республиканского списка кандидатов, выдвинутого региональным отделением политической партии, поскольку факт представления кандидатами документов, оформленных с нарушением требований Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», подтвержден, соответственно, оспариваемое постановление принято с нарушением норм избирательного законодательства).

¹⁸ Обязанность была предусмотрена до 2023 года (п. 4 ст. 29 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской

о кандидатах в помещениях участковых избирательных комиссий действует в избирательном законодательстве¹⁹, однако объем данных сведений не идентичен: если на предварительном голосовании на счетных участках размещались биографические данные, то на избирательных участках эта информация дополняется также сведениями о доходах и об имуществе кандидата и выявленных в них несоответствиях, если таковые имели место. С 2016 года по настоящее время для целей информирования о процедуре предварительного голосования, в том числе для размещения сведений о кандидатах, действует специальный партийный сайт www.pg.er.ru, на котором любой желающий может найти интересующую его информацию о праймериз и кандидатах.

Информирование и агитация

Информирование и агитация на предварительном голосовании выполняют разные функции. Если первая правовая конструкция направлена на то, чтобы максимальным образом проинформировать участников процесса о его сроках и порядке совершения действий по участию в предварительном голосовании и о кандидатах, то агитация имеет своей конечной целью склонить избирателя к голосованию за какого-либо конкретного кандидата. Соответственно, разнятся и субъекты информирования и агитации: информирование производится организационными комитетами и счетными комиссиями, а агитация осуществляется кандидатами. Объективно говоря, такое разделение целей информирования и агитации весьма условно и носит для участников праймериз сугубо прикладной характер, поскольку очевидно, что вся процедура предварительного голосования проводится политической партией, способствует повышению ее узнаваемости и популярности и, следовательно, носит агитационный характер, хотя и решает поставленную задачу по отбору политической партией наиболее подготовленных кандидатов [2, с. 304–307].

Не вдаваясь в подробности непосредственного содержания обеих процедур, хотелось бы остановиться на следующих аспектах регулирования информирования и агитации, представляющих интерес с точки зрения тематики данной публикации:

– запрет публикации в последний день электронного голосования до момента окончания голосования на территории соответствующего избира-

Федерации // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: <https://er.ru/media/documents/March2021/anmGUUIXExbCswzNA2pW.pdf> (дата обращения: 18.04.2023). В настоящее время голосование проводится в электронной форме, однако процедура информирования избирателей о кандидатах не регламентирована. При этом на практике избиратель непосредственно при голосовании может ознакомиться с информацией о кандидате электронно, наведя на его фамилию курсор.

¹⁹ П. 3 ст. 61 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 03.04.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельного округа данных об итогах и результатах голосования²⁰. Аналогичная по своей сути норма содержится также в избирательном законодательстве²¹, и в данном случае приоритетом является создание необходимых гарантий для свободного волеизъявления избирателей, то есть условий, при которых они могут сделать осознанный выбор при голосовании без факторов внешнего давления, включая информационное. В сущности, с этой же целью избирательное законодательство содержит также запрет на публикацию в течение пяти дней до дня голосования, а также в день голосования результатов опросов общественного мнения, прогнозов результатов выборов и референдумов, иных исследований, связанных с проводимыми выборами, в том числе их размещение в информационно-телекоммуникационных сетях, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц (включая Интернет)²², который отсутствует в нормативном регулировании предварительного голосования, хотя его введение было бы логичным, поскольку обе процедуры содержат запрет на проведение агитации в дни голосования;

– обязанность зарегистрированного кандидата предварительного голосования разместить не менее двух единиц видеоконтента со своим участием по определяемой организационным комитетом тематике. Видеоконтент размещается в личном кабинете зарегистрированного кандидата на специальном сайте²³. До 2020 года нормативные документы партии, регулирующие предварительное голосование, содержали обязанность каждого зарегистрированного кандидата принять участие не менее чем в двух совместных агитационных мероприятиях, проводимых в форме дебатов с прямой трансляцией в Интернете, но в связи с пандемией коронавирусной инфекции — из-за невозможности проведения очных дебатов — эти нормы трансформировались в обязанность размещения видеоконтента. При этом как неучастие в дебатах ранее, так и неразмещение видеоконтента, являются основанием для исключения кандидата предварительного голосования из участия в процедуре праймериз, что говорит о безусловной необходимости выполнения кандидатами данных требований²⁴. Представляется, что в условиях, когда угроза коронавирусной инфекции в целом миновала, можно было бы рассмотреть возможность возврата к необходимости проведения дебатов

²⁰ П. 3 ст. 17 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: https://pg.er.ru/files/pol_fed_20230125.pdf (дата обращения: 18.04.2023).

²¹ П. 7 ст. 45 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 03.04.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² Там же. П. 3 ст. 46.

²³ П. 4 ст. 20 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: https://pg.er.ru/files/pol_fed_20230125.pdf (дата обращения: 18.04.2023).

²⁴ Там же. П. 7 ст. 15.

между кандидатами предварительного голосования, что способствовало бы повышению общественного интереса к процедуре праймериз и более качественному отбору кандидатов, позволив лучше подготовить их к проведению дебатов, предусмотренных избирательным законодательством²⁵.

Образование счетных комиссий

Образование счетных комиссий для проведения предварительного голосования осуществлялось прозрачно, гласно и по понятным критериям: члены счетных комиссий на праймериз подбираются из числа членов соответствующих избирательных комиссий как с правом решающего, так и с правом совещательного голоса, назначенных соответственно по предложению или по решению политической партии или зачисленных в резерв составов участковых комиссий²⁶. Поскольку процедура предварительного голосования проводится до старта избирательной кампании, такой подход не противоречит положениям избирательного законодательства, запрещающим членам избирательных комиссий участвовать в агитационных мероприятиях²⁷. Однако развитие современных технологий привело к постепенному переводу голосования в электронный формат, мощнейшим катализатором которому выступила уже упоминавшаяся выше пандемия²⁸.

Голосование, подсчет голосов и определение результатов предварительного голосования также производятся открыто и гласно и в целом похожи на проведение соответствующих процедур на выборах.

К гарантиям реализации принципа гласности на данных этапах праймериз можно отнести следующие механизмы:

²⁵ В соответствии с пунктами 4 и 41 ст. 51 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 03.04.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не менее половины общего объема эфирного времени должно быть предоставлено зарегистрированным кандидатам, избирательным объединениям для проведения совместных дискуссий, «круглых столов» и иных совместных агитационных мероприятий. При этом в совместных агитационных мероприятиях могут участвовать зарегистрированные кандидаты только лично (в том числе от имени избирательного объединения только зарегистрированные кандидаты, выдвинутые этим избирательным объединением на соответствующих выборах), за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом.

²⁶ П. 2 ст. 25, п. 3 ст. 26 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: <https://er.ru/media/documents/March2021/anmGUUIEXbCcwzNA2pW.pdf> (дата обращения: 18.04.2023).

²⁷ Подп. «д» п. 7 ст. 48 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 03.04.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁸ П. 2 ст. 5 Положения о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Партия «Единая Россия». Официальный сайт. URL: https://pg.er.ru/files/pol_fed_20230125.pdf (дата обращения: 18.04.2023).

- извещение избирателей, кандидатов и иных лиц о времени и месте голосования, в том числе посредством размещения соответствующей информации в Интернете;
- предъявление присутствующим перед началом голосования и опечатывание пустых ящиков для голосования;
- проверка на однократность голосования избирателя через специальную программу до выдачи избирательного бюллетеня;
- оглашение данных по итогам работы со списками избирателей, а также данных о количестве действительных и недействительных бюллетеней и результатах подсчета;
- оглашение данных, содержащихся в избирательном бюллетене, и обеспечение возможности визуального контроля за ними со стороны всех присутствующих на счетном участке, включая представителей кандидатов. При этом зарегистрированный кандидат вправе назначить по одному своему представителю как в организационный комитет, так и во все счетные комиссии (список представителей кандидата в участковые счетные комиссии должен быть представлен в организационный комитет не позднее чем за три дня до начала процедуры голосования на праймериз);
- возможность ведения фото- и (или) видеосъемки представителем кандидата как в помещении организационного комитета, так и в помещении счетной комиссии, если при этом не нарушается тайна голосования, отсутствует возможность контроля за волеизъявлением избирателей и обеспечивается сохранность персональных данных избирателей. Вести фото- и (или) видеосъемку в местах, предназначенных для заполнения бюллетеней, фото- и (или) видеосъемку заполненных бюллетеней до начала подсчета голосов запрещается, что, безусловно, логично, поскольку иной подход означал бы возможность нарушения тайны голосования и использования манипулятивных технологий относительно определения потенциального победителя до официального подсчета голосов;
- проведение итогового заседания счетной комиссии, на котором в обязательном порядке рассматриваются все поступившие жалобы;
- возможность получения представителем кандидата заверенной копии протокола об итогах голосования.

* * *

Подводя итоги, можно сделать однозначный вывод, что принцип открытости и гласности находит свою непосредственную реализацию на всех стадиях проведения предварительного голосования. Средства массовой информации широко освещают процедуру праймериз, причем развитие медиадискурса о предварительном голосовании в целом соответствует стадиям самой процедуры [3, с. 40–44]. Можно и нужно анализировать пути дальнейшего усовершенствования процедуры предварительного голосования, но вместе с тем не поддается никакому сомнению тот факт, что по степени

транспарентности и гласности данная процедура принципиально отличается в лучшую сторону от непубличного и закрытого от избирателей, а зачастую и рядовых членов политических партий, подбора кандидатов руководящими органами политических партий, игнорирующими общественный запрос граждан на соучастие в этой работе.

Список литературы

1. Шишкина Н.Э. «Праймериз» как предстация избирательного процесса // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1.
2. Камалов Р.Н. Праймериз и политическое неравенство на выборах // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42).
3. Каминская Т.Л. Праймериз в медиадискурсе: российский контекст // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 4 (24).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные идеологические конструкты, используемые политическими парламентскими партиями России в предвыборных программах на выборах в Государственную Думу Российской Федерации в 2011, 2016 и 2021 годах, а также процесс их изменения за три думские кампании. В представленной работе предлагается рассмотреть программы парламентских политических партий накануне проведения выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** программа политической партии, политические партии, идеология, выборы, Государственная Дума.*

TRANSFORMATION OF IDEOLOGICAL CONSTRUCTS IN POLITICAL PARTIES' PROGRAMS IN RUSSIA

***Abstract.** The article describes the main ideological constructs, which are used by Russian parliamentary political parties in election programs to the State Duma in 2011, 2016 and 2021, and how its changes for three elections cycle. In the presented work, it is proposed to consider the programs of parliamentary political parties on the eve of the elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.*

***Keywords:** program of political party, political parties, ideology, elections, State Duma.*

Последнее десятилетие современной России оказалось насыщено событиями, влияющими как на федеральную, так и на локальную повестку. Это не могло не сказаться на программах политических партий в период федеральных парламентских выборов. Партии — выразители интересов различных социальных групп, но эти группы объединяются на основе одобрения сценариев образа будущего, которые транслирует партия.

Имеющийся массив работ по исследованиям программ российских политических партий сосредоточен на обзорах программ партий в конкретный электоральный цикл, а также компаративный анализ программ партий одного избирательного цикла, согласно узким направлениям программных

документов: внешняя политика [1, 2] и военная безопасность [3], социальная повестка [4, 5], гендерный аспект [6, 7], национальная повестка [8], концепт будущего в программах партий [9, 10], ценностный аспект партийных программ [11, 12], религиозный фактор [13].

Федеральная повестка задает общий тон деятельности региональных отделений политических партий. Помимо переосмысления их роли в политическом процессе, партийные деятели отмечают смену приоритета партийной учебы: ранее она была неотъемлемой частью их деятельности и проводилась активнее, нежели сейчас (в отдельных случаях таковая вообще отсутствует, особенно в регионах). Отметим, что региональный контекст и деятельность региональных отделений политических партий может от субъекта к субъекту разительно отличаться, и не всегда лицами, избранными от партий, принимаются решения с опорой на партийную идеологическую платформу. Особенно ярко это проявляется в период проведения региональных и местных кампаний, когда кандидаты от партий уделяют меньше внимания полновесной партийной программе, находясь исключительно в контексте локальной повестки. Стоит принимать во внимание и усиливающуюся размытость транслируемых ценностей, и кардинальное переосмысление роли партий в политическом процессе.

Описанные выше факторы, особенно в части отличия субъектов Российской Федерации друг от друга, вполне закономерны, учитывая протяженность России. Компоненты локальной повестки — постановка и методы решения интересующих вопросов, рутинные процессы и быт граждан, их социальный статус и другое — все это существенно влияет на то, какая концепция будущего окажется наиболее близкой для электората, когда он решит оказать поддержку какой-либо политической силе.

* * *

С целью определения терминологических границ используемых конструктов идеологии соединяя различные варианты понимания термина «конструкт» заключаем, что это — весь потенциал значения терминов, включающий в себя, помимо основного смысла, комплекс ассоциативных приращений, реализующихся в речи при определенном наборе слов в контексте, вербальное выражение элементов идеологии [14, с. 127]. Среди теоретиков последней, многогранно рассматривавших ее конструкт, можно упомянуть Платона, Аристотеля, Дестюта де Траси, Карла Маркса и других.

Траси следующим образом определяет идеи: «Поскольку думать есть не что иное как ощущать, то, будь слова нашего языка лучше придуманы или лучше применены, мы называли бы всю эту способность в целом чувственностью, а ее продукты ощущениями, или чувствами — эти названия точно выражали бы сами вещи. Однако <...> мы будем ему следовать и называть эту способность мышлением, а ее продукты — представлениями или идеями», а науку об идеях — идеологией» [15, с. 52]. Идеология базируется

на идее, из которой вырастает целая система. Упомянув Платона, есть смысл обозначить его версию о становлении идеологии как о деривате идеи [15, с. 18]. Платон был одним из первых, кто интерпретировал идею вербально, а также акцентировал внимание на отражении сущностной природы вещи как реальности через «эйдос». По Аристотелю, идея — «форма, дающая материи смысл» [16, с. 48]. Отношение идеологов марксизма к идеологии противоречиво: с одной стороны, они определяют идеологию как ложность сознания, с другой — отмечают необходимость научной идеологии [17, с. 41]. Теоретические разработки К. Манхейма относительно идеологии изложены в его фундаментальном труде «Идеология и утопия», который он начинает со слов «Задача данной книги показать, как люди действительно мыслят», рассматривает наличие идеологии как неотъемлемое условие для существования социума [18, с. 7]. По мнению Манхейма, идеи, превращаясь в систему идей и/или ценностей, обуславливают наличие поддерживающих существующий порядок и несогласных. Переводя данный концепт в политическую плоскость, мы можем говорить о наличии в системе «партии власти» и «оппозиции».

В XX веке актуальной была дискуссия относительно перспектив идеологии и ее трансформации с учетом вызовов времени, и это способствовало зарождению постмодернистских концепций: гиперидеологизации под авторством Г. Маркузе [19, с. 15], деидеологизации Д. Бэлла [20, с. 20] и «конца идеологии» С.М. Липсета [21, с. 549–583].

Попытки исследователей структурировать и систематизировать представления об идеологии лишь подчеркнули ее неопределенность. Т. Иглтон в своей работе «Идеология. Введение» упоминает о 16 определениях идеологии. Автор убежден, что нет необходимости создавать «глобальную теорию идеологии», потому как многообразие определений обусловлено многогранностью самой идеологии [22, р. 1–2]. Исследователь Д. Маклеллан называл идеологию «самым неуловимым концептом во всей социальной науке» [23, р. 1]. С этим тезисом сложно не согласиться, если рассматривать идеологию в широком смысле с точки зрения философии, культурологии, лингвистики, социологии, психологии и так далее, то есть, не только с позиции политического.

Такое положение дел — одна из причин, почему знания об идеологии до сих пор не структурированы. Российский исследователь О.Ю. Малинова подтверждает усиливающуюся неоднозначность идеологии, но вместе с тем отмечает, что, несмотря на призрачные возможности теоретической проработки концепта, идеология в общем виде выполняет ряд функций независимо от стороны, с которой она рассматривается [25, с. 11–13]. Одна из таких функций — интегративная. Впрочем, ее же имел в виду и К. Манхейм в своем тезисе о неразрывной связи феномена идеологии и общества.

Обобщая труды упомянутых авторов, идеологию можно определить как совокупность идей относительно интерпретации настоящего, прогнози-

рования сценариев будущего, включая организацию политической и экономической систем (но не ограничиваясь ими), являющихся ценностным фундаментом для формирования способов достижения желаемого сценария будущего, а также достижения воплощения необходимых ценностей в обществе.

* * *

Исследовательский интерес представляют образы будущего партий, ключевые идеи по достижению постулируемых проектов будущего, а также анализ идеологического контекста программы. Ниже будут рассматриваться элементы программ, составляющих основу идеологических конструкций, и выдвигаемые политическими партиями в предвыборных программах 2011, 2016 и 2021 годов. Программы партий — это продукт осмысления настоящего и проектирование основного сценария будущего с обозначением комплекса предлагаемых мер в случае победы партии. Информация о партийных проектах представлена в виде таблиц отдельно по каждой парламентской партии («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, объединенная в 2021 году «Справедливая Россия — патриоты — за правду»). Метод исследования — дискурс-анализ. Из текстов программ политических партий выделяются ключевые темы, анализируется динамика конкретного идеологического конструкта по возможности — при условии регулярного освещения темы в программах партий — в разные федеральные избирательные кампании.

* * *

Единая Россия (см: таблица 1). Необходимо учитывать контекст, в котором проходит избирательная кампания партии: проведение праймериз открытого типа, создание народной программы партии на основе предложений избирателей. В совокупности это способствует формированию целостного образа партии, где все процессы представляются общественности прозрачными. Выглядит фундаментально, но образ прозрачности периодически подрывается публичным проявлением тотальной мобилизации электората на внутрипартийные мероприятия для участия в праймериз и сбора предложений в народную партийную программу.

Образ будущего представлен в динамике от «счастья» до «силы» через «гражданское общество». В программе 2016 года уделяется особое внимание развитию элементов гражданского общества [25, с. 7], а позднее, в 2021 году, этот пункт программы становится менее актуальным и трансформируется в тезис о функционировании гражданского общества [26, с. 3]. Нельзя оставить без внимания тенденцию программы 2016 года, связанную с общим благосостоянием через индивидуализацию [25, с. 39], и ее угасание в 2021 году [26, с. 3]: программа партии уходит от индивидуального благосостояния к благосостоянию общества в целом, отдаленно возвращая к конструкту о повышении качества жизни граждан в программе 2011 года [27].

Таблица 1

**Ключевые идеологические конструкты предвыборной программы
партии «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу
в 2011, 2016 и 2021 годах**

	2011	2016	2021
Образ будущего	Счастливая и великая Родина	Дееспособное государство и сильное гражданское общество	Сильная и успешная Россия
Поставленные цели и значимые пункты программы	Укрепление экономической системы Повышение качества жизни Достижение социальной справедливости Повышение эффективности деятельности властных структур Создание новой региональной политики Эффективные международные отношения Безопасность страны	Устойчивая экономика (борьба с коррупцией, пересмотр подхода к реализации малого и среднего бизнеса, развитие АПК) Тренд на общее благосостояние через индивидуализацию (вложения в каждого человека — основа общего будущего) Доступность образования, условия для получателей образования и преподавателей Модернизация системы здравоохранения Рост городов, укрепление муниципальной власти Безопасный мир (нормализация отношений с ЕС)	Благополучие граждан (уход от индивида к семье-обществу) Развитие и поддержка образования, науки и здравоохранения Экология/экологическая безопасность Развитие регионов, сел Ценность исторического наследия Функционирование гражданского общества Безопасность — усиление вооружения

Достойны внимания изменения в трактовке внешнеполитического курса: в 2011 году речь в основном идет об обеспечении безопасности [23], затем (в 2016 году) постулируется нормализация отношений с Европейским союзом (к слову, в программе 2016 года есть оправдание присоединения Крыма [25, с. 90]), а в программе партии 2021 года обеспечение безопасности видится в усилении вооружения [26, с. 4]. Отметим основной документ, отправную точку, на которой строятся тезисы о безопасности. Для кампании 2016 года — это Послание Президента Федеральному Собранию

Российской Федерации в декабре 2015 года, в котором Владимир Путин обозначил ключевую задачу в области безопасности: борьба с международным терроризмом и внешние военные угрозы для России путем многостороннего переговорного процесса под эгидой Организации Объединенных Наций [28]. В послании Президента 2021 года также поднимается тема борьбы с экстремизмом и терроризмом, упоминаются кейсы Ближнего Востока и Северной Африки (в том числе актуальный на тот момент режим в Афганистане) и отмечается неестественность хода происходящих там событий, а также подчеркивается исключительная роль России в борьбе с упомянутой угрозой [29].

В 2021 году впервые в программе партии поднимается вопрос экологической безопасности (загрязнение атмосферы, лесные пожары, правильная утилизация отходов и др.) [26, с. 2]. За последние два года держателями экологической повестки во многом стали представители несистемной оппозиции и общественные деятели. Более того, эта тема является мировым трендом.

Коммунистическая партия Российской Федерации (см. таблица 2). Программа КПРФ и методика ее презентации представляется содержательной, отличаясь от других: по объему не слишком массивная, но стилистически выдержанная, как у «Единой России», не такая эмоциональная и разрозненная, как у ЛДПР, но с четкими идеологическими рамками. Стоит обратить внимание на использование технологий концептуального оформления, так, например, формула «ТРИ плюс СЕМЬ плюс ПЯТЬ» [30] (три вектора новой внешней политики; семь направлений новой экономической политики; пять социальных приоритетов) или «10 шагов КПРФ» [31]. С точки зрения восприятия, избирателю она понятна, запоминается и заставляет рефлексировать.

Партия призывает к консолидации левых сил два электоральных цикла подряд. Спектр левых сил в России довольно обширный (Левый Блок, Коммунисты России, движение «За Новый Социализм», Левый Фронт и др.), все они являются частью оппозиционного движения как системного, так и несистемного толка, прежде всего из-за этого поддержка сторонников разрознена.

Здесь необходимо учитывать ориентацию партии на опыт СССР. Это означает, что проект будущего базируется на ностальгии по прошлому. Также важно, что в этом прошлом так никто и не дождался обещанного светлого будущего, а это неизбежно сказывается на восприятии программы партии. В контексте решения экономических проблем обозначаются борьба с безработицей, вывод экономики на новый уровень и индустриализация. Традиционно прослеживается тематика борьбы с капитализмом, становление социального государства и национализация. Партия обращает внимание на необходимость уменьшения зависимости российской экономики от иностранного капитала, в связи с чем в программе 2016 года призывает национализировать

Таблица 2

Ключевые идеологические конструкты предвыборной программы партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» на выборах в Государственную Думу в 2011, 2016 и 2021 годах

	2011	2016	2021
Образ будущего	Сильное социалистическое Отечество	Экономически и духовно возрожденная Россия	Построение в России обновленного социализма
Поставленные цели и значимые пункты программы	Установление демократической власти трудящихся во главе с КПРФ Усиление роли трудящихся в управлении государством Окончательное оформление социалистических общественных и экономических отношений Борьба с духовно-нравственной деформацией общества Новый формат внешней политики (смена приоритетов, союз братских народов, обороноспособность)	Национализация, долой капитализм Усиление финансовой поддержки регионов, развитие села Повышение качества образования, поддержка науки Повышение качества жизни Укрепление национальной безопасности Консолидация левых сил	Реформирование экономической системы, борьба с капитализмом Индустриализация Развитие села и усиление агрокомплекса Становление социального государства Проблема политзаключенных Создание условий для сохранения и преумножения культурных достижений, защита от безнравственности Консолидация левых сил

иностранные предприятия на территории страны, — в первую очередь это касается предприятий военно-промышленного комплекса [32]. Во внешней политике КПРФ предлагает правительству придерживаться более жесткого курса в связи с расширением блока НАТО в сторону российских границ. Правительство страны наделяется партией важным критерием «правительство народного доверия», состоящее из авторитетных и профессиональных представителей граждан России [31, 32].

Коммунисты, единственные из всех парламентских партий, поднимают проблему наличия политических заключенных и обращают внимание на необходимость решения проблемы духовно-нравственной деформации

общества. Партия убеждена, что имеющийся культурный массив не должен стать достоянием прошлого и исчезнуть. Наоборот, предлагается поддержка и помощь объектам культурного наследия (театры, музеи, выставки, галереи и др.) [31]. Определение сценариев будущего через единый образ представлено логично: сильное Отечество — духовно возрожденная Россия — обновленный социализм.

Либерально-демократическая партия России (см. таблица 3). Рассматривая программу партии в целом, можно исходить из допущения о наличии идеологической дезориентации. Подтверждением этому служит тезис: «Мы не базируемся на строгих канонических постулатах любого из традиционных идеологических течений, но мы берем лучшее от каждого», — это цитата из программы ЛДПР 2016 года [33, с. 4]. Структурно программа выглядит как набор тезисов (например, 100 пунктов ЛДПР).

В основном конструкт об отсутствии строгой идеологической привязки отражает общую концепцию программы: каждая из проанализированных программ содержит набор из идейно-реставрационных предложений, которые могут быть не согласованы по смыслу между собой и одновременно с этим выглядят радикально. Таково, например, предложение сокращать число чиновников, но создавать новые министерства; уменьшить отчетность, но усилить контроль (предлагаемые альтернативные формы контроля не уточняются) [34]. В логику «сокращения бюрократизации» такие предложения трудно уместаются, ведь увеличение числа министерств (или иных организационно схожих структур) неизбежно ведет к увеличению штата и преумножению документооборота даже с учетом оптимизации других министерств, что по умолчанию обернется усложнением и без того многоуровневой системы.

Вопросы безопасности обозначаются в программе каждого избирательного цикла. В 2011 году этот вопрос поднимается только в рамках усиления вооружения [35], в 2016 году включает в себя также вопросы внешней безопасности в контексте украинского конфликта, — в целом логика ЛДПР в этом вопросе основывается на идее об интегрирующей роли России в международных процессах для установления равноправия Запада и Востока [33, с. 11; 3, с. 44].

В 2011 году параллельно публикации основных программных тезисов партия запустила предложение обсуждать кандидатов от партии в СМИ предварительно их официально выдвижению [35]. Программа 2011 года (и последующих лет) призывает к решению русского вопроса — в партии его считают одним из ключевых.

Справедливая Россия — патриоты — за правду (см. таблица 4). Заметна динамика в определении образа будущего. Особого внимания заслуживает разность в его определении в разные годы. В 2016 году в отношении определения образа российского будущего упоминается термин «держава». С одной стороны, держава — это значимое в геополитических процессах

Ключевые идеологические конструкты предвыборной программы партии «Либерально-демократическая партия России» на выборах в Государственную Думу в 2011, 2016 и 2021 годах

	2011	2016	2021
Образ будущего	Великая российская держава	Сильная армия и патриотичное общество	Идеальное государство
Поставленные цели и значимые пункты программы	<p>Решение русского вопроса (в т.ч. пересмотр административно-территориального деления)</p> <p>Эпизодическая ностальгия по СССР</p> <p>Укрепление государства и усиление государственной безопасности</p> <p>Повышение эффективности деятельности властных структур через оптимизацию аппаратов, сокращение срока полномочий губернаторов и лидеров партий</p> <p>Построение экономики для народа</p> <p>Обеспечение продовольственной и экологической безопасности</p> <p>Решение демографической проблемы, эффективная социальная политика, решение жилищных проблем</p>	<p>Решение русского вопроса</p> <p>Критика СССР</p> <p>Расширение границ России за счет «приглашения» в состав юго-восточных регионов Украины</p> <p>Смена внешнеполитического курса (он неверный, Россия — жертва мировой несправедливости; украинский кризис)</p> <p>Главенство демократических ценностей</p> <p>Решение демографического вопроса, а также проблем материнства и детства, поддержка старшего поколения</p> <p>Поддержка образования, науки и культуры</p> <p>Эффективная социальная политика</p> <p>Развитие регионов (Дальний Восток), решение проблем ЖКХ</p>	<p>Сокращение бюрократии и создание новых министерств (по вопросам демографии, молодежи и т.д.)</p> <p>Взять лучшее от каждого исторического периода России, в том числе и советского; критика большевизма</p> <p>Развитие Сибири и Дальнего Востока</p> <p>Возвращение к границам периода СССР</p> <p>Совершенствование системы здравоохранения</p> <p>Борьба с русофобией</p> <p>Поддержка семей, решение демографического вопроса</p>

государство, с другой — это предмет, символ монархической власти [36]. В 2021 году партия социалистического толка обозначает образ как «справедливая Россия будущего», созвучный известному определению в отношении сценариев будущего части либеральной оппозиции «прекрасная Россия будущего».

Солидарность левых сил [38] — схожий пункт программы с программой КПРФ (но коммунисты говорят именно о консолидации сил для достижения важных целей). Программа данной партии социально ориентирована, выделяется большой блок предложений по защите прав граждан, озвучена проблема равенства и адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья. Обозначение проблем для лиц с ограниченными возможностями здоровья, особенно детей, проектирование их социализации и предоставления им равных возможностей для реализации отличает партию от других и сближает с повесткой институтов государства в области социальной политики [38, с. 30, 335, с. 6].

С 2016 года партия строит свои программные тезисы на необходимости усиления патриотического компонента российского общества, сначала отмечая вариант его развития через возрождение системы кадетских и суворовских училищ [38, с. 34], а в 2021 году определяет гражданина как патриота [39, с. 2].

Программы 2011 и 2016 годов представлены полными изданиями, а в 2021 году подготовлен 10-страничный сборник манифестов с более сильной эмоциональной составляющей, нежели программные продукты партии до объединения (можно провести стилистические аналогии с программой ЛДПР). Программа органически выстроена, явных противоречий и резких изменений не прослеживается.

* * *

Полученные данные обобщенного характера по программам партий на федеральных выборах позволяют заключить, что предложенные ими меры и сценарии будущего в основном опираются на советское прошлое, содержат популизм в базовых программных пунктах, — это используется для привлечения большего числа избирателей. Предлагаемые меры преимущественно носят идейно-реставрационный характер, а образ грядущего не всегда соотносится с главной идеологической линией. Отсутствует целостная картина завтрашнего дня: это можно отметить по меняющимся образам будущего в программах партий (см. графу «Образ будущего» в таблицах). Символическая составляющая программ партий большей частью строится на ностальгии идеи советского времени, только вместо «строительства коммунизма» на первый план выдвигается строительство «идеальной (справедливой, великой, сильной) России», а программа ЛДПР в формировании образа будущего и вовсе апеллирует не к стране, а к государству (см. таблица 3).

Таблица 4

Ключевые идеологические конструкты предвыборной программы партии «Справедливая Россия – патриоты – за правду» на выборах в Государственную Думу в 2011, 2016 и 2021 годах

	2011	2016	2021
Образ будущего	Справедливое российское общество	Сильная, свободная и справедливая великая держава	Справедливая Россия будущего
Поставленные цели и значимые пункты программы	<p>Великое будущее российской культуры</p> <p>Модернизация политической системы, поддержка местного самоуправления, поддержка села и сельского хозяйства</p> <p>Реализация новой промышленной политики</p> <p>Защита труда</p> <p>Социальная сфера: увеличение пенсий, поддержка российских семей, социальная интеграция людей с ограниченными возможностями здоровья</p> <p>Улучшение здоровья населения</p> <p>Восстановление образования и науки</p> <p>Борьба с коррупцией</p>	<p>Прозрачная, доступная, эффективная и социально ответственная власть</p> <p>Социальная справедливость для регионов (как «восстановить» депрессивные регионы)</p> <p>Патриотизм, свободомыслие, образованность</p> <p>Восстановление традиции отечественного образования, сохранение национальной культуры</p> <p>Социальная сфера (аналогично)</p> <p>Индустриализация, поддержка АПК</p> <p>Развитие местного самоуправления и многопартийность</p> <p>Усиление национальной безопасности через возрождение системы кадетских и суворовских училищ</p> <p>Солидарность левых сил</p>	<p>Основа достижений России – патриоты, усиление патриотизма</p> <p>Установление социального государства</p> <p>Сохранение культуры</p> <p>Преодоление социального неравенства</p> <p>Использование национального достояния в интересах граждан России</p> <p>Развитая экономика</p> <p>Борьба с коррупцией (ужесточение наказания)</p>

Программы «Единой России» оправдывают текущий политический порядок, учитывают в программах курс, обозначаемый Президентом страны в посланиях к Федеральному Собранию. И вместе с тем возникают противоречия между схожими пунктами программ в разные годы: в программе 2011 года важно общее благосостояние, в 2016 году — благосостояние отдельного индивида, а в 2021 году происходит возврат к тезису 2011 года. С определенной позиции такое положение дел весьма объяснимо: параметры внутренней и внешней политик меняются, оттого меняется оболочка программы относительно образа будущего. В то же время нельзя упускать из виду, что должны изменяться и смысловые доминанты, составляющие структуру грядущего в понимании партии, однако основной набор тезисов в партийной программе остается стабильным.

В отдельных случаях (например, в программе ЛДПР) наблюдается идеологическая дезориентация, когда в рамках программы то восхваляется, то дискредитируется один и тот же исторический период. На наш взгляд, это свидетельствует о написании программы в отсутствие согласованных позиций с линией партии, то есть она формируется в ответ на отдельные элементы актуальной повестки.

Заявляется тезис о консолидации левых сил в программах СРПЗП и КППРФ, но в публичной плоскости де-факто никакой консолидации нет. Более того, напрашиваются вопросы: каковы природа и мотив этой консолидации для каждой из партий; как это должно в перспективе отразиться на партийной линии? С одной стороны, интеграция сил схожей идеологической направленности — это возможность для появления нового витка в развитии социализма в России, с другой, — возможно наличие фундаментальных ценностных расхождений, что негативно повлияет на различные социалистические группы в рамках страны.

Список литературы

1. Уляшкина Е.Г. Вопросы внешней политики России в партийной програматике периода избирательных кампаний 2011 г. и 2016 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1.
2. Татаркин В.Е. Вопросы внешней политики в предвыборных программах политических партий современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 2.
3. Ковалев А.А. Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в государственную Думу VII созыва // Управленческое консультирование. 2016. № 11.
4. Сафронова О.Д. Социальные компоненты партийных предвыборных программ (Государственная Дума VI созыва, 2011 г.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Том 9, № 1.

5. Тимшина Е.Л. Аспект семейной политики в партийных предвыборных программах. По материалам выборов в Государственную думу РФ VII созыва // *Право и политика*. 2018. № 11.
6. Букина А.А. Гендерный аспект программ консервативных и центристских политических партий современной России // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3(80).
7. Попова О.В., Маслова А.Е., Агапитова М.И. Проблемы репродуктивного здоровья женщин и абортов в программах российских политических партий // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 4(81).
8. Бурков А.А. Отражение национальных отношений в программах зарегистрированных политических партий современной России // *Социум и власть*. 2016. № 4(60).
9. Сенцов А.Э. Концепт будущего в программах политических партий современной России // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* – 2012. № 3(19).
10. Вилков А.А., Шестов Н.И., Абрамов А.В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. Т. 26, № 23 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10> (дата обращения: 21.02.2022).
11. Северухина Д.Д. Контент-анализ программ политических партий для выявления преобладающих ценностей // *Образование и право*. 2017. № 12.
12. Баранов Н.А. Идеологические установки ведущих политических партий в преддверии выборов 2021 года созыва // *Социально-политические исследования*. 2021. № 1(10).
13. Слобожникова В.С. Политические партии современной России о роли и значении религиозного фактора // *Вестник Саратовской юридической академии*. 2016. № 1(108).
14. Фролова С.М. Идеология как дериват идеи Платона // *Инновационная наука*. № 12–3. 2016.
15. *Философские проблемы человека и общества: учебно-методическое пособие / авт.-сост. П.И. Ильичев [и др.]; под ред. Г.Л. Микиртчян*. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: СпецЛит, 2019. 399 с.
16. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / Пер. с фр. Д.А. Ланина. М.: Академический проект; Альма Матер, 2013. 333 с.
17. *Идеология: поиски и находки. Монография / науч. ред. проф. И.И. Кальной*. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. 420 с.
18. Манхейм К. Идеология и утопия. Ч. 1 / Подготовка выпуска и перевод М.И. Левиной; Отв. ред. Я.М. Бергер; АН. СССР. Ин-т научной информации по общественным наукам. М.: [б.и.], 1976. 246 с.
19. Маркузе Г. *Одномерный человек*: М.: REFL-book, 1994. 368 с.
20. Куничкина Н.С. Концепции деидеологизации и реидеологизации общественной жизни как противоположные подходы к определению сущности и роли государственной идеологии // *Вестник ЧелГУ*. 2008. № 31.

21. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики / пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М.: Мысль, 2016. 612 с.
22. McLellan D. Ideology. Minneapolis, 1986. 99 p.
23. Eagleton T. Ideology: an introduction. N. Y., 1991. 242 p.
24. Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Полит. наука. 2003. № 4.
25. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Единая Россия». URL: <https://er.ru/media/party-program/July2020/gdMi6BWYqc9dne8OINEH.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).
26. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VIII созыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Единая Россия». URL: <https://er.ru/media/documents/August2021/L4Sk4t74UXKF1MG1oFjh.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).
27. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VI созыва [Электронный ресурс] // Региональный портал Ямало-Ненецкого АО. URL: <https://www.info83.ru/programmy/edinaya-rossiya-programma-partii> (дата обращения: 25.11.2021).
28. Послание Президента Федеральному Собранию (2015) [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ kremlin.ru. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 28.02.2022).
29. Послание Президента Федеральному Собранию (2021) [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ kremlin.ru. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 28.02.2022).
30. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VI созыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». URL: <https://kprf.ru/crisis/offer/97653.html> (дата обращения: 22.11.2021).
31. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт проекта партии «Красный контроль». URL: <https://www.rline.tv/news/2021-07-01-opublikovana-predvybornaya-programma-kprf-desyat-shagov-k-vlasti-naroda/> (дата обращения: 22.11.2021).
32. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/157005.html> (дата обращения: 22.11.2021).
33. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Либерально-демократическая партия России» ЛДПР на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт

- избирательной комиссии Курганской области. URL: http://www.kurgan.izbirkom.ru/etc/programma_ldpr.pdf (дата обращения: 22.11.2021).
34. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Либерально-демократическая партия России» ЛДПР на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VIII созыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт Либерально-демократической партии России. URL: <https://ldpr.ru/party> (дата обращения: 22.11.2021).
 35. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Либерально-демократическая партия России» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VI созыва [Электронный ресурс] // Портал Закс.ру – политическая жизнь Петербурга. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/83934> (дата обращения: 22.11.2021).
 36. Держава [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике academic.ru. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/46998> (дата обращения: 12.03.2022).
 37. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Справедливая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». URL: <https://obj.spravedlivo.ru/pf59/075833.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).
 38. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Справедливая Россия – патриоты – за правду» – 2021 [Электронный ресурс] // Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия – патриоты – за правду». URL: <https://obj.spravedlivo.ru/sr73/113269b.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).
 39. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Справедливая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VI созыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». URL: <https://spravedlivo.ru/4838410> (дата обращения: 18.11.2021).

А.Ю. ПАЛЮЛИН
А.М. ЦАРЕВ
С.А. ЛОГИНОВ

ОТЧЕТНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В НАЛОГОВЫЕ, СТРАХОВЫЕ, СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ И ОРГАНЫ ЮСТИЦИИ В 2023 ГОДУ

***Аннотация.** В настоящей работе рассмотрены особенности подачи отчетности в отношении региональных отделений политических партий. Рассматривается период весны 2023 года. В работе анализируются правовые основы подачи отчетности политическими партиями. Анализируются основные проблемы и пути их решения при формировании и сдаче отчетности политической партией.*

***Ключевые слова:** политические партии, отчет, отчетность, Социальный фонд России, Федеральная налоговая служба, Министерство юстиции, статистика, Росстат.*

REPORTING OF REGIONAL BRANCHES OF POLITICAL PARTIES TO TAX, INSURANCE, STATISTICS AND JUSTICE AUTHORITIES IN 2023

***Abstract.** In this paper, the features of reporting in relation to the regional branches of political parties are considered. The period of spring 2023 is considered. The paper analyzes the legal framework for reporting by political parties. The main problems and ways to solve them in the formation and submission of reports by a political party are considered.*

***Keywords:** political parties, report, accountability, Social Fund of Russia, The Federal Tax Service, Ministry of Justice, statistics, Rosstat.*

Политические партии обязаны периодически отчитываться в контролирующие органы. Перечень такой отчетности связан с тем, какую систему налогообложения применяет политическая партия, сколько у нее сотрудников, какой вид деятельности она осуществляет и прочими факторами. За несдачу, несвоевременную сдачу или подачу неполных или недостоверных сведений в любом из видов отчетов следуют штрафы. Тем не менее нельзя не отметить смягчение требований к политическим партиям по сравнению с периодом до 2012 года [1, с. 78–84].

ПАЛЮЛИН Антон Юрьевич — генеральный директор ООО «Палюлин и партнеры», г. Москва
ЦАРЕВ Алексей Михайлович — главный бухгалтер ООО «Палюлин и партнеры», г. Москва
ЛОГИНОВ Сергей Андреевич — юрист ООО «Палюлин и партнеры», г. Москва

Отчетность — это регламентированные документы, которые заполняет политическая партия, чтобы представить контролирующему органу предусмотренную законом информацию. Сдавать отчеты в свободной форме нельзя, — контролирующий орган не примет¹. Представление отчетности — это обязанность юридического лица. За несвоевременную сдачу, отказ от сдачи или недостоверные сведения предусмотрена административная ответственность². Отчетность политических партий подразделяется на категории в зависимости от контролирующего государственного органа: налоговая, страховая, статистическая отчетности, отчетность Минюста и избирательных комиссий (отчетность в избирательные комиссии не входит в предмет рассмотрения настоящей статьи), что создает определенные сложности для аппаратов партий и, возможно, в будущем будет преодолено путем создания единого портала для сдачи отчетности [2, с. 66–70].

Всю отчетность принято разделять на категории в зависимости от того, какую информацию раскрывает тот или иной отчет. Основные группы обязательной отчетности для политической партии таковы:

- бухгалтерская отчетность: бухгалтерский баланс, отчет о финансовых результатах, о движении денежных средств и так далее;
- отчетность по сотрудникам. Следует отметить, что с 2023 года Пенсионный фонд России и ФСС объединены в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации, или Социальный фонд России (СФР)³. И те отчеты, которые организации ранее сдавали в пенсионный фонд и фонд социального страхования, отменяются. Вместо ранее существовавших отчетов появился единый отчет ЕФС-1⁴ в СФР. Он заменил сразу несколько форм: СЗВ-ТД, СЗВ-СТАЖ, 4-ФСС, ДСВ-3. ТАС-1 сочетает разные сведения, например, по УСН, налогу на прибыль, НДС, акцизам и так далее;
- статистическая отчетность — отчеты для Росстата, раскрывающие информацию о деятельности компании-респондента;
- специфическая отчетность — отчеты для Росрыболовства, Росприроднадзора, Центрального банка и так далее.

Каждый отчет подлежит сдаче в определенный контролирующий орган. Большая их часть поступает на обработку в ФНС. Не меньше отчетов обрабатывает и Росстат. Остальная отчетность попадает в ФПСС и иные органы.

¹ Постановление Правительства РФ от 18 августа 2008 г. № 620 «Об условиях предоставления в обязательном порядке первичных статистических данных и административных данных субъектам официального статистического учета», п. 7. // СПС «КонсультантПлюс».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ ст. 13.19, ст. 15.5, ст. 15.6, ст. 15.33.2, ч. 2 ст. 15.33 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» от 14.07.2022 № 236-ФЗ, ст. 20. п. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.07.2022 № 237-ФЗ ст. 15 // СПС «КонсультантПлюс».

У каждого отчета или декларации есть свой крайний срок сдачи. За несвоевременное представление организация или должностное лицо подлежит штрафу, сумма которого зависит от того, какой отчет не был вовремя сдан. ЕФС-1 сдается 25-го числа каждого месяца⁵.

Последний день подачи отчетности может выпадать на выходной или праздничный день. По общему правилу в таком случае крайний срок переносится на следующий рабочий день.

Все политические партии без исключения сдают бухгалтерскую отчетность в свою ИФНС по месту регистрации. Срок сдачи — 25 марта года, следующего за отчетным периодом. Это комплект из нескольких отчетов⁶. Кроме того, закреплен формат отчетности, рекомендуемый для сдачи в налоговую⁷. Он включает в себя бухгалтерский баланс (форма № 1); отчет о финансовых результатах (форма № 2); отчет об изменении капитала (форма № 3); отчет о движении денежных средств (форма № 4); отчет о целевом использовании средств (форма № 6); пояснения к бухгалтерской отчетности.

Партии не вправе применять упрощенные формы ведения бухгалтерского учета. Они пользуются формами бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах с приложениями к ним⁸. Бухгалтерскую отчетность можно составить за любой период, при этом налоговый орган интересуется только годовая отчетность. Промежуточную отчетность (за квартал, полугодие или 9 месяцев) сдает ограниченный круг юридических лиц, в который политические партии не входят [3].

Политические партии обязаны сдавать отчетность по сотрудникам независимо от системы налогообложения и вида деятельности. Такие отчеты обрабатывает ФНС и СФР.

В ФНС политические партии по сотрудникам сдают два отчета: 6-НДФЛ и РСВ⁹. Форма сдачи — преимущественно электронная. Но те организации, у которых в налоговом периоде количество сотрудников не превышает 10 человек, могут сдать отчет в бумажном виде¹⁰. Отчет 6-НДФЛ раскрывает информацию о доходах сотрудников и о суммах удержанного НДФЛ. Форма утверждена Приказом ФНС РФ¹¹.

⁵ Федеральный закон от 01.04.1996 № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования», ст. 11 ч. 5 п. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Приказ Минфина России от 02.07.2010 № 66н «О формах бухгалтерской отчетности организаций» // СПС «КонсультантПлюс».

Письмо ФНС России от 25.11.2019 № ВД-4-1/24013@ «О рекомендуемых форматах и формах представления БФО» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Письмо ФНС России от 16.07.2018 № ПА-4-6/13687@ (с изм. от 25.12.2019) «О представлении бухгалтерской (финансовой) отчетности в электронной форме по ТКС» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Приказ Минфина РФ от 02.07.2010 № 66Н.

⁹ Приказ ФНС России от 15.10.2020 № ЕД-7-11/753@ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ П. 2 ст. 230 Налогового кодекса РФ // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Приказ ФНС РФ от 15.10.2020 № ЕД-7-11/753@ // СПС «КонсультантПлюс».

Отчет по НДСЛ политические партии сдают ежеквартально нарастающим итогом. По итогам каждого квартала отчитаться нужно в срок не позднее последнего числа месяца, следующего за отчетным кварталом. По итогам года сдать отчет нужно до 25 февраля года, следующего за отчетным¹².

С 2023 года расчет по страховым взносам нужно представлять по новой форме и в новые сроки. Основная причина обновлений — объединение ПФР с ФСС и все связанные с этим изменения в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее — Налоговый кодекс) и законодательстве об обязательном страховании¹³, в том числе обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством¹⁴ и обязательном медицинском страховании¹⁵. Эти поправки делают круг застрахованных лиц единым.

Федеральный закон № 239-ФЗ¹⁶ вносит изменения в главу 34 Налогового кодекса, согласно которым с 1 января 2023 года установлены:

Единая облагаемая база для начисления взносов по всем трем видам страхования — обязательное пенсионное страхование (ОПС), обязательное социальное страхование (ОСС) на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством (ВНиМ) и обязательное медицинское страхование (ОМС). В связи с этим утратили силу подпункт 15 пункта 1 и подпункты 1 и 2 пункта 3 статьи 422 Налогового кодекса.

Единая предельная величина базы (ЕПВБ) по страховым взносам¹⁷. В 2023 году она составляет 1 917 000 рублей¹⁸. Это сумма вознаграждений за год конкретному физическому лицу, с которой страховые взносы уплачиваются по стандартным тарифам. Теперь она будет одинакова для всех видов взносов.

Единый тариф страховых взносов для тех, кто не попадает в льготные категории: в пределах ЕПВБ — 30 процентов; свыше ЕПВБ — 15,1 процента (п. 3 ст. 425 Налогового кодекса).

В число застрахованных лиц теперь будут включены: ОПС — студенты, работающие в студотрядах; ОСС по ВНиМ — лица, работающие по договорам

¹² Письмо Федеральной налоговой службы от 30 декабря 2022 г. № 8-7-02/0001@ «О размещении материала» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.07.2022 № 237-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 № 255-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 18 и 19 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» от 14.07.2022 № 239-ФЗ.

¹⁷ П. 5.1 ст. 421 Налогового кодекса РФ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 25.11.2022 № 2143 «О единой предельной величине базы для исчисления страховых взносов с 1 января 2023 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

ГПХ; ОМС — временно пребывающие в стране иностранные граждане¹⁹. Это позволило исключить выплаты в их пользу из разряда необлагаемых.

* * *

В отчете политических партий в СФР раскрывают информацию об уплаченных организацией взносах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев.

Перечень статистических отчетов, которые должна сдавать политическая партия, зависит от многих факторов: вида деятельности (ОКВЭД), количества сотрудников, наличия лицензий и разрешений и так далее. Отчеты в статистику могут быть ежемесячные, ежеквартальные и годовые.

Узнать, какие отчеты политическая партия должна сдавать в статистику, можно на официальном сайте Росстата²⁰. Достаточно ввести реквизиты компании — ОКПО, ИНН, ОГРН, и нажать кнопку «Получить». После этого можно импортировать файл с перечнем обязательных для компании форм статистической отчетности. В файле будет указана вся информация о статистических формах: ее наименование, индекс, периодичность, сроки сдачи и отчетные периоды. Партии следует периодически проверять перечень отчетов, которые она должна сдавать. Такой подход обезопасит ее от штрафов за несдачу отчетности в Росстат. Обычно изменения происходят раз в год. Проверять таблицу стоит минимум раз в год, а по возможности — чаще.

Налоговая отчетность напрямую зависит от применяемой системы налогообложения.

На общей системе налогообложения политическая партия отчитывается сразу по нескольким основным налогам: на прибыль, на имущество и НДС. Форма декларации утверждена приказом ФНС²¹. Налоговый период по прибыли — календарный год, но есть еще отчетные периоды — 1 квартал, полугодие и 9 месяцев. Квартальные декларации партии сдают в срок до 28-го числа месяца, следующего за отчетным периодом. Годовой отчет — в срок до 28 марта следующего года.

Форма декларации по НДС установлена приказом Федеральной налоговой службы²². Ее сдают все плательщики НДС. Декларация по НДС партиями подается в ИФНС ежеквартально. Крайний срок сдачи — 25-е число месяца, следующего за отчетным кварталом. Например, за II квартал 2022 года партии отчитывались не позднее 25 июля 2022 года²³.

Политические партии, владеющие облагаемым налогом недвижимым имуществом, сдают декларацию по соответствующему налогу. Ее форма

¹⁹ Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 № 255-ФЗ, ст. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Формы федерального статистического наблюдения и формы бухгалтерской (финансовой) отчетности: Росстат [Электронный ресурс]. 2023. Дата обновления: 25.04.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12981> (дата обращения: 25.04.2023).

²¹ Приказ ФНС РФ от 23.09.2019 № ММВ-7-3/475@ // СПС «КонсультантПлюс».

²² Приказ ФНС от 29.10.2014 № ММВ-7-3/558@ // СПС «КонсультантПлюс».

²³ П. 5 ст. 174 Налогового кодекса РФ // СПС «КонсультантПлюс».

также утверждена ФНС²⁴. Декларацию сдают по итогам календарного года. Срок сдачи — 30 марта года, следующего за отчетным периодом. Например, за 2022 год политические партии должны были отчитаться до 30 марта 2023 года²⁵.

Партии, соответствующие требованиям статьи 346.12 Налогового кодекса, могут применять упрощенную систему налогообложения. В таком случае они не являются плательщиками НДС и налога на прибыль. Вместо этого они уплачивают налог по УСН. Политическая партия должна сдать декларацию, форма которой утверждена Приказом ФНС²⁶, не позднее 31 марта года²⁷, следующего за отчетным. Так, за 2022 год партии должны были отчитаться до 31 марта 2023 года.

* * *

В соответствии с положениями Федерального закона «О политических партиях» (далее — закон № 95-ФЗ) региональное отделение политической партии один раз в три года представляет в территориальный орган Министерства юстиции Российской Федерации информацию о продолжении своей деятельности с указанием количества членов партии в региональном отделении и местонахождения своего постоянно действующего руководящего органа, а также сведения о своих структурных подразделениях в соответствующем субъекте Российской Федерации, которые не обладают правами юридического лица, но имеют право участвовать в выборах и (или) референдумах в соответствии с уставом политической партии²⁸.

Иное структурное подразделение политической партии с правами юридического лица также один раз в три года представляет в территориальный орган информацию о продолжении своей деятельности с указанием местонахождения своего постоянно действующего руководящего органа²⁹.

Федеральным законом № 235-ФЗ³⁰ пункт 4 статьи 27 Федерального закона № 95-ФЗ в прежней редакции признан утратившим силу, введен новый порядок предоставления информации об участии политической партии и ее составе в выборах. Ранее раз в три года политическая партия и ее региональные отделения представляли в федеральный уполномоченный орган или в его территориальный орган сведения о количестве зарегистрированных кандидатов в депутаты и на другие выборные должности в органах государ-

²⁴ Приказ ФНС России от 24.08.2022 № ЕД-7-21/766@ // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Письмо Федеральной налоговой службы от 30 декабря 2022 г. № 8-7-02/0001@ «О размещении материала» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Приказ ФНС РФ от 25.12.2020 № ЕД-7-3/958@ // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Письмо Федеральной налоговой службы от 30 декабря 2022 г. № 8-7-02/0001@ «О размещении материала» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ П. 2 ст. 27 федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Там же.

³⁰ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» от 26.07.2019 № 235-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ственной власти и местного самоуправления, выдвинутых политической партией, ее региональными отделениями и иными структурными образованиями, а также информацию о списках кандидатов, зарегистрированных избирательными комиссиями в депутаты. Вышеуказанная информация предоставлялась в виде копии протокола о результатах выборов, подтвержденной избирательной комиссией соответствующего уровня³¹.

Взаимодействие некоммерческих организаций, к которым относится и политическая партия, производится в основном в бумажном виде. Если регистрационные сведения в Минюст возможно подавать в электронном виде, путем подписания ЭЦП и подачи через личный кабинет партии через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА, «Госуслуги»), то отчетность в Минюст партии сдают только на бумаге. Допустимой формой подачи отчетности является направление отчетности в территориальный орган Министерства юстиции Российской Федерации заказным письмом с описью вложения, что весьма положительно себя зарекомендовало в период пандемии коронавирусной инфекции [4, с. 178–180].

Форма отчетности о структурном подразделении политической партии, утвержденная законом № 95-ФЗ, законодательно не установлена.

Представлять в территориальные органы Министерства юстиции Российской Федерации иные формы отчетности, установленные для некоммерческих организаций, от структурных подразделений политической партии не требуется.

Трехлетний срок предоставления информации региональным отделением политической партии или иным зарегистрированным структурным подразделением политической партии должен исчисляться с даты государственной регистрации структурного подразделения политической партии в качестве юридического лица (дата внесения записи в Единый государственный реестр юридических лиц юридических лиц) или с даты представления последнего отчета структурного подразделения политической партии.

Список литературы

1. Цапко М.И. Современное состояние и основные направления совершенствования законодательства о политических партиях // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2.
2. Долгих Ф.И. О целесообразности перехода к электронной форме отчетности политических партий // Юрист. 2018. № 8.
3. Митюкова Э.С. Некоммерческие организации: правовое регулирование, бухгалтерский учет и налогообложение. 5-е изд., перераб. и доп. М.: АйСи Групп, 2022. 304 с.
4. Палюлин А.Ю. Регистрация региональных отделений политической партии в условиях режима повышенной готовности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 12.

³¹ П. 4 ст. 27 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (утратила силу) // СПС «КонсультантПлюс».

И.Е. МИНТУСОВ
О.А. ЯЧМЕНЕВА

О ПРАКТИКЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В СТРАНАХ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Аннотация. В статье представлена практика использования электронного голосования в странах Южной Америки. В качестве примера рассмотрен опыт использования электронного голосования в Аргентине, Венесуэле, Чили, Бразилии, Эквадоре и Перу. Во всех этих странах проходили пилотные проекты по внедрению электронного голосования на выборах разного уровня, однако на март 2023 года дистанционное электронное голосование используется только в Эквадоре для граждан, проживающих за рубежом. Задача статьи заключается в подробном разборе примеров применения электронного голосования для поиска причин низкой популярности дистанционного электронного голосования в странах Южной Америки.
Ключевые слова: электронное голосование, дистанционное электронное голосование (ДЭГ), страны Южной Америки, голосование, выборы.

ON THE PRACTICE OF ELECTRONIC VOTING IN THE COUNTRIES OF SOUTH AMERICA

Abstract. The article presents the practice of using electronic voting systems in South American countries. As examples, the experiments with testing electronic voting systems in Argentina, Venezuela, Chile, Brazil, Ecuador, and Peru are considered. All these countries have conducted pilot projects to introduce electronic voting systems in elections at different levels, but as of March 2023, remote electronic voting is used only in Ecuador for citizens residing abroad. This article aims to analyze in detail examples of the use of electronic voting systems in order to find the reasons for the low popularity of the remote electronic voting in South American countries.

Keywords: electronic voting systems, remote electronic voting, South American countries, voting, elections.

В изученных нами странах Южной Америки — Аргентина, Венесуэла, Чили, Бразилия, Эквадор, Перу — дистанционное электронное голосование (ДЭГ) на выборах до настоящего времени не использовалось. Исключение

МИНТУСОВ Игорь Евгеньевич — президент Европейской ассоциации политических консультантов (ЕАРС), доцент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, г. Москва
ЯЧМЕНЕВА Олеся Александровна — политолог, выпускница «Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет)», г. Челябинск

составляет Эквадор, где со второй половины 2022 года было введено ДЭГ для граждан, проживающих за рубежом. На этом можно было бы и закончить статью о дистанционном электронном голосовании в странах Южной Америки, но, чтобы не разочаровывать читателей, мы решили написать о том, как здесь происходит и организуется электронное голосование.

Напомним читателю о существующих трех видах электронного голосования, которые в том числе применяются в Южной Америке на избирательных участках в ходе избирательного процесса:

– Прямая электронная регистрация — ПЭР (исп. Directa Registración Electrónica; DRE или RED);) используется для идентификации избирателей, подачи и/или подсчета голосов. При применении этого типа голосования на экране машины отображаются ФИО кандидатов или их порядковый номер в бюллетене, избиратель делает выбор в пользу того или иного кандидата с помощью этого же экрана, если он оснащен сенсорной технологией, или с помощью клавиатуры или эквивалентных устройств. Эти машины записывают и хранят результаты голосования в электронном виде. Технология ПЭР может использоваться в сочетании с машинами, печатающими бумажный след (англ. Voter-Verified Paper Audit Trail, VVPAT). Таким способом помимо электронного учета поданных голосов эти же голоса фиксируются на бумаге для проведения аудита голосования на избирательных участках.

– Оптическое считывание голосов — ОСГ (исп. Lectura Óptica del Voto; LOV). Электронные машины на избирательных участках используются для регистрации голосов и ускоренного подведения итогов выборов путем оптического считывания бюллетеня, предварительно помеченного избирателем карандашом, ручкой и так далее.

– Дистанционное электронное голосование. Избиратель имеет возможность подать голос с помощью электронной системы голосования из места, отличного от избирательного участка или аналогичного помещения, контролируемого сотрудниками избирательных органов.

В изученных нами южноамериканских странах электронное голосование не практикуется на выборах национального уровня (на всех избирательных участках). Исключение составляют Бразилия и Венесуэла. Рассмотрим далее опыт шести стран Южной Америки, которые используют электронное голосование на выборах разного уровня.

1. Аргентина (по данным за 2021 год численность избирателей — более 34 млн; количество избирательных участков — более 17 тыс.) [1–2].

Голосование в Аргентине носит обязательный характер для граждан в возрасте от 18 до 70 лет. Гражданин, не принявший участие в голосовании, подвергается штрафу и приостановлению политических прав. На практике эти наказания не применяются, поскольку амнистия для лиц, не проголосовавших на предыдущих выборах, обычно вводится в действие перед выборами. ДЭГ в Аргентине не используется.

В настоящее время электронное голосование типа ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT) применяется на местных выборах в городе Буэнос-Айрес, в провинции Сальта и в некоторых муниципалитетах во внутренних районах страны. Для выборов национальных органов власти по-прежнему прибегают к традиционному способу голосования — использованию бумажных бюллетеней в сочетании с обычной урной для голосования (емкость с прорезью для хранения избирательных бюллетеней) [3].

Внедрение информационных технологий в избирательные процессы Аргентины, в частности применение электронных машин с технологией ПЭР, можно проследить с 1999 года. Тогда было подписано соглашение о сотрудничестве с Бразилией, в рамках которого последняя предоставила Аргентине необходимую технику со специальным программным обеспечением для проведения пилотных испытаний электронного голосования. Это тестирование было проведено на выборах в октябре 1999 года в нескольких населенных пунктах провинции Буэнос-Айрес и городе Мендоса. Пилотные проекты были добровольными и проводились после того, как избиратель проголосовал с помощью бумажного бюллетеня. Этот опыт использования электронных машин для голосования на выборах повлек за собой проведение подобных пилотных проектов в других провинциях Аргентины (подробнее см. табл. 1) [4].

Провинция Буэнос-Айрес приняла в 2003 году закон № 13.082, в который была включена глава (№ XXVII «Электронная система голосования»), наделявшая исполнительную власть полномочиями по полному или частичному внедрению технологий электронного голосования в тех округах, которые провинция считала необходимыми. Так, на выборах губернатора и вице-губернатора, депутатов и сенаторов провинций, мэров, советников и школьных советников, состоявшихся в сентябре того же года, на 18 избирательных участках VII избирательного округа провинции Буэнос-Айрес были установлены электронные машины для голосования с технологией ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT) [4].

Таблица 1

**Опыт использования технологии ПЭР (исп. DRE)
на выборах в Аргентине**

Наименование провинций	Буэнос-Айрес	Огненная Земля	Буэнос-Айрес
Дата	Сентябрь, 2003	Октябрь, 2003	Март, 2004
Цель	Выборы губернатора, провинциальных законодателей, мэров, советников и школьных советников	Выборы мэра	Народное голосование за независимость округа

Гражданин. Выборы. Власть. № 2(28)/2023

Округ	Саладилльо, 25 де Майо, Тапальке, Боливар, Граль Альвеар, Олаваррия, Роке Перес и Азул	Город Ушуая	Город Кекен
Ответственный орган	Избирательная комиссия провинции Буэнос-Айрес	Судья по вопросам выборов и регистрации в Огненной Земле	Нет данных
Избирательные участки и избиратели	1 336 избирателей, 18 избирательных участков	49 300 избирателей	3 671 избирателей
Поставщик	Sistema Brasileño	Indra	Telpin

Наименование провинций	Сантьяго-дель-Эстеро	Буэнос-Айрес	Мендоса
Дата	Август, 2004	Сентябрь, 2004	Октябрь, 2004
Цель	Выборы муниципального комиссара	Народное голосование за независимость округа	Муниципальный плебисцит по плану обеспечения городской безопасности
Округ	Город Майлин	Город Уангелен	Мендоса (столица)
Ответственный орган	Провинциальный избирательный трибунал	Нет данных	Отдел государственных реформ
Избирательные участки и избиратели	446 избирателей	2 312 избирателей	10 163 избирателя, 18 избирательных участков
Поставщик	Telpin	Telpin	Telpin

Наименование провинций	Буэнос-Айрес	Буэнос-Айрес	Буэнос-Айрес
Дата	Декабрь, 2004	Декабрь, 2004	Октябрь, 2005
Цель	Выборы муниципального депутата	Выборы муниципального депутата	Выборы провинциальных законодателей, мэров, советников и школьных советников
Округ	Пять населенных пунктов округа Хунин	Пять населенных пунктов округа Хунин	Бериссо и Граль Пуэйрредон
Ответственный орган	Избирательная комиссия провинции Буэнос-Айрес	Избирательная комиссия провинции Буэнос-Айрес	Избирательная комиссия провинции Буэнос-Айрес
Избирательные участки и избиратели	2140 избирателей, 7 избирательных участков	3127 избирателей, 7 избирательных участков	11 957 избирателей, 29 избирательных участков
Поставщик	Telpin	Telpin	Indra S.A

Наименование провинций	Буэнос-Айрес	Тукуман	Мисьонес
Дата	Декабрь, 2005	Февраль, 2006	Апрель, 2006
Цель	Выборы муниципального депутата	Выборы губернатора	Выборы губернатора
Округ	Бериссо	Тукуман	Монтекарло
Ответственный орган	Избирательная комиссия провинции Буэнос-Айрес	Избирательная комиссия провинции	Избирательная комиссия, Советательный совет Монтекарло
Избирательные участки и избиратели	26 129 избирателей, 40 избирательных участков	420 избирателей, 2 избирательных участка	1759 избирателей, 8 избирательных участков
Поставщик	Indra S.A	Allpa /Indra	Magic Software

Наименование провинций	Буэнос-Айрес	Санта-Фе	Санта-Фе
Дата	Май, 2006	Октябрь, 2006	2007
Цель	Выборы муниципального депутата	Совместное бюджетирование	Муниципальное совместное бюджетирование
Округ	Делегация генерала Пуэйрредона Батана	Росарио	Росарио
Ответственный орган	Избирательная комиссия провинции Буэнос-Айрес	Муниципалитет Росарио	Генеральный секретариат муниципалитета г. Росарио
Избирательные участки и избиратели	4109 избирателей, 12 избирательных участков	8470 избирателей, 27 избирательных участков	12 000 избирателей
Поставщик	Smarmatic	Magic Software	Magic Software

Наименование провинций	Буэнос-Айрес	Рио-Негро	Сальта
Дата	Октябрь, 2007	Декабрь, 2007	Апрель, 2009
Цель	Выборы губернаторов, провинциальных законодателей, мэров, советников и школьных советников	Муниципальные выборы	Выборы в законодательные органы власти в провинции Сальта
Округ	Бериссо, Висенте Лопес, Сан-Исидро, Граль, Сан-Мартин	Лас Грутас	Сан-Лоренцо и в школе в столице Сальты
Ответственный орган	Избирательная комиссия провинции Буэнос-Айрес	Министерство по делам правительства	Избирательный трибунал провинции Сальта

Гражданин. Выборы. Власть. № 2(28)/2023

Избирательные участки и избиратели	37 154 избирателя, 52 избирательных участка	1200 избирателей, 4 избирательных участка	813 000 избирателей
Поставщик	UTN	Altec	Magic Software

Наименование провинций	Сальта	Буэнос-Айрес	Буэнос-Айрес
Дата	2009	Апрель, 2009	Июнь, 2009
Цель	Открытые внутри провинциальные выборы	Муниципальные выборы	Выборы провинциальных законодателей, городских советников и школьных советников
Округ	Сан-Лоренцо и столица Сальты	Генерал Пуэйрредон, делегация Батана и Сьерра-де-лос-Падрес	Альмиранте Браун, Баия Бланка, Бериссо, Ла Плата
Ответственный орган	Избирательный трибунал провинции Сальта	Избирательная комиссия провинции Буэнос-Айрес	Избирательная комиссия провинции Буэнос-Айрес
Избирательные участки и избиратели	17 493 избирателя	17 000 избирателей, 23 избирательных участка	30 657 избирателей, 40 избирательных участков
Поставщик	Magic Software	UTN	Indra S.A

Наименование провинций	Буэнос-Айрес	Кордова	Сальта
Дата	Март, 2009	Сентябрь, 2010	2010
Цель	Выборы мэра	Выборы мэра	Консультация по популярным вопросам
Округ	Пинамар	Маркос-Хуарес	Назарено, Сальта
Ответственный орган	Избирательная комиссия провинции Буэнос-Айрес	Избирательный трибунал	Избирательный трибунал провинции Сальта
Избирательные участки и избиратели	17 493 избирателей, 40 избирательных участков	-	2000 избирателей
Поставщик	Indra S.A	Indra	Magic Software

Наименование провинций	Сальта	Сант-Фе	Сальта
Дата	Январь, 2011	Март, 2011	Апрель, 2011
Цель	Открытые стажировки в провинции	Выборы в районную комиссию Рафаэлы	Всеобщие выборы

Округ	Столица Сальты, Сан-Лоренцо, Ла-Кальдера, Оран, Метан, Кафайяте	Нет данных	Столица Сальты, Сан-Лоренцо, Ла-Кальдера, Оран, Метан, Кафайяте
Ответственный орган	Избирательный трибунал провинции Сальта	Нет данных	Избирательный трибунал провинции Сальта
Избирательные участки и избиратели	325 избирательных участка	510 избирателей	813 000 избирателей, 725 избирательных участков
Поставщик	Magic Software	Magic Software	Magic Software

Наименование провинций	Чако	Сант-Фе	Кордова
Дата	Май, 2011	Май, 2011	Август, 2011
Цель	Совместное бюджетирование	Совместное бюджетирование	Выборы губернатора и вице-губернатора и 70 провинциальных законодателей
Округ	Ресистенсия	Рафаэла	Ла-Фальда
Ответственный орган	Муниципалитет Ресистенсии	Муниципалитет Рафаэла	Избирательная комиссия Кордовы
Избирательные участки и избиратели	23 000 избирателей	300 избирателей	9000 избирателей, 38 избирательных участков
Поставщик	Magic Software	Magic Software	Magic Software

Наименование провинций	Чако	Чако	Буэнос-Айрес
Дата	Сентябрь, 2011	Октябрь, 2011	Апрель, 2012
Цель	Выборы губернатора, вице-губернатора и 16 провинциальных депутатов.	Муниципальные выборы	Выборы муниципальных делегатов
Округ	Саенс Пенья, Вилья-Анхела и Мачагай	Ресистенсия	Хунин
Ответственный орган	Избирательный трибунал	Муниципалитет Ресистенсии	Муниципалитет Хунина
Избирательные участки и избиратели	300 избирательных участков	623 избирательных участка	Нет данных
Поставщик	Magic Software	Magic Software	Desarrollo propio

Электронное голосование было одним из главных проектов правительства президента Маурисио Макри (годы президентства: 2015–2019) на институциональном уровне. Проект, направленный в Конгресс в 2016 году,

был одобрен Палатой депутатов, но не получил поддержки в Сенате и утратил силу [5].

Несмотря на большое количество пилотных проектов, проводимых в Аргентине, начиная с 1999 года власти не стали использовать электронное голосование с применением технологии ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT) на национальных выборах. Среди множества веских причин государственные органы особенно выделяют угрозу для реализации принципа тайного голосования избирателя.

2. Венесуэла (по данным за 2021 года: количество избирателей — более 21 млн; число избирательных участков — 14 тыс.) [6].

Обязательное голосование в Венесуэле отменено. ДЭГ в Венесуэле не используется. Сейчас Венесуэла — одно из немногих государств, практикующих электронные машины с технологией ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT) для голосования на национальном уровне.

Опыт использования электронного голосования в Венесуэле можно проследить с 1998 года, — тогда прошли первые выборы, где использовалась технология электронного голосования ОСГ (исп. LOV). В 2004 году Венесуэла провела национальные выборы, используя технологию ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT). В 2012 году Венесуэла провела первые национальные выборы с биометрической аутентификацией избирателей и последующей активацией машины для голосования.

Поставщиком избирательной технологии ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT) является международная компания «Smartmatic», которая была выбрана по итогам тендера в 2004 году как безопасная и проверяемая система. Технологическое оснащение компании «Smartmatic» позволяет активировать электронную машину для голосования посредством аутентификации отпечатка пальца избирателя, чтобы избиратель мог отметить свой голос непосредственно на экране машины. Выбранный вариант появляется на экране, и избиратель имеет возможность подтвердить свой голос, нажав кнопку «VOTE». Этот голос сохраняется в памяти машины в случайном порядке для обеспечения тайного голосования и в конце дня отражается в распечатанных протоколах подсчета голосов. Избирателю выдается бумажный след (исп. VVPAT), который он должен опустить в обычную урну. Голоса из каждой электронной машины хранятся в зашифрованном виде с использованием защищенной сети, которая изолирована от Интернета и имеет несколько уровней безопасности и аутентификации. После завершения голосования электронные голоса сверяются с бумажным следом [7].

Рассмотрим опыт использования электронного голосования в Венесуэле в 1998, 2004, 2012 годах как наиболее важный с точки зрения применения новой технологии, и итоги 2015 года — опыт последних выборов, данные о которых можно найти в открытом доступе.

1998 год, президентские выборы. Это — первый опыт использования электронного голосования в Венесуэле. На выборах использовались оптические сканеры для считывания бумажных бюллетеней (исп. LOV), включающие единую интегрированную электронную сеть, которая должна была передать результаты с избирательных участков в центральный штаб в течение нескольких минут. Венесуэла впервые пригласила международных наблюдателей на выборы. Результаты были объявлены в течение 2,5 часа после закрытия избирательных участков [8].

2004 год, референдум по вопросу о том, следует ли отозвать Уго Чавеса с должности. Это были первые национальные выборы в Венесуэле, на которых технология ПЭР была применена в сочетании с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT), что позволяло проводить аудит и пересчет голосов, а также давало возможность избирателю убедиться, что электронная машина правильно зафиксировала его голос. Избирательные участки открылись в 6 утра по венесуэльскому времени 15 августа 2004 года. Позже, столкнувшись с рекордной явкой (70%), длинными очередями избирателей и задержками, усугубленными использованием нового электронного оборудования для голосования, организаторы выборов вынуждены были дважды продлевать время окончания голосования; в итоге голосование завершилось в полночь.

По всей стране использовалось 19 664 сенсорных машины для голосования SAES-3000 с технологией ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT), а также более 1 600 резервных машин (от одной до трех на каждый избирательный участок). Действовало 8 394 избирательных участка, 4 766 из которых были автоматизированы. На сайте компании «Smartmatic» была размещена инструкция того времени по использованию электронных машин для голосования с технологией ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT) следующего содержания:

- 1) Прочитайте вопрос на экране.
- 2) Нажмите кнопку, соответствующую вашему ответу.
- 3) Подтвердите свой выбор, нажав кнопку «Голосовать» на экране.
- 4) Проверьте, совпадает ли ваш распечатанный бюллетень с тем, что зарегистрировала машина, и опустите его в урну для голосования.

После закрытия избирательных участков был проведен выборочный аудит, чтобы убедиться, что электронные результаты совпадают с напечатанными голосами в урнах. Все эти оценки проводились в присутствии международных наблюдателей, свидетелей из Национального избирательного совета (исп. Consejo Nacional Electoral, CNE), а также членов оппозиционных и проправительственных партий. Международные наблюдатели (Центр Картера и Организация американских государств), Избирательная комиссия и политики, участвовавшие в выборах, подтвердили результаты предвыборного и послевыборного аудита, проведенного автоматизированной системой, и согласились с результатами, свидетельствующими о том,

что 59 процентов избирателей проголосовали «против» отзыва действующего президента Уго Чавеса.

Однако на этих же выборах конфиденциальность избирателей впервые была нарушена. Бывший конгрессмен Луис Таскон по просьбе президента Чавеса раскрыл данные о предпочтениях избирателей, отражающихся в бюллетенях референдума по отзыву Чавеса в 2004 году. Известный как «Lista Tascon», этот документ стал инструментом открытой политической дискриминации и преследования: около полумиллиона государственных служащих были уволены. С тех пор доверие венесуэльцев к Национальному избирательному совету (CNE) существенно ослабло [9].

2012 год, президентские выборы. Эти выборы стали первыми в мире, на которых биометрическая аутентификация была применена в национальном масштабе. В ходе выборов было использовано устройство биометрической аутентификации VIU-100 для каждой машины для голосования с технологией ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT). Было использовано 39018 машин SAES-4300 для голосования на 13 683 избирательных округах [10].

2015 год, выборы 167 депутатов Национального собрания. При явке 74,5 процента 6 декабря 2015 года венесуэльские избиратели выбирали 167 депутатов Национальной ассамблеи с помощью технологии ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT). Это были 14-е национальные выборы, на которых Венесуэла использовала систему голосования «Smartmatic». Цифры, характеризующие выборы, говорили в том числе об их технологической оснащенности:

- избирательные участки — 14 515;
- машины для голосования — 40 601;
- машины для голосования в чрезвычайных ситуациях — 4 577;
- зарегистрированные избиратели — 19 496 365;

Были задействованы:

- 45 104 полевых оператора для обеспечения первого уровня поддержки избирательной платформы;
- 5 823 технических специалиста второго уровня поддержки;
- 22 056 операторов для системы поддержки избирательного процесса.

Этапы подготовки электронных машин для голосования:

1. Инженерный тест (20 сентября): оперативная готовность, технологическая инфраструктура и отказоустойчивость системы были проверены в различных местах по всей стране.

2. Аудит программного обеспечения машин для голосования (с 13 по 16 октября): проводился для проверки того, что программное обеспечение машин для голосования способно правильно регистрировать, подсчитывать и передавать избирательную информацию.

3. Аудит биометрической системы (с 13 по 16 октября): проводился для подтверждения того, что биометрическая платформа действительно была способна аутентифицировать избирателей до начала голосования.

4. Симуляция голосования (18 октября): национальный тест всех технологических и функциональных элементов системы.

5. Аудит инфраструктуры для голосования (с 26 по 28 октября): была проверена технологическая платформа и рабочее состояние машин для голосования. Одна машина была вскрыта, чтобы политические партии могли удостовериться, что каждый из ее компонентов необходим для работы, и что нет никаких посторонних компонентов, которые могли бы скомпрометировать выборы.

6. Аудит производства машин для голосования (со 2 по 27 ноября): этот аудит помогает подтвердить, что машины для голосования загружены сконфигурированными программами, сертифицированными во время аудита программного обеспечения.

7. Аудит программного обеспечения табуляции (с 9 по 13 ноября): проводится с целью проверки исходного кода программного обеспечения в центрах табуляции, где принимаются данные, сводятся и публикуются результаты.

8. Аудит инфраструктуры Национального центра подведения итогов (16 и 17 ноября): технические специалисты политических партий проверили инфраструктуру голосования в целом, то есть серверы и коммуникационные компоненты в центре обработки данных, предназначенном для подведения итогов голосования.

9. Аудит перед отправкой (29 ноября): комплексная проверка процесса голосования, включающая в себя голосование, передачу данных, подведение итогов и окончательный аудит на основе бумажных ваучеров, опущенных в урны для голосования.

10. Телекоммуникационный аудит перед голосованием (5 декабря): проверяет правильность работы сетей, используемых для передачи результатов.

11. Проверка граждан, фаза I (6 декабря): после закрытия избирательных участков ваучеры для голосования сверялись с подсчетами голосов, напечатанными машинами, и было ясно, что они совпадают на 100 процентов. В ходе проверки использовалась случайная выборка из более чем 50 процентов машин для голосования, и она была открыта для общественности.

12. Телекоммуникационный аудит после голосования (7 декабря): проверка того, что телекоммуникационная сеть сохранила ту же конфигурацию, которая была проверена до начала мероприятия. Это гарантировало, что во время выборов не было внесено никаких изменений.

13. Проверка граждан, фаза II (11 декабря): технические специалисты Национального избирательного совета и политических партий проверили, что выбор, зарегистрированный в распечатанных бюллетенях для голосования, совпадает с протоколом голосования и данными, хранящимися в Национальном центре подсчета голосов. Этот тест был проведен на одном проценте машин, выбранных случайным образом [11].

После выборов в 2017 году в Национальную конституционную ассамблею Венесуэлы (исп. Asamblea Nacional Constituyente, ANC) начались

массовые протесты, вызванные непризнанием результатов выборов как внутри страны, так и на международной арене. Согласно одному из отчетов, 2,6 миллиона человек проголосовали за правительство, потому что боялись потерять льготы CLAP (исп. Comités locales de abastecimiento y producción). Компания «SGO Corporation Limited», частью которой является «Smartmatic», подала иск в международный инвестиционный арбитраж против Венесуэлы в связи с мошенничеством на выборах и экспроприацией активов компании. Причиной судебного разбирательства стало расхождение между данными о результатах выборов. Компания «Smartmatic» считает, что в 2017 году правительство Венесуэлы сообщило результаты, отличные от тех, что были отражены в электронной системе «Smartmatic». Кроме того, были объявлены результаты явки, превышающие число, указанное в системе голосования. После произошедшего компания-поставщик прекратила предоставлять аппаратное и программное обеспечение для выборов в Венесуэле. Данные об использовании электронного голосования на последующих выборах в Венесуэле не оглашаются [12–14].

Несмотря на опросы, фиксирующие потерю режимом поддержки населения и последствия гуманитарного, экономического и политического кризиса, по результатам выборов кадровая перестановка практически не происходит. Вопреки многочисленным обвинениям в фальсификации результатов голосования и нарушении конституционных норм Венесуэла продолжает использовать технологию ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT) на национальном уровне.

3. Чили (по данным за 2021 год количество избирателей — более 14,5 млн; число избирательных участков — более 2 тыс.) [15].

Обязательное голосование в Чили отменено. ДЭГ и электронное голосование при формировании чилийских выборных органов власти не практикуются, однако позволяют гражданам выносить определенный проект (законопроект, конституционную поправку и т.д.) на всенародное голосование. Учредительный процесс использует механизм представления «народных нормативных инициатив», его реализация почти полностью проходит на цифровой платформе «Plataforma Digital de Participación Popular» (Цифровая платформа народного участия, DPPP). Согласно сайту DPPP, «это пространство, где чилийские мужчины и женщины могут представить свои предложения по нормам для Учредительного собрания, и благодаря народной поддержке этих предложений, возможно их последующее обсуждение членами этого собрания».

Одна из главных особенностей DPPP в том, что она служит платформой для подачи различных народных инициатив (исп. Iniciativas Populares Normas, IPN) для включения в новую конституцию и голосования за них. Этот процесс, закрепленный в подпункте 2.1 «Правил общественного участия», прямо упоминает цифровую платформу в статье 33. Народные

инициативы (IPN) могут быть представлены в Платформе любым лицом или группой лиц, которые заполняют цифровую или физическую форму, предоставленную Секретариатом народного участия. Эти инициативы будут рассмотрены и поставлены на голосование Учредительного собрания, если они превысят порог в 15 000 подписей, которые также в основном собираются в режиме онлайн тем же DPPP. Процесс электронной идентификации на Платформе обеспечивает другая государственная служба, отвечающая за электронные подписи и электронную идентификацию под названием «Clave Única» (аналог российского приложения «Госуслуги»).

Как только народная инициатива набирает нужное число подписей как минимум из четырех различных регионов страны, она считается эквивалентом любого конституционного законопроекта, представленного членом Учредительного собрания (исп. Asamblea Constituyente). Это означает, что инициатива должна в равной степени обсуждаться и участвовать в голосовании. Помимо размещения процесса голосования по IPN, DPPP дополнительно позволяет проводить «Cabildos» или форумы для обсуждения конституции и показывать количество голосов, успешно рассмотренные народные инициативы, общее число участников и другую соответствующую статистику [16–17].

Таким образом, в Чили существует возможность дистанционного электронного голосования в поддержку той или иной законодательной инициативы, однако и здесь существует множество вопросов, связанных с безопасностью и прозрачностью данного процесса. Многие исследователи задаются вопросами, касающимися последующих условий использования данных, собранных при помощи DPPP и «Clave Única». В частности вопросом о том, используются ли эти данные, — если да, то как; в каком виде хранятся; на каком основании хранятся; как это сказывается на жизни участвовавших в голосовании.

4. Бразилия (по данным за 2021 год количество избирателей — более 156 млн; число избирательных участков — более 496 тыс.) [18].

Голосование в Бразилии является обязательным для всех грамотных людей в возрасте от 18 до 70 лет. Штраф для лиц, не принимающих участие в голосовании, составляет 0,65 доллара США (по состоянию на август 2020 г.). Кроме этого, лица, не участвующие в голосовании, могут столкнуться с трудностями при получении паспортов, ссуд в государственных банках, рабочих мест в госучреждениях. Дистанционное электронное голосование в Бразилии не применяется.

Сейчас здесь практикуется электронное голосование с помощью технологии ПЭР без бумажного следа (исп. DRE sin VVPAT) на национальном уровне. Более того, в стране существует обширная база данных избирателей, охватывающая практически все население и позволяющая проходить биометрическую аутентификацию. Избирательный процесс в Бразилии

является полностью автоматизированным. Голосование с бумажным бюллетенем используется для избирателей Бразилии, проживающих за границей. Если на участке от 30 до 99 избирателей, они голосуют по бюллетеню. Для мест с более чем 100 избирателями готовятся электронные машины [19].

На данный момент в упрощенном виде процесс голосования включает в себя четыре этапа: идентификация избирателя по отпечатку пальца; осуществление тайного голосования с помощью ПЭР без бумажного следа (исп. DRE sin VVPAT); подсчет голосов в каждой электронной машине для голосования; генеральный подсчет всех голосов и объявление результатов выборов. В среднем по стране для объявления итогов голосования требуется менее 12 часов; в небольших городах результаты становятся известными через несколько минут после закрытия избирательных участков. Сторонники данной технологии утверждают, что даже если фальшивые голоса будут введены в машину, невозможно осуществить широкий подлог результатов за такой короткий промежуток времени.

Внедрение электронного голосования в Бразилии можно проследить с 1996 года. Тогда впервые были опробованы электронные машины, — удалось охватить треть всего электората, к 1998 году — уже две трети избирателей. В 2000 году было использовано 350 тысяч машин и каждый голос (100% избирателей) был подан в электронном виде. Через два года в Бразилии был принят федеральный закон об электронном голосовании. В том же году был введен обязательный бумажный талон (исп. VVPAT), подтверждающий избирателю его голос, но позже он был отменен в целях экономии денежных средств, затрачиваемых на выборы (около 100 млн долларов). Вместо бумажного талона введено специальное программное обеспечение, с помощью которого осуществляется проверка всех голосов, а копию файла можно проверить в любой момент.

С 2008 года в некоторых районах Бразилии применяется биометрическая технология (активизация электоральной машины для голосования при помощи отпечатка пальца избирателя) на муниципальных выборах, в 2010 году на президентских выборах 135 млн граждан воспользовались таким способом голосования. К 2016 году биометрическая аутентификация применялась для избирателей по всей стране, а сейчас более 450 тысяч избирательных участков на территории государства оснащены электронными машинами, для голосования на которых используют ПЭР без бумажного следа (исп. DRE sin VVPAT), активирующихся по отпечатку пальца зарегистрированного избирателя.

В 2009 году Высший электоральный трибунал Бразилии проводил «конкурс взлома», суть которого заключалась в организации целенаправленных хакерских атак для нахождения пробелов в безопасности системы электронного голосования, основанной на технологии ПЭР (исп. DRE). Конкурс проходил с 10 по 13 ноября 2009 года, по его итогам никто не смог взломать

предложенные машины для голосования, что укрепило позитивный образ электронного голосования.

Среди недостатков, которые выделяют исследователи электронного голосования с помощью технологии ПЭР без бумажного следа (исп. DRE sin VVPAT), есть один самый существенный: отсутствие механизма контроля со стороны общества и наблюдательского сообщества. Это происходит из-за того, что невозможно осуществить аудиторскую проверку электронного подсчета голосов через ручной подсчет голосов, так как нет бумажного следа (исп. VVPAT). Так же невозможно восстановить и проверить результат подсчета по отпечаткам пальцев, поскольку нельзя узнать — соответствует ли номер избирателя имени проголосовавшего лица. Было установлено, что лица, обсуживающие машину для голосования, могут проголосовать за отсутствующих избирателей без их разрешения. В группы обслуживания машин включены лица, отобранные наугад из населения [20].

Жаир Болсонару, бывший президент Бразилии, покинувший свой пост 1 января 2023 года, в рамках своей последней президентской кампании неоднократно выступал с критикой системы, называя механизм подсчета голосов «непрозрачным», «неверифицируемым» и уязвимым для хакеров и недобросовестных манипуляций [21].

Бразилия игнорирует критику, связанную с отсутствием бумажного следа (исп. VVPAT), новые технологии экономят время и средства, при этом Бразилия предоставляет электронные машины с технологией ПЭР (исп. DRE) другим странам. Став первопроходцем в использовании метода электронного голосования среди южноамериканских стран, Бразилия продолжает придерживаться намеченного курса, не отказываясь от использования технологии ПЭР без бумажного следа (исп. DRE sin VVPAT) вопреки тому, что это ставит под угрозу не только демократическую процедуру выборов, но и конституционные права бразильских граждан.

5. Эквадор (по данным за 2023 год количество избирателей — более 13 млн; число избирательных участков — более 4 тыс.) [22].

В Эквадоре голосование обязательно для грамотных граждан в возрасте от 18 до 65 лет. Штрафы для лиц, не участвующих в голосовании, исчисляются в размере 10 процентов от заработной платы. С 2023 года дистанционное электронное голосование в Эквадоре практикуется только для граждан, проживающих за рубежом.

На выборах, которые состоялись 5 февраля 2023 года, 97 000 эквадорцев, проживающих за границей, имели возможность проголосовать телематически в одной из 52 зон, где этот метод был разрешен. Об использовании ДЭГ в 2023 году Национальный избирательный совет (CNE) сообщил в сентябре 2022 года.

Эквадорцы за рубежом могли голосовать для избрания семи членов Совета гражданского участия и социального контроля (порт. Conselho para

a Participação Cívica e Controlo Social, CPCCS), а также по восьми вопросам референдума. Избирателю необходимо было сначала зарегистрироваться, указав свой идентификационный номер или номер паспорта, пройти регистрацию с помощью системы распознавания лиц, ответить на вопросы для подтверждения информации и зарегистрировать свою электронную почту с номером телефона. В момент голосования избиратель должен был ввести свой ID или номер паспорта, после чего на его электронную почту приходило сообщение с шестизначным кодом, который необходимо было ввести в платформу. После этого предлагалось три варианта подтверждения личности, и избиратель выбирал один из них, чтобы получить окончательный доступ к бюллетеню. На момент открытия голосования зарегистрировались 19 000 эквадорцев из 97 000, у которых была такая возможность.

Многие избиратели, имеющие право голоса за рубежом, сообщили, что у них возникли трудности при голосовании или что они не смогли проголосовать. В сообщениях из Швеции и Бельгии упоминались сбои в системе голосования [23].

Электронное голосование в Эквадоре не применяется. Избиратели голосуют с помощью бумажного бюллетеня; после голосования производится подсчет голосов на избирательном участке. Полученные данные запечатываются в специальный пакет для транспортировки в Национальный избирательный совет (CNE), где результаты сканируются и выкладываются на электронный портал Эквадора [24].

В 2014 году в Эквадоре проходили выборы более 5 тысяч муниципальных чиновников, на которых в качестве эксперимента применялись три различные технологии электронного голосования в трех разных районах:

- провинция Санто-Доминго-де-лос-Тсачилас — технология ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT); поставщик — компания «Smartmatic», Венесуэла);
- район Ла Морита в административном центре Кито — модифицированные комплексы электронного голосования без бумажного следа (исп. VVPAT); поставщик — ФГУП НИИ «Восход», Россия);
- провинция Асуай — используются бумажные бюллетени в сочетании с технологией OCG (исп. LOV); поставщик — Аргентина.

Рассмотрим подробнее использование электронного голосования в провинции Санто-Доминго-де-лос-Тсачилас. Явка избирателей составила 79 процентов, что равняется 272 673 избирателям, каждый из которых мог подтвердить правильность своего выбора с помощью распечатанных бумажных талонов для голосования. Работали 53 избирательных участка, где был организован 1 121 избирательный пункт, на них установлена 1 121 машина для голосования модели SAES-3376. Также было подготовлено 120 запасных машин, находившихся в режиме ожидания.

Цель эксперимента состояла в том, чтобы выбрать наилучшую технологию электронного голосования для использования в будущем. В экспери-

менте приняли участие 10 процентов избирателей страны. По результатам проведенного эксперимента наиболее быстрым в выполнении поставленных задач оказался венесуэльский поставщик «Smartmatic», — результаты были получены менее чем за час после закрытия избирательных участков. После в Эквадоре были опробованы другие способы электронного голосования, однако ни один из них не был внедрен [25].

ДЭГ в Эквадоре было впервые использовано в 2023 году, эта технология была доступна только одной группе лиц — гражданам Эквадора, проживающим за рубежом. Национальный избирательный совет (CNE) страны проводит выборы разных уровней с использованием бумажного бюллетеня.

6. Перу (по данным за 2022 год, количество избирателей — 24 млн; число избирательных участков — более 5 тыс.) [26–27].

Голосование в Перу является обязательным для всех граждан в возрасте от 18 до 70 лет. Штрафы, налагаемые на лиц, не принимающих участие в голосовании, могут составлять от 6 до 25 долларов. В Перу дистанционное электронное голосование не применяется.

Здесь электронное голосование проводится по технологии ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT), представляется как технологическое решение, но используется только на специально отобранных Национальным управлением избирательных процессов (исп. La Oficina Nacional de Procesos Electorales, ONPE) участках, на которых электронное голосование состоит из 5 этапов:

1. Идентификация избирателя с помощью его DNI (исп. Documento Nacional de Identidad). Избирателю необходимо отдать удостоверение личности сотруднику избирательного участка, чтобы получить карточку для активации электронной машины для голосования.

2. В кабинке для голосования расположена электронная машина для голосования; для активации оборудования необходимо вставить карточку, выданную ранее сотрудником избирательного участка, в гнездо аппарата.

3. После активации на экране избирательной машины появится бюллетень. Избирателю необходимо выбрать вариант в соответствии с его предпочтениями и нажать кнопку «Далее». На экране появится сводка результатов голосования избирателя. Если избиратель удовлетворен ими, то ему нужно нажать кнопку «Подтвердить»; если нет, то — кнопку «Изменить» и поменять выбор.

4. После подтверждения факта голосования электронный голос записывается. Оборудование печатает бумажный бюллетень, дублирующий вариант, выбранный с помощью машины. Еще раз необходимо проверить, совпадает ли он с тем, что отображается на экране, далее необходимо вынуть карту активации из слота.

5. Избиратель возвращает карточку активации сотруднику избирательного участка, распечатанный бумажный талон помещается в обычную урну,

расположенную на избирательном участке. После чего избиратель получает обратно свое удостоверение личности (DNI) с наклеенной голограммой [28].

Электронное голосование регулируется принятым в 2005 году законом № 28581 об избирательных процессах и Резолюцией ONPE 000022-2016-J. После задержки итогов региональных и муниципальных выборов, случившейся в начале 2010 года, Конгресс Перу призвал свои избирательные институты изучить возможности электронного голосования. В рамках этого процесса Национальному управлению избирательных процессов Перу было поручено провести пилотный проект электронного голосования [29].

Пилотный проект электронного голосования ONPE провело во время второго тура президентских выборов 2011 года с общим числом избирателей 1180 человек в округе Пакаран, провинция Каньете, регион Лима. Расположение и демографические характеристики Пакарана могли бы затруднить внедрение машин для электронного голосования, но необходимо было проверить проблемы, характерные для отдаленных населенных пунктов, чтобы убедиться, что технология будет отвечать потребностям всего населения Перу.

Поскольку ONPE не имело опыта электронного голосования, Международный республиканский институт (англ. International Republican Institute, IRI) предоставил ему техническую помощь в планировании, проведении и оценке эксперимента. В день выборов избиратели перед тем, как проголосовать, имели возможность потренироваться на симуляторах электронного голосования. По итогам проведения эксперимента ONPE и IRI разработали подробные рекомендации. Главный вывод оказался следующим: внедрение такой системы будет очень дорогостоящим. После проведения пилотной оценки Конгресс страны не продемонстрировал заинтересованности в выделении значительных средств на электронное голосование.

Пилотные проекты использования электронных машин для голосования в Перу продолжают до сих пор. На внеочередных выборах в Конгресс в 2020 году электронное голосование проводилось в 21 округе в Лиме, в 2 округах в Кальяо и в 16 округах во внутренних районах страны (эти же округа участвовали в использовании электронного голосования на региональных и муниципальных выборах в октябре 2018 года) [30].

В ходе применения электронного голосования в Перу возникали непредвиденные ситуации, которые решались с помощью традиционного голосования (с бумажным бюллетенем). По данным Национального избирательного жюри (исп. Jurado Nacional de Elecciones) во время первых выборов (2011) было 8 случаев, когда возникли непредвиденные обстоятельства. Также было несколько инцидентов, связанных с обучением избирателей использованию машин непосредственно в день голосования [29].

Применение электронного голосования в Перу на национальном уровне вызывает массу дискуссий, притом не только в конгрессе, поэтому до сих пор оно проводится в качестве пилотных проектов по усовершенствованию избирательной системы государства.

Заключение

Аргентина. ДЭГ не используется, электронное голосование типа ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT) применяется в некоторых провинциях на выборах локального уровня. Традиционное голосование (с бумажным бюллетенем) — основной способ волеизъявления граждан.

Венесуэла. ДЭГ не используется, электронное голосование типа ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT) применяется на выборах различного уровня. Традиционное голосование (с бумажным бюллетенем) существенно уступает электронному голосованию.

Чили. ДЭГ для формирования выборных органов власти не используется, однако позволяет гражданам выносить определенный законопроект на всенародное голосование. Электронное голосование не применяется. Традиционное голосование (с бумажным бюллетенем) — основной способ волеизъявления граждан.

Таблица 2

Итоговая таблица по использованию электронного голосования в странах Южной Америки

Страна	ДЭГ	ПЭР без бумажного следа	ПЭР с бумажным следом	Традиционное голосование
Аргентина	-	-	+	+
Венесуэла	-	-	+	+
Чили	+	-	-	+
Бразилия	-	+	-	+
Эквадор	+	-	-	+
Перу	-	-	+	+

Бразилия. ДЭГ не используется, электронное голосование типа ПЭР без бумажного следа (исп. DRE sin VVPAT) применяется на выборах различного уровня. Традиционное голосование (с бумажным бюллетенем) существенно уступает электронному голосованию.

Эквадор. ДЭГ используется только для голосования граждан, проживающих за рубежом. Электронное голосование не применяется. Традиционное голосование (с бумажным бюллетенем) — основной способ волеизъявления граждан.

Перу. ДЭГ не используется, электронное голосование типа ПЭР с бумажным следом (исп. DRE con VVPAT) применяется на некоторых участках, специально отобранных Национальным управлением избирательных процессов, на выборах разного уровня. Традиционное голосование (с бумажным бюллетенем) — основной способ волеизъявления граждан.

Список литературы

1. Argentina.gob.ar. Porcentaje de electores y electoras por provincial. URL: <https://www.argentina.gob.ar/interior/observatorioelectoral/datos-electorales/porcentaje-de-electores-y-electoras-por-provincia> (дата обращения: 24.02.2023).
2. Prensa Latina. Polling stations open in first electoral phase in Argentina. URL: <https://www.plenglish.com/news/2021/09/12/polling-stations-open-in-first-electoral-phase-in-argentina/> (дата обращения: 24.02.2023).
3. Padrón Electoral Argentina. Cómo votar con el sistema Boleta Única Electrónica? URL: <https://padronelectoral.org/voto-electronico-boleta-unica-electronic> (дата обращения: 18.02.2023).
4. Dr. Alejandro Prince, Lic. Lucas Jolías, Lic. Fernando Lacabanne, «Voto Electrónico en Argentina», 6 Simposio Argentino De Informática En El Estado. 41 JAHO – SIE 2012 – ISSN: 1851-2526 – Página 73–85. URL: https://41jaiio.sadio.org.ar/sites/default/files/337_SIE_2012.pdf (дата обращения: 18.02.2023).
5. Agenda Pública S.L. Delia Ferreira Rubio, «El intento frustrado de imponer el voto electrónico en Argentina». URL: <https://agendapublica.elpais.com/noticia/14060/intento-frustrado-imponer-voto-electronico-argentina#menu-toggle> (дата обращения: 20.02.2023).
6. TeleSUR English. Venezuela Sets 99 Of Polling Stations for Sundays Elections. URL: <https://www.telesurenglish.net/news/Venezuela-Sets-99-Of-Polling-Stations-for-Sundays-Elections-20211120-0001.html> (дата обращения: 21.02.2023).
7. Consejo Nacional Electoral. Tecnología Electoral en Venezuela. URL: http://www.cne.gob.ve/web/sistema_electoral/tecnologia_electoral_descripcion.php (дата обращения: 21.02.2023).
8. Latin American and Caribbean program. The Carter Center: special report series. Observation of the 1998 Venezuelan elections. A report of the council of freely elected heads of government. Harold Trinkunas, Jennifer McCoy. The New York Times, 1999.-83 p.
9. Smartmatic. Venezuela's 2004 recall referendum: Scope. URL: <https://www.smartmatic.com/case-studies/article/venezuelas-2004-recall-referendum-scope/> (дата обращения: 21.02.2023).
10. Smartmatic. Venezuela's presidential election, 2012. URL: <https://www.smartmatic.com/case-studies/article/venezuelas-presidential-election-2012/> (дата обращения: 23.02.2023).
11. Smartmatic. Venezuela's 2015 parliamentary elections. URL: <https://www.smartmatic.com/case-studies/article/venezuelas-2015-parliamentary-elections/> (дата обращения: 23.02.2023).
12. BBC Mundo: Cómo funciona el sistema de voto electrónico de Smartmatic, la empresa que denunció manipulación en la elección de la Constituyente en Venezuela. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-40815645> (дата обращения: 25.02.2023).
13. France 24. Empresa de voto electrónico reclama a Venezuela indemnización de USD1.500 millones. URL: <https://www.france24.com/es/minuto-a-minuto/20220608-empresa-de-voto-electr%C3%B3nico-reclama-a-venezuela-indemnizaci%C3%B3n-de-usd-1-500-millones> (дата обращения: 25.02.2023).

14. Forbes Россия. Производитель оборудования для выборов Smartmatic потребовал около \$3 млрд от Fox News. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/420417-proizvoditel-oborudovaniya-dlya-vyborov-smartmatic-potrebovala-okolo-3> (дата обращения: 25.02.2023).
15. Prensa Latina. Polling stations opened in historic election in Chile. URL: <https://www.plenglish.com/news/2021/05/15/polling-stations-opened-in-historic-election-in-chile/> (дата обращения: 17.02.2023).
16. Alexander Núñez Nova, Camilo Aguilera Ramírez, Jose Ledesma Romero, Benjamín Núñez Ochoa, Nicolás Yáñez Viveros. «Innovations of the Constituent Convention in Chile: The Perspective From Public Participation and Environmental Rights». *Gdańskie Studia Prawnicze* 56:27–41. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=1090796> (дата обращения: 17.02.2023).
17. Derechos Digitales. Alex Nunez, «Voto Electrónico en Chile y marco normativo electoral: problemas legales de un cambio tecnológico tentador». URL: <https://www.derechosdigitales.org/14836/voto-electronico-en-chile-y-marco-normativo-electoral-problemas-legales-de-un-cambio-tecnologico-tentador/> (дата обращения: 17.02.2023).
18. Brasil de Fato (BdF). Brazil will have its largest electorate in history during the October 2 elections. URL: <https://www.brasildefato.com.br/2022/07/19/brazil-will-have-its-largest-electorate-in-history-during-the-october-2-elections> (дата обращения: 27.02.2023).
19. Tribunal Superior Eleitoral. «Código Eleitoral – Lei no 4.737, de 15 de julho de 1965», 1965. URL: <http://www.tse.jus.br/legislacao/codigo-eleitoral/codigo-eleitoral-1/codigoeleitoral-lei-nb0-4.737-de-15-de-julho-de-1965> (дата обращения: 27.02.2023).
20. Современные избирательные системы. Вып. 8: Бразилия, Франция, Чехия, Южная Корея/ А.Г. Орлов, М.А. Мещерякова, С.Я. Павлов, Т.О. Кузнецова; науч. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2013. 488 с.
21. BBC. Brazil election: Do voting machines lead to fraud? URL: <https://www.bbc.com/news/63061930> (дата обращения: 28.02.2023).
22. Primicias.ec. Los comicios de 2023 tendrán 121 recintos electorales más. URL: <https://www.primicias.ec/noticias/seccionales-2023/comicios-aumento-recintos-electorales/> (дата обращения: 02.03.2023).
23. EVoting. THE CURRENT STATE OF ELECTRONIC VOTING IN LATIN AMERICA. URL: <https://evoting.com/en/2023/02/10/la-actualidad-del-voto-electronico-en-latinoamerica/> (дата обращения: 02.03.2023).
24. ASAMBLEA NACIONAL, «LEY ORGANICA ELECTORAL, CODIGO DE LA DEMOCRACIA», 2009. URL: www.lexis.com.ec/wp-content/uploads/2018/07/LI-LEY-ORGANICAELECTORAL-CODIGO-DE-LA-DEMOCRACIA.pdf (дата обращения: 05.03.2023).
25. Smartmatic. Electronic voting: a trend that's come to Ecuador. URL: <https://www.smartmatic.com/us/case-studies/article/315/> (дата обращения: 05.03.2023).
26. Plataforma digital única del Estado Peruano. Más de 24 millones de peruanos votarían en las Elecciones Regionales y Municipales 2022. URL: <https://www.gob.pe/institucion/reniec/noticias/581541-mas-de-24-millones-de-peruanos-votarian-en-las-elecciones-regionales-y-municipales-2022/> (дата обращения: 10.03.2023).

27. Plataforma digital única del Estado Peruano. ONPE publica listado de miembros de mesa y locales de votación para las elecciones internas. URL: <https://www.gob.pe/institucion/onpe/noticias/601475-onpe-publica-listado-de-miembros-de-mesa-y-locales-de-votacion-para-las-elecciones-internas> (дата обращения: 10.03.2023).
28. Oficina Nacional de Procesos Electorales. ¿Cómo votar con voto electrónico? URL: <https://www.web.onpe.gob.pe/modElecciones/elecciones/sep2016/docs/como-votar/como-votar-ve.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).
29. Agenda Pública S.L. Katiuska Valencia, «Voto electrónico en Perú: auditoría y clima de confianza». URL: <https://agendapublica.elpais.com/noticia/14051/voto-electronico-peru-auditoria-clima-confianza> (дата обращения: 10.02.2023).
30. National Democratic Institute. Piloting Electronic Voting in Peru. URL: <https://www.ndi.org/e-voting-guide/examples/piloting-electronic-voting-in-peru> (дата обращения: 18.03.2023).

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются наиболее значимые глобальные тренды развития современного общества в контексте реализации государственной информационной политики (ГИП). Предлагается схема анализа ГИП и условий ее реализации. Выделяются и раскрываются основные тенденции эволюции современного общества и аспекты их взаимосвязи с реализацией ГИП. Автор делает вывод о том, что современное общество «развитого модерна» и его глобальные институты претерпевают системные изменения, что создает новые риски и угрозы безопасности, но также дает возможность изменить статус-кво в информационно-коммуникационном пространстве с помощью инструментария государственной информационной политики.*
Ключевые слова: государственная информационная политика, модерн, постмодерн, общество травмы, информатизация, глобальные тренды.

CONDITIONS FOR IMPLEMENTATION OF STATE INFORMATION POLICY: GLOBAL TRENDS

***Abstract.** The article deals with the main global trends in the development of modern society in the context of implementation of the state information policy (SIP). The author proposes a scheme for the analysis of the SIP and the conditions for its implementation. The article identifies and reveals the main trends in the evolution of modern society and aspects of their relationship with the implementation of the SIP. The author concludes that the modern society of «developed modernity» and its global institutions are undergoing systemic changes, which create new security risks and threats, but also makes it possible to change the status-quo in the information and communication space using the SIP tools.*
Keywords: state information policy, modernity, postmodernity, trauma society, informatization, global trends.

Условия, в которых функционирует государственная информационная политика (ГИП), образуют непосредственную среду ее формирования и реализации. Взаимодействие государственной информационной политики с условиями внешней среды можно представить в виде следующей схемы.

Взаимодействие государственной информационной политики с условиями внешней среды

Общими условиями реализации государственной информационной политики является совокупность глобальных факторов и мегатрендов динамики современного общества в целом. Они оказывают влияние непосредственно на систему ГИП, а также на специальные условия (внешние и внутренние).

Внешние условия реализации ГИП представляют собой совокупность факторов внешнеполитической среды — структуры системы международных отношений, деятельности государств и негосударственных акторов мировой политики, динамики развития государств и регионов мира и другое.

Внутренние условия реализации ГИП обозначают группу факторов внутриполитической среды — состояние общественного сознания и общественного мнения социальных групп, внутривнутриполитическую конъюнктуру, социальную структуру общества, динамику экономического развития, состояние внутреннего информационно-коммуникационного пространства и другое.

В силу тесной взаимосвязи и взаимовлияния внешних и внутренних факторов в современных условиях глобализации, особенно свободного движения информации в глобальном масштабе через Интернет, граница между внешними и внутренними условиями размывается, их векторы воздействия пересекаются и оказывают совокупное влияние на ГИП. На практике затруднительно отнести какой-либо фактор к исключительно внешним или внутренним условиям, поэтому в данном случае они разделены сугубо в аналитических целях.

В свою очередь, ГИП оказывает обратное воздействие на условия своего функционирования. Далее речь пойдет об общих условиях ГИП, которые составляют макротенденции эволюции современного общества.

* * *

В научной среде существует довольно большое число точек зрения на состояние современного общества, его особенностей и структуры. Одним из срезов этой дискуссии является диспозиция «модерн — постмодерн».

Постмодернистские теоретики настаивают на том, что в обществе модерна произошли настолько колоссальные изменения, что оно перешло в качественно новое состояние — эпоху постмодерна. Основным признаком постмодерна является распад основополагающих структур модерна — классической рациональности, единообразия и стандартизации, принципа экономической полезности, ориентации на массовое материальное производство, классовой структуры общества, веры в социальный прогресс и так далее. Постмодерн представляет собой тотальную неопределенность, отсутствие линейных целенаправленных изменений, радикальный плюрализм.

Одной из главных черт постмодерна является кризис метанарративов — больших проектов, объяснительных систем, претендующих на универсальность [10], что обуславливает дробление и изменчивость социокультурной сферы.

Таким же раздробленным является общество и с точки зрения Ж. Делёза, который утверждает, что оно перешло от «общества дисциплины» к «обществу контроля», для которого характерна фрагментация, отсутствие обозримых долго- и среднесрочных перспектив, постоянные кардинальные нелинейные изменения [7]. Делёз вместе с Ф. Гваттари вводят понятие «ризомы», описывают современный мир как множественный, неупорядоченный, способный развиваться в любых направлениях и принимать различные конфигурации [8, с. 136–160]. Даже индивид, с позиции Делёза, лишается устойчивых качеств, расщепляется и превращается в дивида, встраивающегося в постоянные изменения [7].

З. Бауман также говорит о «ненаправленности перемен» современного мира. Он характеризует состояние современного общества как *interregnum* — перерыв между ломкой старого порядка и возникновением нового; старое уже не работает, а новое еще не народилось, состояние неуверенности, неопределенности будущего [1]. Бауман выделяет следующие его характеристики: плюрализм культур, распространяющийся на все сферы жизни и все ее проявления; постоянные изменения, отсутствие устойчивости и предсказуемости; отсутствие властных универсалий; гегемония СМИ и их продукции; исчезновение основной реальности, ее размывание в пространстве символов, из-за чего все социальное пространство начинают определять символы [22].

Оппонентами постмодернизма выступают сторонники трактовки современного общества как «позднего модерна». Они утверждают, что изменения, происходящие в современном обществе, не столь радикальны и связаны не с упадком модерна, а с его «успехом», который связан с развитием капиталистических отношений.

Ф. Уэбстер выделяет ряд признаков современного капитализма — ведущая роль транснациональных корпораций, усиление конкуренции и ее глобальный масштаб, снижение суверенитета национальных государств, глобализация, — выстраивание всего мира в соответствии с моделью западного общества и его универсальными ценностями [19, с. 382]. Он также говорит о массивном проникновении «цивилизации бизнеса», рыночных отношений во все сферы жизни, в том числе в те, которые раньше были свободны от них [19, с. 383]. Согласно Уэбстеру, мир и все сферы общества все более подчиняются общим принципам и логике капитализма и рынка, а информатизация только ускоряет этот процесс, так как «глобальный капитализм нуждается в рекламе, информационных технологиях, корпоративном планировании и эффективном маркетинге» [19, с. 384].

Дж. Ритцер, придерживаясь близкой к Ф. Уэбстеру точки зрения и ее тесно связывает с процессом «макдональдизации» общества, основными принципами которой являются:

– *Эффективность*. Ускорение ритма жизни привело к стремлению к максимизации эффективности и продуктивности. Стремление сделать как можно больше в минимальный промежуток времени.

– *Предсказуемость* — рационально обусловленное желание заранее и точно знать результат предпринимаемых действий в любом месте в любое время.

– *Упор на количественные показатели (калькулируемость)*. Качественные показатели отходят на второй план. Основной акцент делается на производстве как можно большего количества продукции в минимально короткий срок. Оценка эффективности происходит преимущественно с опорой на количественные показатели. Отсюда стремление к увеличению объемов потребления и оценка любых социальных практик с позиции количественных показателей.

– *Контроль*. Автоматизация путем внедрения новых технологий и сведения к минимуму «человеческого фактора». Минимизация человеческой деятельности до простых операций и следования инструкциям [17].

Таким образом, в основе современного общества лежит не разнообразие и расщепленность, а единые принципы «макдональдизации» — новой рациональности «развитого капитализма», которая «добивается все большего доминирования в самых разных сферах жизни американского общества и остального мира» [17, с. 63].

* * *

Несмотря на значительные расхождения трактовок и результатов социологического анализа современного общества, общепризнанным фактом является его информатизация, которая ведет к ряду существенных социальных трансформаций:

- информация становится одним из ключевых ресурсов, оказывающих влияние на экономические, политические, социальные и культурные отношения;
- в силу развития средств коммуникации происходит движение больших объемов информации в глобальном масштабе, что ведет, по выражению М. Маклюэна, к превращению мира в «глобальную деревню» [11];
- возможность мгновенной коммуникации между ее субъектами в силу отсутствия пространственно-временных ограничений привела к инверсии пространства и времени;
- погружение социальных процессов в «гиперреальность» и формирование «культуры реальной виртуальности» – полное погружение реальности в виртуальные образы, виртуальное пространство [9. с. 351–353]. Виртуальное теряет связь с реальным и заменяет его;
- горизонтальные коммуникации начинают преобладать над вертикальными, вследствие чего формируются сетевые структуры, вытесняющие традиционные иерархические;
- одним из парадоксов информатизации является то, что с увеличением социальных контактов через виртуальные сети, общество становится более атомизированным, так как индивиды сами выбирают контент и замыкаются в своих «информационных капсулах» [4];
- большие объемы информации приводят к информационной перегрузке. Горизонтальные коммуникации и информационная перегрузка способствуют формированию «клипового мышления» и большему доверию информации;
- формирование идентичности и социализация происходят через сетевые коммуникации в киберпространстве (киберсоциализация);
- распространение сетевых коммуникаций, в которых каждый пользователь может являться производителем контента, приводит к тому, что содержание контента (информация) несколько отходит на второй план и более важным ресурсом становятся коммуникативные возможности субъектов, контроль над площадками сетевой коммуникации, собственность на средства коммуникации [3, с. 90].

* * *

Признавая высокую значимость теоретических разработок и результатов социологического анализа, а также серьезных трансформаций, связанных с информатизацией общества, отметим, что несмотря на кажущееся разнообразие мнений, субкультур и быстрых изменений в социальной структуре, в основе современного общества по-прежнему преимущественно лежит неolibеральная идеология («универсальные» ценности, принципы «макдональдизации») и социально-экономические отношения капиталистического типа.

В то же время последние события, а именно спад мировой экономики в «ковидный» 2020 год и высокая вероятность глобальной экономической рецессии, показывают, что риск возникновения состояния «interregnum» является не столь отдаленной перспективой.

С начала 2020 года основные индексы фондовых рынков продемонстрировали падение или турбулентность. 16 марта 2020 года на Нью-Йоркской бирже они упали более чем на 10 процентов [14] (это рекордное падение со времен «черного понедельника» 1987 г.). В начале апреля того же года индекс потребительских настроений США понизился до рекордного уровня и составил 71 пункт [31]. В первой половине 2020 года, по сообщениям МВФ, инвесторы вывели с рынков развивающихся стран около 83 миллиардов долларов; фонд также спрогнозировал отрицательный рост мировой экономики в 2020 году [12]. Согласно экспертному прогнозу Bank of America предполагалось, что мировой ВВП снизится на 2,7 процента [21], что является существенно высокой цифрой для глобальной экономики. В действительности реальный мировой ВВП в 2020 году, по данным Всемирного банка, упал на 3,2 процента [25]. Несмотря на «постковидный» отскок в экономике в 2021 году (+5,9%), уже в 2022 году среднемировые темпы роста снизились в 2 раза, до 2,9 процента.

В 2023 году Всемирный банк прогнозирует еще большее замедление темпов роста мировой экономики (1,7%), что станет самым низким показателем за последние 30 лет, уступая лишь глобальным рецессиям 2009 и 2020 годов [25]. При этом внешние шоки могут привести к снижению роста или падению мирового ВВП. Главный экономист Всемирного банка Индермит Гилл опасается всеобщей стагфляции в 2023 году [32], а директор-распорядитель МВФ Кристалина Георгиева считает, что 2023 год будет намного тяжелее, чем «пандемийный» [26].

В январе нынешнего года эксперты Всемирного экономического форума спрогнозировали глобальную рецессию. Две трети экономистов считают рецессию вероятной, при этом 18 процентов из них — крайне вероятной [23]. Эксперты отмечают высокую инфляцию и низкие темпы роста экономики, а также серьезное замедление экономического роста Китая. Известный экономист Н. Рубини, считает, что в ближайшие годы мир неизбежно ждет затяжная, глубокая рецессия вкупе с финансовым кризисом [30].

К вышеперечисленному добавляется энергетический кризис, который по оценке Международного энергетического агентства стал первым «по-настоящему глобальным энергокризисом» [29].

Ряд исследователей считают такое состояние мировой экономики не случайным и связывают его с процессом «деглобализации», который является результатом накопленных противоречий с 70-х годов прошлого века [6]. Это понятие трактуется как стагнация или ослабление системы международного разделения труда, интенсивности торговых и финансовых потоков, направленных на формирование глобальной экономики как

целостной системы [6, с. 7]. Сторонники концепции утверждают, что процесс деглобализации связан с падением со времен кризиса 2008–2009 годов среднегодовых темпов роста объемов международной торговли в процентах к ВВП; снижением соотношения прямых иностранных инвестиций к мировому ВВП после всплесков в 2000 и 2007 годах; сокращением соотношения суммарных глобальных потоков товаров, услуг и капитала к мировому ВВП после 2007 года; увеличением доли чистого национального производства в мировом ВВП на 2 процента к 2017 году относительно уровня 2007 года; стагнацией объемов международного кредита после 2007 года; ростом количества принятых государствами протекционистских мер, регулирующих внешнюю торговлю, иностранные инвестиции и миграцию; кризисом региональной интеграции на примере НАФТА, ЕС и ЕАЭС [6].

В январе 2023 года тема деглобализации стала одной из центральных на Всемирном экономическом форуме в Давосе [16]. В докладе МВФ, приуроченном к мероприятию, говорится, что мир находится на пороге геоэкономической фрагментации. Отсчет деглобализации авторы ведут с момента мирового финансового кризиса 2008–2009 годов и относят к этому процессу «Брексит», торговые войны США и Китая, а также ограничения, введенные в период пандемии и после начала специальной военной операции России на Украине. В докладе указывается, что пока в мировой торговле не так много признаков фрагментации, однако количество мер протекционизма продолжает расти [13].

Оппоненты концепции деглобализации указывают на то, что ее тенденция не столь выражена, однако признают противоречия в мировой экономике и то, что начался новый передел мира. Китай создает собственную периферию в Азии и Африке и бросает вызов гегемонии США.

На наш взгляд, в мировой экономике присутствует тренд деглобализации, но главное, что процессы экономической турбулентности и накопления противоречий носят глубокий и системный характер, который не может не привести к таким же глубоким и масштабным трансформациям мировой экономической системы и миропорядка. Настолько масштабный экономический кризис отразится на социальной, политической и культурной сферах и может актуализировать диспропорции, дисбалансы и противоречия современного общества.

* * *

В докладе Edelman Trust Barometer 2023 говорится об экономическом скепсисе жителей планеты и нарастающей поляризации мира. В большинстве стран существенно упал уровень экономического оптимизма. В среднем по миру люди не ожидают, что в ближайшие пять лет их семьи будут жить лучше. Авторы исследования отмечают ощущение экономической тревоги; падение доверия к правительствам, — люди называют их неэтичными и некомпетентными; масштабный классовый разрыв, среди причин которого

недостаток идентичности, системная несправедливость и общественные страхи. Поляризация общества и разрыв классов проявляется и в степени доверия к институтам между 25 процентами представителей верхних и нижних слоев общества по доходам. Уровень доверия бедных к институтам ниже на 15 процентов. В результате «жители одной и той же страны живут в очень разных реальностях». Авторы доклада фиксируют кризис институционального доверия и переход к острой поляризации в обществе [24].

Об идущих серьезных трансформациях свидетельствует также появление «черных лебедей» в политическом пространстве «развитых» стран — ядра глобального капиталистического общества модерна.

Одним из них является победа Д. Трампа на президентских выборах в США в 2017 году и «правый бунт» в Европе, участники которого резко противопоставляют себя неолиберальному политико-идеологическому проекту и политическому истеблишменту, требуя изменения статус-кво существующей глобальной политики и более широкого доступа к ресурсам. Несмотря на то, что правый популизм предлагает ситуативные решения, его повестка серьезно подрывает неолиберальный дискурс, а его относительный успех свидетельствует о нарастании противоречий между элитой и обществом западных стран. По мнению экспертов, «именно эта попытка трансформации, противодействие ей со стороны нынешнего истеблишмента и борьба за ее продолжение и будут, скорее всего, составлять основную интригу политики не только в ближайшее время, но и в будущем» [5, с. 4].

Вторым «непредвиденным» явлением в западной политике стали относительно успешные демократические праймериз для Б. Сандерса, который в 2016 и в 2020 годах был близок к тому, чтобы стать кандидатом в президенты от демократической партии США, и который открыто называет себя социалистом [28], что для политической системы Соединенных Штатов является радикальным «выходом за рамки».

Кроме того, в 2020–2021 годах по США прокатилась волна масштабных расовых протестов с применением насилия, мародерством и захватом зданий, а в 2021 году уже противоположным «лагерем» американского общества был временно захвачен Капитолий. Сами представители американского истеблишмента охарактеризовали штурм парламента как государственную измену, попытку государственного переворота и бунт.

В Великобритании за последние четыре года сменилось три премьер-министра. Предпоследняя из них, Лиз Трасс, продержалась на своем посту чуть более месяца, — это самый короткий срок в истории страны. Соединенное королевство сталкивается с серьезными экономическими вызовами, решение которых пока не найдено.

Экономика Китая сильно замедляет свой рост. По прогнозам в 2023 году ее рост составит всего 4,7 процента. В самом Китае произошли крупнейшие с 1989 года протесты. Кроме того, в стране растет безработица и неравенство [25].

В целом в мире нарастает турбулентность: протесты в Белоруссии, обострение отношений США и Ирана, Брексит, захват власти в Афганистане движением «Талибан», протесты в Гонконге, обострение «тайваньского вопроса», «торговая война» США и Китая, специальная операция на Украине и другое.

Такие турбулентные процессы создают серьезные вызовы для глобальных институтов современного нелиберального общества модерна и свидетельствуют о том, что старые рецепты постепенно перестают работать, что может привести к глубинным трансформациям современного общества.

* * *

Возможные серьезные социальные изменения могут носить травматический характер, что дает основания рассматривать современное общество как потенциальное «общество травмы», тем более что почти треть населения планеты уже живет в социумах подобного типа. По данным Всемирного банка «для 53 государств мира характерны стагнация или рецессия экономики, неустойчивость государственных институтов, непрерывное возникновение и/или продолжение вооруженных конфликтов, акты этноконфессионального насилия и, как результат, крайняя бедность и вопиющее социальное неравенство». Согласно прогнозу Организации экономического сотрудничества и развития, к 2030 году более 60 процентов малоимущих «будут проживать именно в этих проблемных странах». Кроме того, травматическое воздействие испытывают на себе и «развитые» страны, — поток миграции в Европу людей, которые почти не ассимилируются, сепаратистские настроения ряда регионов Европы (Шотландия, Каталония и др.), рост уровня национализма, возрождение расовых, этнонациональных, конфессиональных конфликтов и ксенофобии, а также деятельность ряда радикальных политических движений в США [18].

Рассматривать социальные изменения как травму было предложено польским социологом П. Штомпкой, который называл ее «культурной травмой» и определял как стресс резких социальных изменений, достигший уровня культуры и вызвавший раскол, дезорганизацию, дезориентацию общества, кризис идентичности [20]. «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире. <...> Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идола рушатся» [20, с. 11].

Ж.Т. Тощенко определяет «общества травмы» как «результат длительной неопределенной, турбулентной трансформации, характеризующейся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных отношений» [18, с. 39]. Основными характеристиками таких обществ являются отсутствие целей стратегического развития, хаотичность действий,

деструктивные социальные процессы, латентные или открытые социальные конфликты и противоречия, в том числе в информационном пространстве [18, с. 39–40].

* * *

Исходя из вышеописанных трендов развития современного общества в глобальном масштабе, можно сделать ряд выводов относительно тенденций взаимосвязи государственной информационной политики и ее общих условий реализации.

«Успех» модерна и «макдональдизация» современного общества имеют обратный эффект — «иррациональность рационального» (неэффективность, непредсказуемость, непросчитываемость, утрата контроля и дегуманизация труда) [17, с. 355–394]. Это создает специфические условия функционирования ГИП, требуя работы не только с ценностями, убеждениями и установками, но и с восстановлением рациональности.

Другая группа тенденций связана с информатизацией современного общества.

Во-первых, информатизация общества тесно связана с увеличением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), на которых завязано большинство объектов (в том числе критических) инфраструктуры. Инновационное развитие ИКТ становится одним из ключевых определяющих факторов устойчивого развития и конкурентоспособности государства.

Во-вторых, возможность мгновенного и экстерриториального движения информации в глобальном масштабе ведет к усилению глобализационных процессов и, следовательно, ее отрицательных эффектов, описанных выше. Также данный фактор приводит к беспрецедентному ускорению социальных процессов, вследствие чего возрастают и трудно просчитываются риски. Это создает потребность в быстром реагировании на угрозы, которая может быть обеспечена тесным взаимодействием органов государственной власти.

В-третьих, погружение социальных процессов в виртуальную реальность и углубление атомизации общества («информационные капсулы», информационная перегрузка) приводят к увеличению манипулятивных возможностей политических акторов (в том числе иностранных государств, корпораций, экстремистских и террористических организаций). Данное обстоятельство создает «крен» в сторону третьего «лица власти» — манипулирования и политического управления общественным сознанием и общественным мнением [27].

В-четвертых, сетевые структуры начинают вытеснять традиционные иерархии и социальные группы, которые заменяют сетевые сообщества. Одной из традиционных иерархий является национальное государство, испытывающее на себе давление сетевых сообществ, а усложнение структуры социума в виде замены классических социальных групп разнородными сетевыми сообществами усложняет и процесс управления обществом [2],

что создает государственную потребность в более гибких формах подхода к общественным процессам взамен классических — силовых и директивных.

В-пятых, горизонтальные сетевые коммуникации начинают преобладать над вертикальными, что предоставляет возможность для различных субъектов политики (террористические организации, иностранные государства, транснациональные корпорации и др.) оказывать информационное влияние на целевые аудитории с целью вмешательства во внутренние дела и нанесения ущерба личности, обществу и государству.

В-шестых, в силу информатизации общества влияние традиционных агентов социализации постепенно снижается и повышается роль новых — электронных СМИ и социальных медиа. В результате возникает феномен киберсоциализации, которой является «социализация личности в киберпространстве — как процесс качественных изменений структуры самосознания личности, происходящий под влиянием и в результате использования им современных информационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности» [15, с. 15]. Вследствие чего серьезное влияние на процесс социализации оказывают агенты-владельцы виртуальных средств коммуникации.

Турбулентные экономические и военно-политические процессы в мире, «деглобализация» свидетельствуют о начинающихся глубоких системных изменениях, потенциальном кризисе капиталистического общества модерна, а также возможности вхождения в состояние «interregnum» и «общества травмы», что будет означать глобальный кризис фундаментальных институтов современного общества и генерирование множества рисков и угроз (иррациональность, кризис идентичности, разрушение социальных структур и иерархий, рост влияния радикальных политических организаций, экстремистских и террористических организаций, религиозных сект, чрезмерная фрагментация и атомизация общества, рост насилия и преступности, обострение этноконфессиональных трений, центробежные тенденции и другое).

С одной стороны, это представляет угрозу и сильнее всего ударит по развивающимся странам и странам полупериферии. С другой, — данные процессы будут означать кризис неolibеральной идеологии, глобальных институтов, подрыв гегемонии глобальных СМИ и ИТ-корпораций, а также серьезные проблемы в самих странах ядра. Такое состояние открывает «окно возможностей» для субъектов политики, стремящихся к изменению «правил игры» и текущего статус-кво. Достижение таких целей будет во многом зависеть от продуманной и эффективной государственной информационной политики.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 28.01.2023).

2. Володенков С.В., Ромашкина А.Б. Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. 2020. № 1.
3. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Проспект, 2018.
4. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. Т. 53, № 1.
5. Глобальный правый бунт: трампизм и его база / К.О. Телин, О.Н. Барабанов, Д.В. Ефременко и др. // Доклады Валдайского дискуссионного клуба. 2017.
6. Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку [Электронный ресурс] // «Научная лаборатория современной политэкономии». URL: https://www.researchgate.net/publication/350878182_DEGLOBALIZACIA_KRIZIS_NEOLIBERALIZMA_I_DVIZENIE_K_NOVOMU_MIROPORADKU (дата обращения: 29.01.2023).
7. Делёз Ж. Post scriptum к обществам контроля. 04.08.2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://aitrus.info/node/754> (дата обращения: 29.01.2023).
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. Минск: Красико-Принт, 1996.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
11. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Гиперборей, 2007. 464 с.
12. МВФ: рецессия мировой экономики в 2020-м будет хуже кризиса 2008 года [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4300023> (дата обращения: 20.01.2023).
13. Мировая экономика движется к фрагментации. МВФ предупреждает о рисках деглобализации [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5772969> (дата обращения: 29.01.2023).
14. Обвал на фондовых рынках в мире 16 марта. Что важно знать [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/03/2020/5e6f754b9a7947849ff11734> (дата обращения: 20.01.2023).
15. Плешаков В.А. Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. Т. 16. № 2.
16. Разъединиться, чтобы объединиться. Участники Давоса обсуждают деглобализацию [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5773626?tg> (дата обращения: 29.01.2023).
17. Ритцер Дж. Макдональдизация общества / Пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. статья Т.А. Дмитриева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 2011. 592 с.
18. Тощенко Ж.Т. Общества травмы и их характеристика // Гуманитарий юга России. 2020. Т. 9. № 1.

19. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.
20. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.
21. Bank of America спрогнозировал падение мирового ВВП на 2,7% в 2020 году [Электронный ресурс] // «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/business/702197> (дата обращения: 20.01.2023).
22. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992. 232 p.
23. Chief Economists Say Global Recession Likely In 2023, But Pressures On Food, Energy and Inflation May Be Peaking [Электронный ресурс] // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/press/2023/01/chief-economists-say-global-recession-likely-in-2023-but-cost-of-living-crisis-close-to-peaking> (дата обращения: 29.01.2023).
24. Edelman Trust Barometer. Navigating a Polarized World [Электронный ресурс] // Edelman. URL: <https://www.edelman.com/trust/2023/trust-barometer> (дата обращения: 29.01.2023).
25. Global Economic Prospects (January 2023). A Second Year of Sharply Slowing Growth [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects> (дата обращения: 29.01.2023).
26. IMF warns of higher recession risk and darker global outlook [Электронный ресурс] // AP News. URL: <https://apnews.com/article/business-economic-growth-international-monetary-fund-government-and-politics-1c893f6ed1de8360d6467c2fbd9c7fe> (дата обращения: 29.01.2023).
27. Lukes S. Power: A Radical View. Basingstoke and London: Macmillan, 2005. 192 p.
28. The Bernie Sanders legacy [Электронный ресурс] // WSJ Opinion. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-bernie-sanders-legacy-11586388870> (дата обращения: 05.03.2023).
29. The global energy crisis. World Energy Outlook 2022 [Электронный ресурс] // The International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022/the-global-energy-crisis> (дата обращения: 29.01.2023).
30. The Unavoidable Crash [Электронный ресурс] // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/stagflationary-economic-financial-and-debt-crisis-by-nouriel-roubini-2022-12> (дата обращения: 29.01.2023).
31. U.S. Consumer Sentiment plummeted in April by most on record [Электронный ресурс] // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-09/u-s-consumer-sentiment-plummeted-in-april-by-most-on-record> (дата обращения: 27.01.2023).
32. World Bank's Gill worried about 'generalized stagflation' in global economy [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/markets/asia/world-bank-chief-economist-worried-about-generalized-stagflation-global-economy-2022-09-15/> (дата обращения: 29.01.2023).

«ОКОЛЬНЫЕ ПУТИ» ПЕРЕСМОТРА КОНСТИТУЦИИ?

Аннотация. В статье исследуются способы внесения изменений в Конституцию Российской Федерации, особенности ее толкования и возможные способы разрешения конституционных конфликтов, позволяющие обойти закрепленную в главе 9 Конституции Российской Федерации процедуру ее пересмотра, а также способы противодействия им. Определяется сущность, роль и место формальных и материальных пределов пересмотра конституции и органа конституционного контроля в механизме обеспечения стабильности и динамического развития конституции. Рассматриваются категории «*contra constitutionem*» и «суверенитет народа» в контексте противопоставления позитивного права и текущих политико-социальных интересов при осуществлении пересмотра конституции. Делается вывод о необходимости установления эффективной, текстуально и юридически полной и надежной процедуры пересмотра конституции в целях обеспечения стабильности конституции и ее динамического развития.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, пересмотр Конституции, стабильность конституции, общероссийское голосование, всенародное голосование, динамическое развитие, пределы пересмотра конституции, конституционные поправки, Конституционное Собрание, Конституционный Суд, обязательное толкование, «*contra constitutionem*», суверенитет народа.

«ROUNDAABOUT WAYS» OF CONSTITUTIONAL REVISION?

Abstract. The article examines the means of making changes to the Constitution of the Russian Federation, special properties of its interpretation and potential ways of constitutional conflict resolution that allow to bypass the procedure of constitutional revision as described in chapter 9, as well as means of counteracting them. The author clarifies the essence, role, and place of formal and substantive limits of constitutional revision and constitutional revision body in the mechanism of ensuring stability and dynamic development of the constitution. The terms «*contra constitutionem*» and «popular sovereignty» are reviewed in the context of contradiction between positive law and immediate socio-political interests in the process of constitutional revision. A conclusion is made about the necessity of implementing an effective, legally solid, textually refined, and reliable procedure of constitutional revision to ensure both stability and dynamic development of the constitution.

Keywords: The constitution of the Russian Federation, revision of the Constitution, constitutional stability, national popular vote, all-russian vote, dynamic development, limits

of constitutional revision, constitutional amendments, the Constitutional Assembly, the Constitutional Court, legally binding statutory interpretation, contra constitutionem, popular sovereignty.

Конституция представляет собой особого рода нормативный правовой акт, определяющий основы государственного и общественного строя, территориального устройства, системы органов публичной власти, права и обязанности человека и гражданина. Всеобъемлющий учредительный характер конституции, ее высшая юридическая сила как источника права предопределяют необходимость особой правовой охраны и защиты ее положений, как основополагающих для функционирования государства и общества в целом.

В то же время конституция, как и любой другой нормативный правовой акт, может нуждаться в доработках, дополнениях, изменениях, вплоть до пересмотра и принятия новой конституции. Но место конституции в системе источников права и ее системообразующий характер требуют особого порядка пересмотра и внесения в нее изменений. Именно по этой причине глава 9 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция) ограничивает круг лиц, уполномоченных вносить предложения о поправках или пересмотре ее положений, определяет особый порядок их принятия.

Не считая вносимых в порядке статьи 137 Конституции изменений, изменения в Конституцию России вносились 5 раз посредством принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации.

Последний — Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ — беспрецедентно отличается от предшествующих по процедуре принятия (всенародное голосование), объему (206 изменений) и содержанию («не связанные между собой» поправки). Его особый, специальный характер свидетельствует о несовершенстве и недостаточности существующих механизмов изменения положений Конституции, об отсутствии достаточной нормативной правовой базы, регламентирующей внесение масштабных изменений в текст Конституции, ее пересмотр, а также указывает на несовершенство теоретического фундамента, на котором вышеизложенные правовые положения должны основываться.

Как уже было отмечено, действующая Конституция предусматривает несколько процедур внесения изменений в собственный текст.

Процедура внесения поправок — принятие законов о поправке к Конституции Российской Федерации — представляет собой модификацию процедуры принятия федеральных конституционных законов с более узким кругом субъектов законодательной инициативы и последующим одобрением органами законодательной власти не менее двух третей субъектов Российской Федерации.

Изменения в статью 65 в соответствии с положениями статьи 137 Конституции вносятся либо федеральным конституционным законом (в случае изменения конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации), либо указом Президента Российской Федерации (в случае изменения наименования субъекта Российской Федерации).

Положения главы 9 Конституции в совокупности позволяют определить пересмотр как инициируемую субъектами пересмотра Конституции Российской Федерации (они же — субъекты внесения предложений о поправках) процедуру пересмотра положений глав 1 и (или) 2 и (или) 9 Конституции, осуществляемую посредством созыва Конституционного Собрания, разработки им и принятия им же или всенародным голосованием новой Конституции.

Таким образом, формальным критерием выбора способа внесения изменений в текст конституции является тот структурный элемент, в который эти изменения вносятся.

Применительно к процедуре пересмотра содержательный смысл данного критерия заключается в том, что положения, составляющие основы конституционного строя, основы правового статуса личности, имеют более общий характер, представляют собой «конституцию в конституции» и, соответственно, имеют приоритет над всеми иными ее положениями, которые, в свою очередь, не должны им противоречить, что и обеспечивается определенным порядком внесения изменений.

Таким образом, по нашему мнению, пересмотр Конституции в содержательном смысле следует понимать как существенное изменение конституционного строя, правового статуса личности, порядка пересмотра Конституции.

Как указывает А.А. Троицкая, «Конституция представляет собой не просто набор отдельных положений, а упорядоченную систему норм, определенным образом взаимосвязанных и в некотором смысле взаимозависимых. Не любую из них можно изменить по свободному усмотрению без угрозы уничтожения всей системы, подобно тому, как нельзя вынимать из здания несущие конструкции, не рискуя обрушить все сооружение» [1].

По нашему мнению, данное утверждение отражает лишь одну сторону (вариант) взаимосвязи и взаимозависимости «несущих конструкций» конституции и прочих элементов. Взаимосвязь и взаимозависимость предполагают, как следует из буквального толкования самих терминов, взаимность связи и зависимости. Так, положения глав 1 и 2 (собственно основы конституционного строя и правового статуса личности) раскрываются и конкретизируются в положениях глав 3–8 Конституции, иных нормативных правовых актах, то есть, выражаясь словами Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, «конституция живет в законах» [2], а также правоприменительной практике, — обретая при этом если не новый смысл, то новые оттенки указанных основ.

Само по себе существование правовых норм, дополняющих и развивающих положения «неизменяемых» глав Конституции, это естественное и неизбежное проявление системности права, равно как и их обратная связь с дополняемыми и развиваемыми положениями, непосредственно вытекающая из формулы «*Lex specialis derogat lex generalis*» (лат. — «специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон»).

Проблема, однако, заключается в том, что конституционно закрепленный критерий необходимости применения процедуры пересмотра является исключительно формальным. При таком подходе порядок пересмотра относится непосредственно к положениям 1, 2 и 9 глав как к структурным элементам документа безотносительно их фактического содержания, то есть, по смыслу статей 16 и 64 Конституции, «не могут быть изменены иначе как в порядке пересмотра»¹ именно положения соответствующих глав как единицы текста, его синтаксические элементы или элементы нормативно-правового акта, а не основы конституционного строя и правового статуса личности как конституционно-правовые институты.

Данный тезис находит непосредственное подтверждение в недавней практике внесения изменений в Конституцию России. Так, Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» были включены статьи 67¹, 75¹ и 79¹ Конституции Российской Федерации.

Как указывает С.С. Горохова, они «скорее должны относиться к вводной, идейно-политической части Конституции — преамбуле, или же первой главе «Основы конституционного строя» [3]. Аналогичным образом Е.Н. Зиньков и И.И. Тулиев отмечают следующее: «Очевидно, что с точки зрения юридической техники и по своему характеру некоторые поправки, в частности к главе 3 более уместно выглядели бы в главе 1 или 2 Конституции Российской Федерации. Однако это является вынужденной мерой, так как для изменения глав 1, 2 и 9 необходимо принятие новой конституции» [4].

С данными утверждениями нельзя не согласиться хотя бы в той части, что вышеупомянутые структурные элементы не в полной мере соответствуют содержанию главы 3 Конституции Российской Федерации. В частности, не умаляя значимости положений частей 3 и 4 статьи 67¹ Конституции, считаем необходимым подчеркнуть, что данные положения носят установочный, общезакрепительный характер, более свойственный главам 1 и 2 Конституции России.

Более того, ни защита исторической правды, ни дети, как важнейший приоритет государственной политики, не имеют прямого отношения

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.

к вопросам федеративного устройства. Что касается вопроса о том, куда именно в Конституции их следовало бы поместить, мы не можем согласиться с С.С. Гороховой об уместности помещения вышеприведенных положений в преамбулу, поскольку они обладают нормативностью, ей не присущей. Соответственно, считаем возможным согласиться с Е.Н. Зиньковым и И.И. Тулиевым в данном вопросе, однако, по нашему мнению, часть 3 статьи 67¹ в большей степени соответствует содержанию статьи 13, поскольку затрагивает вопросы идеологического и политического многообразия. В свою очередь, часть 4 статьи 67¹ могла бы быть включена в статью 38, так как тематически относится к вопросам защиты материнства и детства.

Соответственно, необходимо уточнить, что упомянутые ранее «несущие конструкции» конституции представляют собой не только и не столько структурные элементы конституции как нормативного правового акта, имеющие особую процедуру изменения, сколько особого рода правовые нормы, обладающие особым конституционным закреплением, но к нему не сводимые; и поэтому они подвержены изменениям, выходящим за рамки процедуры внесения изменений в текст собственного закрепления.

Таким образом, понятия пересмотра, как законодательно регламентированной процедуры, и пересмотра, как политико-правового явления, не всегда совпадают, следовательно, принципиально возможен «обход» формальных ограничений, заложенных в процедуру пересмотра Конституции, что в некоторой степени нивелирует ценность двухступенчатой (поправки и пересмотр) процедуры внесения изменения (изменений) в Конституцию, позволяя тем самым без формального изменения текста указанных глав придавать им несколько другой оттенок (аспект). Это дает возможность, сохраняя в неприкосновенности основы, развивать содержание их положений в соответствии с новыми социально-политическими реалиями (обстоятельствами).

Очевидным решением данной проблемы является определение содержательных пределов пересмотра конституции в дополнение к существующим формальным процедурам и ограничениям.

Теоретическим обоснованием идеи содержательных пределов пересмотра конституции служит концепция «надконституционных» норм — неизменяемых фундаментальных норм, составляющих основное содержание, сущность конституции, ее конституционную идентичность, обладающих высшей юридической силой по сравнению с остальными конституционными нормами [5, с. 86–103; 6, с. 17–22].

По мнению Д. Шустрова, сами надконституционные нормы непосредственно представляют собой материальные пределы пересмотра конституции [7, с. 102]. Однако с данной точкой зрения можно согласиться лишь частично как с некоторым недостаточно точно сформулированным теоретическим положением.

* * *

Материальные пределы пересмотра конституции являются институтом конституционного процесса (в широком смысле), а отношение субординации между нормами материального права само по себе не может предрешать вывод о порядке их принятия. Соответственно, материальные пределы пересмотра конституции нуждаются в самостоятельном позитивном закреплении.

В этом вопросе нам ближе точка зрения, сформулированная А.М. Осавелюком и Е.А. Осавелюк, по мнению которых подобные нормы носят не столько юридический характер, сколько характер нравственных основ [8, с. 54–58].

Такое закрепление встречается в конституциях некоторых стран Западной Европы. В частности, статья 288 Конституции Португалии, именуемая «материальные пределы пересмотра», закрепляет следующие институты, принципы и ценности, которые «законы о пересмотре Конституции должны уважать»: «национальная независимость и единство государства»; «республиканская форма правления»; «отделение церкви от государства»; «права, свободы и гарантии граждан»². Статья 139 Конституции Италии указывает следующее: «Республиканская форма правления не может быть предметом конституционного пересмотра»³.

Как нетрудно заметить из вышеприведенных примеров, содержательные пределы пересмотра конституции, в отличие от формальных требований, критериев и ограничений, в существенной степени носят абстрактный, спекулятивный, субъективный характер, а это значит, могут легко быть искажены законодателем.

Таким образом, даже вместе формальные ограничения и требования к процедуре пересмотра и материальные пределы пересмотра сами по себе, без опоры на нравственные основы, не обеспечивают должной охраны наиболее важных и значимых конституционных положений. Более того, самоочевидным является факт, что нормативно-правовые предписания не могут реализовать свою функцию самостоятельно, а обретают жизнь лишь в процессе правоприменения или реализации права. Соответственно, возникает потребность в компетентном и беспристрастном субъекте, наделенном полномочиями по осуществлению конституционного контроля.

Традиционно возникновение конституционного контроля связывается с Верховным судом Соединенных Штатов Америки, а именно — с одним из наиболее известных его решением по делу Мэрбэри против Мэдисона (*Marbury v. Madison*), в котором Верховный суд США впервые в мировой истории аргументировал отказ в иске указанием на противоречие между

² Португалия [Текст]: Конституция и законодательные акты: [Сборник: пер. с португ. / Сост. С. Ястржембский]; Под общ. ред. И.П. Ильинского; [Предисл. И. Ильинского, С. Ястржембского, с. 5–24]. Москва: Прогресс, 1979. 216 с.

³ Италия: Конституция и законодат. акты [пер. с итал.] / под ред. В.А. Туманова; Вступ. ст. Т.А. Васильевой, Н.Ю. Попова [с. 13–28]. Москва: Прогресс, 1988. 392 с.

законом и конституцией и признал подлежащую применению в данном деле статью закона «неконституционной и значит, не имеющей законной силы». В то же время ряд исследователей считает, что первые теории конституционного контроля возникли еще в середине XVIII века во Франции и Великобритании [9, с. 495].

Конституционный контроль на сегодняшний день рассматривается как один из важнейших демократических институтов и элементов системы сдержек и противовесов. Для стран романо-германской правовой семьи, в отличие и в том числе от Российской Федерации, в большей степени характерно не наделяние полномочиями по осуществлению конституционного контроля всей судебной ветви власти в целом, а создание специализированных органов конституционного контроля — конституционных судов, трибуналов, советов.

Осуществление конституционного контроля невозможно без толкования конституции и бессмысленно без обязательности такого толкования. А официальное толкование — суть то же нормотворчество. Доктрина «живой конституции», обосновывающая необходимость толкования конституции с учетом существующей социально-политической ситуации, то есть эволюции ее содержания помимо внесения текстуальных изменений в сам документ, возникла в США, но на данный момент имеет широкое распространение также и в государствах континентальной Европы [10]. Аналогичная по своей сути доктрина «живого документа» была выработана и Европейским судом по правам человека в отношении Европейской конвенции по правам человека⁴. Идея живой конституции не раз высказывалась В.Д. Зорькиным применительно к роли Конституционного Суда Российской Федерации [11, с. 346–347].

Согласно статье 106 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», «Толкование Конституции Российской Федерации, данное Конституционным Судом Российской Федерации, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений».

Следовательно, Конституционный Суд выступает как «субъект толкования воли конституционного законодателя». Однако очевидно, что толкование Конституции присуще всей деятельности Конституционного Суда, а не отдельному виду конституционного производства. Так, в Определении от 19.11.2009 № 1344-О-Р Конституционный Суд констатирует обусловленную правоприменительной практикой и международными обязательствами

⁴ Постановление ЕСПЧ от 25.04.1978 «Дело “Тайрер (Tyger) против Соединенного Королевства”» (жалоба № 5856/72) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5(29).

Российской Федерации невозможность применения смертной казни⁵, тем самым наполняя статью 20 Конституции, закрепляющую право на жизнь новым содержанием без непосредственного внесения изменений в ее текст.

Сопутствующее толкованию Конституции Конституционным Судом позитивное нормотворчество не ограничивается рассмотрением дел о толковании Конституции, а свойственно производству в Конституционном Суде вообще и, вероятно, является неотъемлемым элементом конституционного правосудия как такового.

Если орган конституционного надзора фактически способен в рамках осуществления конституционного правосудия модифицировать содержание и смысл «неизменяемых» «надконституционных» норм, причем непосредственно напрямую, без внесения текстуальных изменений и минуя законодательные процедуры и даже процедуры, недоступные законодательной власти, такие, как собственно пересмотр Конституции России, то, как писал древнеримский поэт-сатирик, писатель и оратор Децим Юний Ювенал, «*Quis custodiet ipsos custodes?*» (лат. — «Кто устережет самих сторожей?») [12].

Впрочем, помимо вышеописанных способов «обхода» процедуры пересмотра конституции посредством внесения нетекстуальных, но содержательных изменений в «неизменяемые» положения конституции существует также возможность легитимации не предусмотренных действующим позитивным законодательством способов внесения изменений в конституцию, вплоть до ее отмены и принятия новой.

А.Р. Гамбарян указывает на возможность «правомерного» (в смысле соответствия принципам, ценностям, стоящим выше собственно самой конституции) поведения законодательного органа «*contra constitutionem*» (лат. — против конституции). Несмотря на то, что применительно к рассматриваемому реальному примеру конституционного конфликта между законодательным органом и органом конституционного контроля автор приходит к выводу о неправомерности поведения первого [13, с. 129–153], нетрудно предположить, что конституционный конфликт и тем более конституционный кризис сами по себе предполагают исчерпание правовых существующих механизмов. Как было, например, в случае конституционного кризиса в России (1992–1993).

Как отмечает Т.Я. Хабриева, «даже если замена конституции прямо не предусмотрена в ее тексте, носитель государственного суверенитета вправе принять новый учредительный акт» [14, с. 67].

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 1.

С данным утверждением мы отчасти согласны, однако считаем нужным уточнить в той части, что вопрос о наличии и выполнимости процедуры внесения изменений в конституцию (вплоть до ее отмены и принятия новой конституции) сам по себе вторичен по отношению к вопросу о заинтересованности «носителя государственного суверенитета» в таком изменении.

Другими словами, политические аспекты пересмотра зачастую преобладают над аспектами правовыми, и его легитимность в условиях политической нестабильности или за неимением лучшего сама по себе может означать правомерность. Если Конституция Российской Федерации «принята всенародным голосованием», то можно предположить, что в случае отсутствия какой-либо иной возможности субъектом внесения или, что более вероятно, одобрения изменений может выступать «многонациональный народ Российской Федерации».

Такая ситуация едва ли может являться оптимальной. Отсутствие процедуры пересмотра на практике означает, что законодатель в любой момент времени может определить данную процедуру по своему усмотрению, что по своей сути подрывает стабильность конституции, основным механизмом обеспечения которой и является усложненный порядок внесения в нее изменений.

Кроме того, отдельную опасность не только для стабильности конституции, но и для всей правовой системы в целом представляет и злоупотребление апелляцией к суверенитету народа, поскольку неизбежно ведет к противопоставлению государства и народа, размывая сами границы между правомерным и неправомерным. Поэтому данный способ редко используется в повседневной жизни.

Вышеописанные «условно-правомерные» способы пересмотра конституции носят ситуативный характер и представляют собой механизмы частичного выхода из кризисных ситуаций. Их использование является вынужденной мерой и в обычных условиях само по себе нецелесообразно или сопряжено с несоизмеримыми рисками. Вместе с тем наличие подобных частичных механизмов позволяет содержательно наполнить процедуру формального пересмотра и при необходимости, как было сказано выше, более полно и точно закрепить ее в тексте конституции.

Обобщая изложенное, еще раз отметим, что наличие особой процедуры внесения изменений в конституцию, строго определенных и законодательно закрепленных материальных пределов ее пересмотра и специализированного органа конституционного контроля по отдельности и в совокупности представляют собой важные элементы механизма охраны конституции, ее стабильности и последовательного динамичного развития. Однако эффективность функционирования данного механизма не может быть сведена сугубо к правовым факторам. В значительной степени она зависит от эффективности деятельности соответствующих органов, должностных лиц,

их компетентности, добросовестности, уровня правовой культуры как их, так и всего общества в целом.

Существование способов «обхода» процедуры пересмотра конституции является закономерным и неизбежным следствием присутствия особого порядка внесения изменений в конституцию и ее охраны. Их устранение невозможно без полного лишения конституции потенциала развития или даже невозможно в принципе, поскольку отсутствие правовых механизмов лишь подталкивает к обращению к «неправовым» механизмам, что применительно к вопросам изменения конституции не может рассматриваться в позитивном ключе.

И наоборот, наличие способов обхода процедуры пересмотра конституции свидетельствует о несовершенстве существующих механизмов, о необходимости их дальнейшего развития, при этом оставляет определенный простор для выхода за их рамки.

В целях обеспечения стабильности конституции и ее динамического развития необходимо, чтобы все существенные изменения конституционного строя, правового статуса личности и порядка изменения конституции происходили в соответствии с эффективной, юридически полной и поэтому надежной процедурой, обеспечивающей защиту наиболее важных конституционных положений от чрезмерной волатильности, но в то же время позволяющей последовательно и закономерно развивать и модифицировать их по мере необходимости.

Список литературы

1. Троицкая А.А. Пределы пересмотра конституции: формальный и содержательный аспекты // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predely-peresmotra-konstitutsii-formalnuu-i-soderzhatelnyu-aspekty> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3.
3. Горохова С.С. О поправках к третьей главе конституции Российской Федерации: что нового? // Право и политика. 2020. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-popravkah-k-tretiey-glave-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii-chno-novogo> (дата обращения: 30.08.2022).
4. Зиньков Е.Н., Тулиев И.И. Эволюция порядка пересмотра Конституции Российской Федерации и внесения в нее поправок: значение и актуальные проблемы // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 3 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-poryadka-peresmotra-konstitutsii-ri-i-vneseniya-v-nee-popravok-znachenie-i-aktualnye-problemy> (дата обращения: 31.08.2022).
5. Шустров Д. Материальные пределы изменения конституций постсоветских государств // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 2(123).

6. Шустров Д.Г. Материальные пределы изменения Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7.
7. Шустров, Д.Г. Надконституционные нормы в конституционном праве // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 1(140).
8. Осавелюк А.М., Осавелюк Е.А. Об особенностях правового статуса Президента России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11.
9. Аллес М.В. Конституционный контроль как условие формирования правового государства: к истории вопроса / М.В. Аллес // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.). Том 1. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2019.
10. Червонюк В.И. Феномен фактического изменения Конституции (коннотации эволюционирующей, «Живой Конституции») // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-fakticheskogo-izmeneniya-konstitutsii-konnotatsii-evolyutsioniruyuschey-zhivoy-konstitutsii> (дата обращения: 22.01.2023).
11. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография / В.Д. Зорькин. Москва: Норма, 2019. с. 346–347. Текст: электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1020329> (дата обращения: 29.01.2023). Режим доступа: по подписке.
12. Цыбульник Ю.С. Крылатые латинские выражения. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 830 с.
13. Гамбарян А. Развитие парламентом права contra constitutionem в Республике Армения // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4 (149).
14. Конституционная реформа в современном мире: монография / Т.Я. Хабриева. М.: Наука РАН, 2016.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОВОЙ АНАЛИТИКИ

***Аннотация.** Предметом исследования в настоящей статье выступают такие закономерности юридической науки и правовой аналитики, которые позволяют выявить критерии соотношения между ними. Цель исследования состоит в том, чтобы на основе анализа закономерностей юридической науки и правовой аналитики выявить критерии соотношения между этими явлениями. В качестве методов исследования использовались: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, обобщение. В ходе исследования было установлено, что предлагаемое в литературе соотношение юридической науки и правовой аналитики неубедительно, поскольку, по нашему мнению, правовая аналитика — часть юридической науки. Также в статье анализируются возможные ошибки при осуществлении аналитической деятельности, а также факторы, позитивно или негативно влияющие на результаты правовой аналитической работы, и предлагаются пути ее совершенствования в рамках юридической науки.*

***Ключевые слова:** юридическая наука, правовая аналитика, закономерности, критерии соотношения, ошибки, факторы, пути совершенствования, юриспруденция.*

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN LEGAL SCIENCE AND LEGAL ANALYTICS

***Abstract.** The subject of research in this article are such patterns of legal science and legal analytics, which allow us to identify the criteria for the relationship between them. The purpose of the study is to identify the criteria for the relationship between these phenomena based on the analysis of the laws of legal science and legal analytics. The following methods were used as research methods: analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, generalization. During the study, it was found that the relationship between legal science and legal analytics proposed in the literature is unconvincing, since, in our opinion, legal analytics is part of legal science. The article also analyzes possible errors in the implementation of analytical activities, as well as factors that positively or negatively affect the results of legal analytical work and suggests ways to improve legal analytical work within the framework of legal science.*

***Keywords:** legal science, legal analytics, regularities, correlation criteria, mistakes, factors, ways of improvement, jurisprudence.*

Проблема соотношения юридической науки и правовой аналитики — это одна из насущных проблем, стоящих перед современной юридической наукой. Ее актуальность обусловлена тем, что в настоящее время существует работа, посвященная соотношению науки и аналитики, в которой предлагаются критерии разграничения и четкого разделения понятий «наука» и «аналитика» [1, с. 122]. Однако при внимательном рассмотрении указанных критериев возникают определенные сомнения в их соответствии действительности, поскольку некоторые из этих положений, предлагаемых для разграничения юридической науки и правовой аналитики, выглядят неубедительно.

Так в качестве первого критерия соотношения юридической науки и правовой аналитики предлагается рассматривать «предмет и цель». По мнению автора работы В.Б. Исакова, «фундаментальная наука направлена на познание объективных закономерностей природы и общества». «Прикладная же наука направлена на получение знания для решения конкретных задач» [1, с. 122]. Аналитика же направлена на «решение практических задач в сфере внутренней и внешней политики, обороны, государственного управления, бизнеса, образования, культуры». Но решение практических задач, в том числе «задач в сфере внутренней и внешней политики, обороны, государственного управления, бизнеса, образования, культуры» [1, с. 122], не исключает использование методов научного познания и получения новых знаний о закономерностях становления, развития и функционирования указанных явлений социальной действительности, их компонентов и элементов. Об этом говорит и ряд научных публикаций [2–12]. Более того, осуществление аналитической работы в данной сфере предполагает как использование уже известных, так и открытие новых закономерностей обозначенных явлений, что делает достаточно неубедительным вывод о предметном и целевом разграничении науки и аналитики.

Вторым критерием разграничения науки и аналитики по мнению В.Б. Исакова является то, «что наука организована в основном по дисциплинарному принципу, а аналитика носит ярко выраженный междисциплинарный характер» [1, с. 122]. На наш взгляд, данный довод несколько проблематичен по следующим причинам: во-первых, наличие междисциплинарных исследований, в том числе в праве, о необходимости которых говорилось в специальной литературе [13–17] и результаты которых несомненно относятся к науке; во-вторых, частью аналитики является такое направление, как юридический анализ, о котором также подробно говорится в специальной литературе [18–23], являющейся сегментом аналитики.

Третьим критерием разграничения науки и аналитики В.Б. Исаков считает то, что фундаментальная наука связана с «социальным заказом» косвенно и опосредованно. На «социальный заказ» активно работает идео-

логия, которую не следует смешивать с наукой. Аналитика же «непосредственно связана с “социальным заказом” — подготовкой и реализацией экономических и социально-правовых решений: аналитическая работа всегда имеет конкретного заказчика» [1, с. 122]. По нашему мнению, и этот критерий является ненадежным. Из истории известно, что создание советского ядерного оружия было обусловлено конкретным социальным заказом — с обеспечением обороноспособности нашей страны, в ходе которого решался также и целый ряд научных проблем, связанных с физикой атомного ядра [24–25].

Наконец, последним критерием соотношения науки и аналитики, по утверждению В.Б. Исакова, выступает то, что «Ученый имеет право на неудачу. Ошибка, неудача — один из возможных и допустимых результатов научного поиска», тогда как «Аналитик не имеет права на неудачу. Ошибка, неудача — это провал в аналитической работе» [1, с. 122]. Нам думается, данный критерий также крайне спорный. При таком подходе к аналитике исследователь наделяется статусом «всезнающего непогрешимого бога, который не может ошибаться», а если он по каким-то причинам допустил ошибку, то по логике такого подхода он должен быть немедленно уволен с работы, поскольку не оправдал возлагающиеся на него надежды. Такой подход представляется крайне контрпродуктивным по следующим причинам: во-первых, как отмечается в литературе «ошибаются и проигрывают все» [26, с. 222]; во-вторых, исключает анализ ошибок, допускаемых при проведении аналитической работы, поскольку, если любая ошибка — это полный провал в аналитической работе, вина за который целиком и полностью лежит на субъекте аналитической деятельности, то тогда о каком анализе ошибок может идти речь; в-третьих, применение подобного рода метода приводит к сознательному сокрытию возможных ошибок при использовании аналитического подхода, а это крайне негативным образом может сказаться как на самой аналитической деятельности, так и на выявлении закономерностей ее осуществления, так как анализ ошибок, допускаемых при реализации того или иного вида деятельности позволяет в том числе выявить закономерности ее исполнения, что является предметом науки.

Таким образом, анализ литературы показывает, что существует проблема соотношения науки и аналитики вообще и юридической науки, и правовой аналитики в частности, поскольку предлагаемые критерии их соотношения выглядят неправдоподобными.

Отсюда возникает необходимость проведения специального исследования, посвященного решению проблемы соотношения юридической науки и правовой аналитики. Его цель состоит в том, чтобы на основе анализа закономерностей юридической науки и правовой аналитики выявить критерии соотношения между этими явлениями.

Соотношение юридической науки и правовой аналитики

В ходе исследования соотношения юридической науки и правовой аналитики было установлено следующее:

1. Объектом юридической науки выступают конкретные государственно-правовые явления.

2. Объектом юридической аналитики выступает всегда конкретная ситуация, которая требует проведения определенной аналитической работы.

3. Предметом юридической науки всегда выступают определенные закономерности становления, развития и функционирования государственно-правовых явлений.

4. Предметом юридической аналитики выступают определенные компоненты той или иной правовой ситуации, в том числе закономерности становления, развития и функционирования государственно-правовых явлений, которые влияют или могут повлиять на развитие той или иной правовой ситуации.

5. Цель юридической науки — «поиск закономерностей становления, развития и функционирования государственно-правовых явлений» [27].

6. Целью правовой аналитики является поиск возможных путей развития той или иной правовой ситуации, как на основе известных, так и путем открытия новых закономерностей.

7. Содержанием научной юридической деятельности выступают следующие компоненты: а) определение правовой проблемы, требующей исследования; б) определение объекта и предмета исследования, в) определение целей и задач исследования; г) определение методов исследования; д) проведение исследования; ж) представление результатов исследования.

Содержанием же аналитической деятельности, по мнению В.Б. Исакова, выступают следующие компоненты: «появление аналитической ситуации, диагностика и методологический анализ, объективное исследование аналитической ситуации; субъективное исследование аналитической ситуации; схематизация и моделирование аналитической ситуации; планирование и организация аналитического исследования; поиск и закрепление информации; проблематизация; концептуализация; праксиоризация; оформление и презентация результатов аналитической деятельности; рефлексия над результатами» [1, с. 129–133].

Анализ стадий аналитической деятельности, предлагаемый Исаковым, показывает, что аналитическая деятельность вполне может являться частью научной деятельности, а правовая аналитика — это часть юридической науки по нижеизложенным причинам.

Во-первых, такие процедуры, как «диагностика и методологический анализ, объективное исследование аналитической ситуации, субъективное исследование аналитической ситуации, схематизация и моделирование аналитической ситуации, а также поиск и закрепление информации; проблема-

тизация; концептуализация рефлексии над результатами» [1, с. 129–133], относятся к методологической составляющей научного юридического исследования, поскольку указанные процедуры могут рассматриваться в качестве методов научного анализа и являются компонентами юридического исследования [27–28].

Во-вторых, такие процедуры, как «планирование и организация аналитического исследования, праксиоризация и оформление и презентация результатов аналитической деятельности» [1, с. 129–133], относятся к организационным компонентам научного юридического исследования [27–28], так как без планирования и организации научного юридического исследования, без оформления и презентации научного юридического исследования, а также без сдачи результатов его заказчику, если исследование выполнялось в рамках договора о проведении НИРОКР, очень сложно представить себе результаты полученного юридического, в том числе аналитического исследования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что юридическая наука и правовая аналитика соотносятся между собой как целое и часть, при этом в качестве критериев соотношения между ними выступают: а) особенности объекта исследования; б) особенности предмета исследования; в) особенности целей исследования; г) особенности содержания процедуры. Поскольку юридическая аналитика является частью юридической науки, ибо как уже было установлено выше, аналитика — это часть науки, а ученый может ошибаться [1, с. 122], вполне правомерным является вопрос об ошибках, которые возможны при осуществлении научной, в том числе аналитической юридической деятельности.

Понятие и критерии классификации ошибок при осуществлении научной, в том числе аналитической юридической деятельности

В процессе анализа ошибок при осуществлении научной, в том числе аналитической юридической деятельности следует исходить из методологического постулата о том, что «ошибка — это игнорирование субъектом деятельности каких-либо правил или закономерностей» [29]. Следовательно, под ошибками в научной, в том числе аналитической юридической деятельности следует понимать игнорирование ее субъектом правил или закономерностей подобного анализа. Исходя из данного постулата можно выделить следующие виды такого рода ошибок:

а) неверное определение объекта и предмета научного юридического исследования;

б) неправильное определение целей и задач научного юридического исследования;

в) неверное определение методологии и методов научного юридического исследования и неправильное их применение (например, применение

методов научного познания, при помощи которых невозможно достичь целей и задач исследования);

г) игнорирование общих принципов и правил осуществления научного познания;

д) неверное представление результатов исследования (возможные ошибки при представлении результатов исследования, содержательные ошибки);

е) организационные ошибки (ошибки при планировании и организации научных юридических исследований). К числу ошибок данного типа можно отнести следующие их разновидности: 1) Неверное определение субъектов проведения исследования (включение в группу исследователей лиц, не обладающих необходимыми компетенциями для проведения подобного рода юридических исследований; невключение в группу исследователей лиц, обладающих необходимыми компетенциями для проведения подобного рода исследований; поручение проведения исследования лицу, не обладающему необходимыми компетенциями для проведения подобного рода исследований); 2) Неверное определение сроков проведения исследований (установление слишком коротких или слишком длинных сроков для проведения исследований); 3) Выделение недостаточных или избыточных ресурсов, необходимых для проведения научных юридических исследований; 4) Неправильное определение формы представления результатов научных юридических исследований, если исследование выполнялось в рамках договора о НИОКР.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что все ошибки при проведении научных юридических исследований можно подразделить на два вида: содержательные и организационные. Что касается юридической аналитической деятельности, то к числу содержательных ошибок при осуществлении научной юридической деятельности можно отнести следующие ошибки:

– неверное определение аналитической ситуации, ее компонентов и элементов;

– неверное осуществление моделирования и диагностики аналитической ситуации [1, с. 129–133];

– применение неверных методов для анализа ситуации, являющейся предметом аналитического исследования;

– игнорирование установленных наукой «закономерностей становления, развития и функционирования государственно-правовых явлений [27], которые могут быть использованы для прогноза возможных путей развития и правовых последствий той или иной аналитической ситуации;

– игнорирование установленных или принятых правил моделирования и схематизации при осуществлении анализа той или иной правовой ситуации;

– игнорирование установленных или принятых правил поиска и закрепления информации при осуществлении анализа той или иной правовой ситуации;

- неправильное использование методов осуществления научной аналитической деятельности, в том числе таких методов, как метод проблематизации и метод конкретизации [1, с. 129–133];
- неправильное осуществление праксиоризации, оформления и представления результатов юридической аналитической деятельности заказчику;
- неосуществление или неправильное осуществление рефлексии над ходом, содержанием и результатом аналитической деятельности в юридической сфере.

К числу организационных ошибок при осуществлении аналитической деятельности в юридической сфере можно отнести:

- неверное определение субъектов при осуществлении аналитической деятельности в юридической сфере (включение в группу исследователей лиц, не обладающих необходимыми компетенциями для проведения подобного рода юридических исследований; поручение проведения исследования лицу, не обладающему необходимыми компетенциями для проведения подобного рода исследований);
- неверное определение сроков проведения исследований (установление слишком коротких или слишком длинных сроков для проведения исследований);
- выделение недостаточных или избыточных ресурсов, необходимых для проведения научных юридических исследований;
- неправильное определение формы представления результатов научных юридических исследований, если исследование выполнялось в рамках договора о НИОКР.

* * *

Можно привести несколько примеров ошибочной юридической аналитической деятельности. По мнению В.Б. Исакова, «Заложенная в Закон модель выборов депутатов Государственной Думы (50% по партийным спискам, 50% — по территориальным округам) оптимальна для переходного периода и просуществует достаточно долго» [1, с. 117]. Однако данная модель в действительности не является оптимальной и основана на неверной интерпретации исходной аналитической ситуации.

В целях более полной защиты интересов граждан необходимо, чтобы выборы депутатов Государственной Думы проходили исключительно по территориальным одномандатным округам. Такая модель, во-первых, позволит избирать в Государственную Думу беспартийных депутатов, пользующихся определенным авторитетом, а во-вторых, даст возможность в значительной мере учитывать интересы простого населения, поскольку в этом случае у депутатов появляется реальная ответственность не только перед политическими партиями (политической элитой) при принятии тех или иных законов и нормативно-правовых актов, но и перед избирателя-

ми. К тому же подобного рода система будет способствовать повышению политической культуры граждан, в большей степени соответствует ее историческим и национальным политическим традициям, а также требованиям, относящимся к демократическому политическому режиму. Так как политическая элита стремится охватить своим влиянием всю страну, неслучайны те закономерности развития избирательного законодательства, которые имели место в последние годы и о которых говорится в специальной литературе [1, с. 117–118].

Основные факторы, влияющие на результаты юридической научной и аналитической деятельности, и пути профилактики ошибок

Под основными факторами, влияющими на результаты юридической научной и аналитической деятельности, следует понимать конкретные обстоятельства, способствующие (позитивные факторы) либо препятствующие (негативные факторы) получению результатов юридической научной и аналитической деятельности.

В зависимости от характера определяются личные, политические, экономические, культурные, социальные, психологические и иные факторы.

В зависимости от характера влияния можно выделить как позитивные и негативные, так и прямые и косвенные факторы (факторы с опосредованным воздействием).

В зависимости от вида элементов научной и аналитической деятельности выделяются факторы, влияющие на определение объекта и предмета, целей и задач, методов осуществления, организации и планирования научной и аналитической деятельности, в том числе факторы, влияющие на процессы «диагностики и методологического анализа; объективного исследования аналитической ситуации; субъективного исследования аналитической ситуации; схематизации и моделирования аналитической ситуации; планирования и организации аналитического исследования; поиска и закрепления информации; проблематизации; концептуализации; праксиоризации оформления и презентации результатов аналитической деятельности; рефлексии над результатами аналитической деятельности» [1, с. 129–133].

В качестве примеров такого рода факторов можно назвать: наличие/отсутствие соответствующих компетенций у исследователя, которые необходимы для проведения данного вида научного, в том числе аналитического исследования, включая умение планировать и организовывать научные исследования; наличие/отсутствие необходимых ресурсов для проведения данного вида научного, в том числе аналитического исследования; умение исследователя и организатора научного исследования правильно определять сроки проведения научного и юридического исследования; наличие прямой или косвенной заинтересованности в получении определенных

результатов научного, в том числе аналитического исследования в сфере юриспруденции и так далее.

Поэтому в целях профилактики возможных ошибок при проведении упомянутого рода исследований в сфере юриспруденции нужно использовать специальный алгоритм, заключающийся в поиске ответов на следующие требования:

1. Обладают ли лица, привлеченные к участию в исследовании, необходимыми компетенциями для проведения подобного рода исследований?

2. Правильно ли осуществлено планирование проведения того или иного научного или аналитического исследования в сфере юриспруденции; правильно ли определены сроки проведения исследования, формы отчетности; выделены ли необходимые ресурсы для проведения подобного рода научных, в том числе аналитических исследований в сфере юриспруденции?

3. Правильно ли осуществлено определение методологической составляющей научного, в том числе аналитического исследования в сфере юриспруденции?

4. Правильно ли осуществлено проведение научного, в том числе аналитического исследования в сфере юриспруденции?

5. Правильно ли осуществлена презентация или иное представление результатов научного, в том числе аналитического исследования в сфере юриспруденции?

При наличии отрицательного ответа предпринимаются необходимые соответствующие корректирующие действия с тем, чтобы устранить ошибки при проведении научных, в том числе аналитических исследований в сфере юриспруденции.

Список литературы:

1. Исаков В.Б. Право на аналитику // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4.
2. Курбатов А.А. Основные закономерности развития экономического благосостояния региона в зависимости от проведения внутренней и внешней политики (на примере Краснодарского края) // Актуальные проблемы развития агропромышленного комплекса. Краснодар, 2003.
3. Деденкулов А.В. Евросоюз: эволюция приоритетов энергетической политики // Современная Европа. 2015. № 1(61).
4. Сиротенко М.В. Закономерности и факторы эффективности системы государственного управления на мезоуровне // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 11(58).
5. Маленков Ю.А. Закономерности развития систем государственного стратегического управления // Экономическое возрождение России. 2013. № 4(38).
6. Будович М.С. Закономерности развития институтов государственного управления экономикой // Экономические науки. 2013. № 99.
7. Щадов М.И. Общие закономерности развития бизнеса угольных компаний // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2002. № 5.

8. Татаринова Л.Ю. Закономерности развития розничного банковского бизнеса в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 9(51).
9. Воронов М.В., Письменский Г.И. Закономерности, тенденции и противоречия в системе современного образования // Инновации в образовании. 2012. № 4.
10. Дианова Н.Ф. Общие характеристики и закономерности креативной модели образования // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. № 13.
11. Флиер А.Я. Природа культуры и закономерности ее развития // Культурологический журнал. 2013. № 3(13).
12. Коськов М.А. Становление и развитие предметного мира культуры: исторические закономерности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 2. № 4.
13. Должиков А.В. Конституционный принцип соразмерности: междисциплинарный подход // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-6.
14. Междисциплинарность в науках и философии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФРАН, 2010. 205 с.
15. Interdisciplinary Studies. In: Michalis A.C. (eds) Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. 2014 Springer, Dordrecht.
16. Lyall, Catherine Being an Interdisciplinary Academic. 2019 Springer, Dordrecht DOI 0.1007/978-3-030-18659-3.
17. Осипов М.Ю. К вопросу об особенностях использования междисциплинарного подхода в современных научных исследованиях в сфере права // Право и политика. 2022. № 3.
18. Кирсанова Т.А. Юридический анализ объектов противоправных посягательств на свидетелей и потерпевших // Виктимология. 2022. Т. 9. № 3.
19. Зернов И.В. Юридический анализ федерализма в пензенском государственном университете // Вестник Пензенского государственного университета. 2018. № 1(21).
20. Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В., Апт Л.Ф., Пшеничных М.А., Мареев Ю.Л., Рахманина Т.Н., Тихомиров Ю.А., Сырых В.М. Техноко-юридический анализ правотворческой реальности современной России // вступительные эссе и доклады на международных форумах «Юртехнетика» в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба (1999–2019): в 2-х т. / Москва, 2020. Том 2. 2010–2019.
21. Осипов М.Ю. О необходимости использования юридического анализа при осуществлении правосудия // Юридический мир. 2015. № 5.
22. Арямов А.А. Общая теория риска (юридический, экономический и психологический анализ). Москва, 2009.
23. Ольков С.Г. Юридический анализ (исслед. юриспруденция): в 2-х т. / Тюмень, 2003.
24. Балебанов Д.А. Создание ядерного оружия в СССР // В сборнике: Молодая наука — 2018. сборник трудов V Всероссийской студенческой научно-практической конференции. 2018.

25. Новикова Т.А. Создание ядерного оружия в США и СССР. Общие и особенные черты (1939–1949 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Москва, 2006.
26. Оробинский В.В. Хороший юрист, плохой юрист. С чего начать путь от новичка до профи. М.: Эксмо, 2019. 480 с.
27. Веденеев Ю.А. Юридическая наука: система и структура // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 2–3.
28. Керимов, Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права: монография / Д.А. Керимов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: СГА, 2003. 521 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/347730> (дата обращения: 23.01.2023). Режим доступа: по подписке.
29. Осипов М.Ю. Пути профилактики ошибок в правовом регулировании // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4 (40).

И.В. БОЧАРНИКОВ
О.А. ОВСЯННИКОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ США И НАТО

***Аннотация.** Авторы анализируют документы стратегического планирования США и НАТО, принятые в 2022 году. Важнейшими положениями Стратегии национальной безопасности США и Национальной стратегии обороны США являются определение угроз со стороны Российской Федерации и Китайской Народной Республики и планирование мер по противодействию им и нанесению стратегического поражения. Помимо противодействия Китаю и России, а также «оказания помощи» Украине, в Стратегии рассмотрены и другие приоритеты. Практически по всем направлениям развития современного мирового сообщества документы стратегического планирования определяют участие США в качестве ведущего актора.*

Стратегическая концепция НАТО 2022 года определяет цели и задачи альянса до 2030 года, касающиеся наращивания его оборонного потенциала, повышения коллективной готовности, оперативности и способности к развертыванию сил и других мер. При этом, позиционируя НАТО в качестве оборонительного блока, авторы Концепции уделили значительное внимание деятельности за пределами так называемой «зоны ответственности» — территории стран-членов альянса.

***Ключевые слова:** современный мировой порядок, трансформация, документы стратегического планирования, Стратегия национальной безопасности США, Национальная стратегия обороны США, Стратегическая концепция НАТО, Россия, Китай.*

TRANSFORMATION OF THE MODERN WORLD ORDER IN THE STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS OF THE USA AND NATO

***Abstract.** The article analyzes the US and NATO strategic planning documents adopted in 2022. The most important provisions of the US National Security Strategy and the US National Defense Strategy are to identify threats from the Russian Federation and the People's Republic of China and plan measures to counter them and inflict strategic defeat. In addition to countering China and Russia, as well as «helping» Ukraine, the Strategy also*

БОЧАРНИКОВ Игорь Валентинович — руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана, доктор политических наук, г. Москва
ОВСЯННИКОВА Ольга Александровна — исполнительный директор Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, кандидат педагогических наук, доцент, г. Москва

considers other strategic priorities. In almost all areas of the development of the modern world community, strategic planning documents determine the participation of the United States as a leading actor.

The NATO Strategic Concept of 2022 defines the goals and objectives of the alliance until 2030, concerning building up the alliance's defense potential; increasing collective readiness, efficiency and ability to deploy forces and other measures. At the same time, positioning NATO as a defensive bloc, the authors of the Concept nevertheless paid considerable attention to activities outside the so-called «zone of responsibility» – the territory of the alliance member countries.

Keywords: *modern world order, transformation, strategic planning documents, US National Security Strategy, US National Defense Strategy, NATO Strategic Concept, Russia, China.*

Трансформация современного мирового порядка активизировала процессы концептуального осмысления происходящих событий, а также разработки документов стратегического планирования ведущими мировыми акторами, вовлеченными в данные процессы.

С учетом того, что современная трансформация мирового порядка в наибольшей степени мере затрагивает США, утративших свою лидирующую роль в мировом сообществе и пытающихся каким-либо образом восстановить ее или, по крайней мере, обеспечить влияние в ключевых регионах мира, именно они наиболее активны в данном направлении.

Восприятие военно-политическим руководством США целей и задач внешней и внутренней политики нашло отражение в Стратегии национальной безопасности, утвержденной в октябре 2022 года, а также в ряде документов, разработанных на ее основе или развивающих ее положения. Все это стало свидетельством нового этапа концептуального осмысления руководством США складывающихся геополитических реалий, а также целей и задач внешней политики по обеспечению влияния на мировые политические процессы.

Задержка с разработкой и опубликованием новой Стратегии была предопределена рядом факторов, среди которых особую значимость обрели:

- торговая война с Китаем, развязанная предыдущей американской администрацией;
- вовлеченность США в целый ряд конфликтов, не затрагивающих напрямую их интересы;
- затянувшаяся оккупация Афганистана;
- рост антиамериканских настроений в мире в целом и особенно в его ключевых регионах: Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии;
- раскол американского общества, обусловленный сомнительностью результатов президентских выборов 2020 года;
- внутривнутриполитическая нестабильность в целом, а также другие процессы и явления, негативно отражавшиеся на имидже США и их способности оказывать влияние на мировые политические процессы.

Как оказалось, действующая администрация после победы на выборах 2020 года была не готова к формулированию основных концептов своей внутренней и особенно внешней политики. Вследствие этого основные положения стратегического планирования были отражены в документе под названием «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности» [1], где было изложено видение того, по каким направлениям и как США будут развиваться и взаимодействовать с внешним миром при новой администрации.

В 2021–2022 годах произошли важные изменения во внешней и внутренней политике страны, позволившие минимизировать негативные последствия проводимой США на протяжении последних десятилетий политики как на международном уровне, так и во внутривластной сфере.

Наиболее значимым событием данного периода стал вывод американских войск из Афганистана, прекративший, таким образом, его 20-летнюю оккупацию.

Важными реализованными решениями стали снижение остроты торговой войны с Китаем, а также восстановление диктата над европейским сообществом. Первое из данных обстоятельств дало возможность избежать рисков экономического кризиса в самих США, поскольку значительная часть американских товаров и услуг ориентирована на китайский рынок. Восстановление же американского диктата над «Старым светом» позволило привлечь ресурсы ведущих европейских стран и Евросоюза в целом для реализации своих масштабных интересов, в том числе в рамках противостояния с Россией.

Во внутривластной сфере администрации Дж. Байдена удалось стабилизировать ситуацию посредством репрессий против участников штурма Конгресса США 6 января 2021 года, контроля СМИ, а также внедрением культуры отмены в отношении сторонников экс-президента Д. Трампа. Все эти меры в конечном счете позволили ей сосредоточить силы и вернуться к реализации концепции утверждения лидирующей роли Соединенных Штатов в ключевых регионах мира и обеспечения влияния на процессы формирования современного мирового порядка. Это нашло отражение в разработке Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в октябре 2022 года, которая, очевидно, войдет в современную мировую политику как «Стратегия Байдена».

При разработке Стратегии военно-политическое руководство США фактически вернулось к «обамовской» традиции декларирования американской исключительности. Вследствие этого значительная часть положений носит декларативный и идеологизированный характер, направленный на обоснование целесообразности утверждения лидирующей роли США в мировом сообществе. С этой целью в Стратегии сделан акцент на значимости США, без которых, по мнению ее авторов, решение проблем глобальной безопасности невозможно. Так, уже во введении к Стратегии, подписанном

Дж. Байденом, отмечается, что во всем мире потребность в американском лидерстве как никогда велика, поскольку мировое сообщество находится в разгаре стратегического соревнования по формированию будущего международного порядка [2].

Таким образом, Соединенные Штаты определяют себя не иначе как глобальной державой с глобальными интересами, которая будет продолжать руководить с силой и целеустремленностью. Очевидно, подразумевается, что — всем миром, коль скоро обозначен такой масштабный замах. Причем, как сверхдержава, США будут стремиться к расширению своего военно-политического присутствия в каждом отдельном регионе мира. «Если один регион погрузится в хаос или окажется под властью враждебной силы, это пагубно повлияет на наши интересы в других», — подчеркивается в документе [3].

Главным диссонансом современного мироустройства в Стратегии определено противоречие между демократиями и автократиями. *К демократиям отнесены* США и их союзники в Европе и Индо-Тихоокеанском регионе, а также ключевые демократические партнеры по всему миру, которые во многом разделяют американское видение региональных проблем и способствуют распространению американского влияния на систему международных отношений. Автократиями, соответственно, определены Китай, Россия и другие страны, «пытающиеся подорвать мировую демократию и экспортировать модель управления, основанную на репрессиях в своих странах и принуждении, за границу» [2]. Иными словами, это те страны, которые находятся вне фарватера американской внешней политики, не признают США лидером мирового сообщества и проводят суверенную политику.

Назначив себя лидером демократического мира, США, по сути, провозгласили борьбу с автократиями своей важнейшей стратегической целью и, таким образом, фактически реанимировали курс на разделительные линии, притом теперь уже не только в Европе, как это было во времена Г. Трумэна, но и на глобальном уровне, противопоставляя себя и своих сателлитов всему остальному мировому сообществу.

Американское военно-политическое руководство отчетливо понимает, что для восстановления своей лидирующей роли в мировом сообществе Соединенным Штатам необходимо победить Россию и Китай. Вследствие данного обстоятельства именно этим двум странам, как угрозам безопасности США, в Стратегии уделено наибольшее внимание. Так, в частности, Россия в Стратегии упоминается 71 раз, Китай — 55. Другие же страны, традиционно относимые руководством США к враждебным или недружественным, упоминаются значительно реже¹.

¹ Так, в частности Иран упоминается 7 раз, а КНДР — всего лишь 2 раза. Прим. автора.

Опасность Китая, по мнению авторов документа, заключается в его намерении изменить международный порядок, задействовав всю экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для достижения этой цели. То есть Стратегия национальной безопасности признает, что КНР представляет собой наиболее значимую геополитическую угрозу для Америки.

Россия же, как следует из текста Стратегии, представляет непосредственную и постоянную угрозу региональной архитектуре безопасности в Европе и является источником разрушений и нестабильности во всем мире, но ей не хватает спектра возможностей КНР.

Другие, более мелкие, авторитарные державы (по терминологии авторов Стратегии) также действуют агрессивно и дестабилизирующим образом. В частности, Иран вмешивается во внутренние дела соседей, распространяет ракеты и беспилотники через посредников, замышляет причинить вред американцам, в том числе бывшим чиновникам, и продвигает ядерную программу сверх всякой реальной гражданской потребности. Корейская Народно-Демократическая Республика продолжает расширять свои незаконные ядерно-оружейные и ракетные программы.

Для противодействия описанным угрозам в Стратегии предложено инвестировать в сильные стороны США (конкурентоспособность, современное производство, инновации, человеческий ресурс, демократические ценности); использовать дипломатию для эффективного объединения усилий с союзниками и партнерами; модернизировать и укреплять вооруженные силы. Для противостояния с Китаем дополнительно к этим задачам предполагается «динамично и напряженно конкурировать ... в том, чтобы защищать интересы США и строить свое видение будущего». В подобной форме в Стратегию инкорпорирована формулировка о том, что американская сторона будет уделять первостепенное внимание сохранению своего конкурентного преимущества над КНР.

Для обеспечения данной цели разыгрывается также сценарий с Тайванем. При этом, высказываясь в поддержку концепции «одного Китая», Стратегия отмечает заинтересованность руководства США «в поддержании мира и стабильности на Тайване». Видимо, именно той стабильности, которая соответствовала бы интересам США. Одновременно с этим фиксируется идеологизированная установка о необходимости привлечения к ответственности руководства Китая «за геноцид и преступления против человечности в Синьцзяне, нарушения прав человека в Тибете и отмену автономии и свобод Гонконга». То есть США по сложившейся ими традиции возлагают на себя миссию поддержки различного рода оппозиционных политических сил под предлогом их защиты.

В отношении России формулировки более расплывчатые: США планируют «сдерживать» Россию, в том числе в рамках эскалации украинского кризиса, сформировавшегося под непосредственным патронажем США еще

в феврале 2014 года и трансформировавшимся в крупный региональный конфликт. Судя по всему, именно Украина и непосредственно провокационные действия ее политического руководства оказали наиболее значимое влияние на характер и содержание Стратегии США, являющихся основным стейкхолдером украинского кризиса.

Украинский раздел занимает значительное место в Стратегии, где отмечается, что США возглавили международную коалицию по оказанию Украине беспрецедентной поддержки в ее военном противостоянии с Россией.

В Украине и политике ее руководства США увидели средство и возможность втягивания России в вооруженный конфликт с последующей ее демонизацией и формированием антироссийской коалиции. Соответственно, важнейшее значение текущего кризиса заключается в том, что он создал так называемый «casus belli» для нового противостояния с Россией и превращением «холодной войны – 2.0», развернувшейся во времена Б. Обамы, в открытое противостояние. О непосредственной вовлеченности США в конфликт свидетельствуют, в частности, положения Стратегии, в которых отмечается, что «Америка помогает превратить войну России против Украины в стратегическое поражение» [2].

По мнению ее авторов, определенные результаты в этом направлении уже достигнуты. Отмечаются успехи по части изоляции России, поскольку военный конфликт на Украине способствовал «снижению статуса России по отношению к Китаю и другим азиатским державам, таким как Индия и Япония, а мягкая сила и дипломатическое влияние Москвы ослабли». «Война на Украине, как следует из Стратегии, подчеркивает важность динамичной оборонно-промышленной базы для Соединенных Штатов и их союзников и партнеров» [2]. Это, в свою очередь, определяет значимость Украины как испытательного полигона, где в реальной боевой обстановке проверяется эффективность образцов американского вооружения. Все это определяет заинтересованность руководства США в эскалации украинского кризиса и продолжении конфликта как можно дольше по времени.

Определяя перспективы развития конфликта и украинского кризиса в целом, авторы документа выделяют следующие направления деятельности администрации Дж. Байдена: во-первых, США всесторонне поддержат Украину и твердо намерены способствовать ее региональной интеграции с Европейским союзом; во-вторых, направят свои усилия на создание коалиции союзников против России; в-третьих, будут реагировать на действия России, которые на взгляд авторов угрожают ключевым интересам США.

Обращает на себя внимание то, что в Стратегии не упоминается вопрос об обязательном вступлении Украины в НАТО. Это определяет восприятие Украины военно-политическим руководством США лишь средством достижения их интересов и геополитических целей.

Важнейшей целью США, судя по содержанию Стратегии, является формирование нового мирового порядка, в котором они по-прежнему будут

доминировать. России в этом будущем миропорядке, как считают разработчики документа, нет места как сильной державе, имеющей свои интересы. Стратегическое поражение России, ради которого был спровоцирован украинский кризис и его переход в вооруженную стадию, представляет собой важнейшую цель американской внешней политики. Для ее достижения США намерены использовать весь комплекс сил и средств.

Для ослабления России предусматривается соответствующая «работа» со странами, граничащими с Россией, посредством поддержки антироссийских движений по всему периметру ее границ. Украина в этой политике лишь одно из звеньев. Стратегией констатируется, что США будут работать над укреплением стабильности и устойчивости других демократий. Речь, в частности, идет о так называемых «европейских устремлениях» Грузии и Молдавии, которым, очевидно, предписана судьба очередных «полигонов» стратегического сдерживания России, по аналогии с Украиной. Помимо этого, в русле реализации антироссийской политики предполагается участие в урегулировании конфликта на Южном Кавказе [2]. Речь идет о конфликте в Нагорно-Карабахском регионе Азербайджана, где Россия осуществляет миротворческую миссию. С учетом участвовавших провокаций против российских миротворцев, а также в целом эскалации антироссийских настроений в Армении и соответствующей политики ее руководства можно сказать, что данные положения не являются декларативными.

Особое внимание в Стратегии уделено внутривнутриполитической ситуации в России и возможностям ее дестабилизации, инициированию антиправительственных выступлений по аналогии с событиями 1989–1991 годов. В документе указывается, что «в России существует застойная политическая система, которая не реагирует на нужды своего народа», а также то, что «российское правительство ... нарушает права человека своих граждан, подавляет оппозицию и закрывает независимые СМИ» [2]. Таким образом, осуществляется некий посыл, что именно российский народ будет определять будущее России как крупной державы, способной вновь играть конструктивную роль в международных делах. В данном случае, очевидно стремление военно-политического руководства США оказать любую помощь в дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в России, в том числе посредством организации различного рода цветных революций.

Помимо противодействия Китаю и России, а также «оказания помощи» Украине, к категории стратегических приоритетов отнесены вопросы:

- климатической и энергетической безопасности;
- пандемии и биологической защиты;
- продовольственной безопасности;
- контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового поражения;
- терроризма;
- борьбы с транснациональной организованной преступностью;

- технологий;
- обеспечения безопасности киберпространства;
- торговли, экономики и некоторых других направлений деятельности.

Практически по всем направлениям развития современного мирового сообщества Стратегия обозначила участие США в качестве если не лидера, то, по крайней мере, ведущего актора, без которого решение глобальных проблем невозможно. Все это свидетельствует о претензиях военно-политического руководства США на глобализм в решении перечисленных вопросов, причем без какой-либо конкретизации предпринимаемых мер в этих сферах и, соответственно, оснований на лидерство.

* * *

Аналогичен подход и в отношении отдельных регионов мира. В преамбуле к главе IV Стратегии, в которой отражены основные направления внешней политики США, отмечается: «Чтобы обеспечить наше собственное будущее, мы должны работать вместе с другими партнерами — нашими партнерами — ради общего будущего» [2]. Таким образом, руководство США пытается мобилизовать на реализацию американских интересов население не столько своей страны, сколько рассмотренных в Стратегии государств и регионов.

Из Стратегии следует, что приоритетным направлением для США является Индо-Тихоокеанский регион². По мнению ее авторов, данная территория подпитывает большую часть мирового экономического роста и станет эпицентром геополитики в XXI веке. Соответственно США, как индо-тихоокеанская держава, жизненно заинтересованы в создании «открытого, взаимосвязанного, процветающего, безопасного и жизнестойкого региона». При этом, конечно, речь идет об «открытости и процветании» в интересах США.

Для того чтобы обеспечить свое лидерство, США, как отмечено в Стратегии, «в течение 75 лет сохраняли сильное и последовательное оборонное присутствие и будут продолжать вносить существенный вклад в обеспечение стабильности и мира в регионе». Речь идет о создании и модернизации различного рода проамериканских альянсов и вовлечение в эти альянсы государств региона. В настоящее время американцы особое внимание уделяют странам созданного в октябре 2022 года по инициативе Дж. Байдена так называемого Индо-Тихоокеанского договора: Австралии, Японии, Южной Кореи, Филиппинам и Таиланду. Сама по себе идея подписанного соглашения, а также вовлечение в него других стран региона, обусловлена стремлением создания антикитайской коалиции. Неслучайны в этой связи положения Стратегии, декларирующие «непоколебимую приверженность»

² Термин «Индо-Тихоокеанский регион» используется в основном в американских и европейских источниках. Его введение в оборот преследует цель заместить в официальном употреблении используемый в настоящее время термин «Азиатско-Тихоокеанский регион» (АТР). Прим. авторов.

Соединенных Штатов защите Японии в соответствии с договором о взаимной безопасности, который распространяется на острова Сенкаку, а также попытки вовлечь Индию в партнерские отношения в военной сфере. В целом же, определяя значимость региона, Стратегия отмечает, что «ни один регион не будет иметь большего значения для мира и для обычных американцев, чем Индо-Тихоокеанский регион».

Большое значение в Стратегии уделено и другому важнейшему для США региону — Европе — как сфере традиционных американских интересов. Основной акцент политики США в этом регионе делается на усиление потенциала и боеготовности НАТО. При этом Соединенные Штаты возлагают надежды на то, что их союзники продолжат брать на себя большую ответственность, увеличивая свои расходы, возможности и взносы.

Новациями принятой Стратегии в отношении Европейского региона и НАТО является, с одной стороны, адаптация НАТО к современным вызовам безопасности, включая ее акцент на обороне в киберпространстве, климатической безопасности и растущих рисках безопасности, связанных с политикой и действиями КНР. С другой стороны, основным трендом внешней политики США является эскалация украинского кризиса, участие в котором в рамках противодействия России отводится европейским странам и Евросоюзу в целом. Соответственно, Европа должна нести и основные издержки в данном противостоянии, о чем и заявляется в Стратегии в части, касающейся участия европейских союзников в антироссийских санкциях, а также контроле за российским экспортом и снижении зависимости от российского ископаемого топлива. При этом особую значимость обретает тот факт, что Европейский союз, как следует из Стратегии, является собой «интегрированный рынок с населением более 450 миллионов человек». С данной позиции, ЕС для США является незаменимым партнером, поэтому предполагается поддержка усилий по содействию его единству или, иными словами, обеспечения его управляемости.

* * *

Также в Стратегии уделено внимание таким крупным макрорегионам, как Западное полушарие, Ближний Восток, Африка и Арктика.

В части, касающейся реализации интересов США в Северной и Южной Америке, наиболее значимой стратегической целью для Соединенных Штатов является создание иммиграционной системы, основанной на принципах разделения ответственности. Стратегия также декларирует усилия по расширению легальных путей миграции, борьбе с незаконным ввозом людей и торговлей людьми. Таким образом, хотя и завуалированно, тем не менее отмечается наиболее значимая проблема национальной безопасности — нелегальная миграция, на борьбу с которой американцы намерены привлечь и другие государства региона, прежде всего Мексику, а также те страны, из которых осуществляется наиболее массовая миграция в США.

Стратегической целью политики США в Ближневосточном регионе, согласно Стратегии, является поддержка деэскалации и интеграции. Констатируя неэффективность предшествующей политики, ориентированной на военные действия, администрация Байдена определяет целесообразным создание некоей системы партнерств, коалиций и альянсов для усиления сдерживания при одновременном использовании дипломатии для деэскалации напряженности, снижения рисков новых конфликтов и создания долгосрочной основы для стабильности. Судя по всему, видение этой системы у администрации пока не сложилось, поэтому принципы, на основе которых она будет сформирована, носят в значительной мере декларативный характер.

В отношении Африки военно-политическое руководство США планирует реализовать комплекс мер по привлечению африканских стран «в качестве равноправных партнеров для достижения ... общих приоритетов — от здравоохранения и готовности к пандемиям до изменения климата». При этом Стратегия определяет возможность оказывать давление на партнеров по вопросам прав человека, коррупции или авторитарного поведения и углублять партнерские отношения со странами, которые добиваются прогресса в направлении более открытого и демократического управления. Также предполагается возможность «противодействовать демократическому отступлению, устанавливая издержки за перевороты и добиваясь прогресса в гражданских переходных процессах». Речь, таким образом, идет о стремлении руководства США распространить сферу своего политического и экономического влияния на африканские страны, подобному тому, как это реализуется в отношении европейских государств.

Наконец, еще один важнейший регион, в котором Стратегией определены американские интересы, — Арктика. Здесь авторы Стратегии, обвиняя Россию в наращивании военного присутствия и усилении геополитической напряженности, а Китай — в стремлении форсировать свое влияние в регионе путем быстрого увеличения инвестиций и проведения исследований двойного назначения, определяют в качестве приоритетных целей улучшение осведомленности с тем, чтобы подготовиться к активизации международной деятельности в регионе. Осознание уязвимости своих позиций в регионе не позволяет американской администрации заявлять о более амбициозных целях.

С учетом важности обозначенных макрорегионов более детально стратегические цели и задачи в их отношении рассмотрены в соответствующих стратегиях: Стратегии в отношении стран Африки ниже Сахары [4], принятой к исполнению в августе 2022 года, и Национальной стратегии США по Арктическому региону, утвержденной в октябре 2022 года [5].

* * *

Важнейшим документом стратегического планирования стала «Национальная стратегия обороны США» [6]. Определяющее стратегическое

направление деятельности военного ведомства (Министерства обороны) по поддержке приоритетов национальной безопасности непосредственно связано со Стратегией национальной безопасности. Ее основным отличием от предшествующих подобных документов является то, что она включает в себя обзоры ядерной политики и противоракетной обороны³.

В целом основные положения Стратегии дополняют и конкретизируют угрозы и вызовы, а также определяют непосредственно меры по противодействию «способности Соединенных Штатов сдерживать агрессию и помогать поддерживать благоприятный баланс сил в критически важных регионах». Иными словами, утверждению ведущей роли США в мировом сообществе в целом и непосредственно в ключевых регионах.

Так же как и в Стратегии национальной безопасности, КНР в Стратегии обороны определена в качестве «наиболее последовательного и системного вызова», в то время как Россия представляет собой острую угрозу как жизненно важным национальным интересам США за рубежом, так и внутри страны.

Другие особенности обстановки в области безопасности, включая изменение климата и иные трансграничные проблемы, по мнению военного руководства США, будут оказывать все большее давление на объединенные силы и системы, которые их поддерживают. Исходя из данных обстоятельств, приоритетами министерства обороны определены:

- защита родины в ответ на растущую многодоменную угрозу, исходящую от КНР;
- сдерживание стратегических атак против Соединенных Штатов, союзников и партнеров;
- сдерживание агрессии, будучи при этом готовым одержать верх в конфликте, когда это необходимо, — уделяя приоритетное внимание вызову КНР в Индо-Тихоокеанском регионе, а затем — вызову России в Европе;
- создание устойчивой экосистемы совместных сил и обороны [6].

Таким образом, Китай в Стратегии обороны США представлен вызовом номер один, Россия по степени угрозы — на втором месте.

Полагаем, что подобного рода очередность в перечне угроз определяется значимостью для США так называемого Индо-Тихоокеанского региона, являющегося для администрации Дж. Байдена приоритетным во внешней политике. Очевидно, что именно Китай стоит на пути реализации американских интересов по утверждению лидирующей роли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где в США пытаются выстроить свой альтернативный — Индо-Тихоокеанский форпост, в котором их доминирование будет бесспорным. Поэтому в духе сложившейся американской традиции все то,

³ Обзор ядерной политики — это законодательно санкционированный обзор, который описывает ядерную стратегию, политику, позицию и ядерные силы США. Обзор противоракетной обороны — это анализ, проводимый в соответствии с указаниями президента и министра обороны, а также учитывающий законодательное требование об оценке политики и стратегии противоракетной обороны США.

что не способствует интересам США, объявляется враждебным: угрозой, риском, вызовом и так далее.

В Стратегии обороны по этому поводу сказано, что «наиболее всеобъемлющим и серьезным вызовом национальной безопасности США являются принудительные и все более агрессивные усилия КНР по перестройке Индо-Тихоокеанского региона и международной системы в соответствии со своими интересами и авторитарными предпочтениями» [6]. Здесь же подчеркивается «провокационная риторика и принудительная деятельность КНР в отношении Тайваня», которые якобы дестабилизируют ситуацию, чреватые просчетами и угрожают миру и стабильности в Тайваньском проливе. По мнению американских военных экспертов, все это — часть «более широкой модели дестабилизирующего и принудительного поведения КНР, которая простирается через Восточно-Китайское море, Южно-Китайское море и вдоль линии фактического контроля» [6].

Что касается России, представляемой в Стратегии в качестве хотя и второстепенной, но острой угрозы, то в отношении нее делается акцент на события, связанные с эскалацией украинского кризиса. Речь в том числе идет о так называемой «неспровоцированной» войне против Украины. Термин сам по себе сомнителен по своей смысловой нагрузке, тем не менее он активно используется во всех официальных документах как США и их союзников, так и самой Украины.

Помимо этого, к категории рисков Стратегия в области обороны относит также:

- ядерные угрозы США и их союзникам и партнерам;
- угрозы крылатыми ракетами большой дальности;
- кибер- и информационные операции;
- контрпространственные угрозы;
- химическое и биологическое оружие;
- подводная война;
- обширные кампании «серой зоны», направленные, в частности, против демократий.

Таким образом, перечень так называемых российских угроз, определяемых Стратегией, более конкретен, чем потенциальные угрозы, которые может представлять Китай. В то же время отнесение России к второстепенной угрозе в значительной мере обусловлено ставкой на блок НАТО, который должен взять на себя основную нагрузку по ее сдерживанию. В Азиатско-Тихоокеанском регионе у США такой надежной структуры нет, а их многочисленные союзники не интегрированы в единую военно-политическую структуру. Поэтому основную тяжесть противостояния с Китаем США вынуждены возлагать на себя.

Наиболее же опасным развитием событий Стратегия определяет расширение и углубление военно-политического сотрудничества России и Китая.

В настоящее время КНР и Россия, согласно Стратегии обороны, создают опасные вызовы для внутренней безопасности США. Оба государства, как говорится в документе, уже используют некинетические средства против американской оборонно-промышленной базы и мобилизационных систем, а также развертывают противокосмические средства, которые могут быть нацелены на глобальную систему позиционирования США и другие космические средства, способные поддерживать военную мощь и повседневную гражданскую жизнь.

* * *

Стратегия обороны, сохраняя преемственность с предыдущими документами в этой сфере, в качестве постоянных угроз определяет КНДР и Иран, а также глобальные террористические организации.

Северная Корея, по словам авторов Стратегии, продолжает расширять свой ядерный и ракетный потенциал, чтобы угрожать США, их развернутым силам, а также Республике Корея и Японии, одновременно стремясь вбить клинья между альянсами США–Корея и США–Япония. Иран предпринимает действия, которые улучшили бы его способность производить ядерное оружие, а также подрывает стабильность на Ближнем Востоке, поддерживая террористические группы и военные прокси, используя собственные военизированные формирования, участвуя в военных провокациях и проводя вредоносные кибер- и информационные операции [6].

Что касается таких глобальных террористических группировок, как «Аль-Каида», «Исламское государство Ирака и Сирии» (ИГИЛ) и их филиалы, то они, по мнению американских аналитиков, утратили свои возможности, хотя некоторые из них могут быть в состоянии восстановить их в короткие сроки, что потребует мониторинга их активности [6].

Так же как и в Стратегии национальной безопасности, в Стратегии национальной обороны определены приоритеты деятельности вооруженных сил и непосредственно министерства обороны в ключевых, по мнению администрации США, регионах.

Так, согласно Стратегии, в Индо-Тихоокеанском регионе США будут пытаться построить собственную архитектуру безопасности, чтобы поддерживать тот порядок, который соответствует их интересам. Планируется модернизировать альянс с Японией и укрепить объединенные возможности, согласовав стратегическое планирование и приоритеты более комплексным образом; углубить альянс с Австралией за счет инвестиций, межоперационности и расширения многостороннего сотрудничества, также способствовать получению преимуществ за счет сотрудничества в области передовых технологий в таких партнерствах, как АУКУС и Четырехсторонний диалог (QUAD).

В Европе сотрудничество будет проводиться в рамках НАТО. Министерство обороны США продолжит увеличивать потенциал и боеготовность

НАТО, в том числе путем улучшения своих позиций в Европе и расширенных обязательств по ядерному сдерживанию.

На Ближнем Востоке американцы будут корректировать свое передовое военное присутствие. Отмечено, что после завершения миссии в Афганистане подход к региону осуществляется «путем, с помощью и через посредство» сил, развернутых в Ираке и Сирии.

В Западном полушарии приоритетами деятельности министерства обороны определены гуманитарные миссии и борьба с последствиями стихийных бедствий. Примечательно, что, в отличие от Стратегии национальной безопасности, в Стратегии обороны не акцентируется внимание на борьбе с потоками нелегальных мигрантов.

В Африке приоритетом военного ведомства США декларированы сотрудничество в области безопасности, усиление координации с союзниками, многосторонними организациями и региональными органами, разделяющими цели США, и поддержка межведомственных инициатив США в регионе.

В Арктике целями министерства обороны определены сдерживание угроз для США из данного региона и через него — улучшение возможности раннего предупреждения, усиление возможностей в сотрудничестве командования североамериканской воздушно-космической обороны с Канадой и повышение осведомленности об общих морских владениях.

Для обеспечения целей и задач Стратегии обороны военное ведомство США планирует использовать три взаимосвязанных подхода: сдерживание, проведение кампаний и создание преимущества. Все отражает восприятие современных мировых политических процессов военно-политическим руководством США и их стремление оказать влияние на трансформацию современного мирового порядка. Данные вопросы нашли отражение в документах стратегического планирования блока НАТО, являющегося важнейшим инструментом реализации интересов США в евроатлантическом регионе.

* * *

Так же как и документы стратегического планирования США, документы НАТО в последние годы претерпели существенную корректировку. В июне 2022 года была принята Стратегическая концепция НАТО, определяющая основные параметры и перспективы деятельности альянса на ближайшее десятилетие.

Ее наиболее значимая специфика, в отличие от предшествующего аналогичного документа — Стратегической концепции 2010 года, определяется тем, что она рассматривает Российскую Федерацию не в качестве стратегического партнера, как это было ранее, а как «самую значительную и прямую угрозу для безопасности союзников, мира и стабильности в евроатлантическом регионе».

Следует отметить, что определение России в качестве «главной угрозы» в натовских документах появилось задолго до проведения Специальной военной операции на Украине и современного этапа эскалации украинского кризиса. Так, в уже докладе «НАТО-2030: совместно в новую эру», представленном «группой мудрецов» альянса в ноябре 2020 года, отмечалось «кардинальное изменение обстановки в сфере безопасности» с момента принятия действующей стратегической концепции (2010). При этом Россия на ближайшее десятилетие показана в качестве основного источника угроз на Евроатлантическом пространстве» [7].

Таким образом, определение России в подобном качестве — это логическое следствие проводимой военно-политическим руководством альянса политики расширения и приближения его военной инфраструктуры к границам Российской Федерации, активизировавшейся после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года.

Сама же Украина, а также спровоцированный США и их союзниками украинский кризис, стали поводом для разработки новых подходов к обеспечению деятельности альянса и обоснования его новой роли в трансформирующемся мировом порядке. Поэтому заявленные в преамбуле Концепции положения о значимости сильной, независимой Украины для стабильности евроатлантического региона могут быть отнесены к категории декларативных моментов, ничего общего не имеющих с реальным восприятием ее международной субъектности.

В качестве же ключевой цели НАТО определено обеспечение коллективной обороны, основанной на подходе кругового обзора («360 градусов»). В Концепции определены три основные задачи Североатлантического союза: сдерживание и оборона; предотвращение кризисов и кризисное регулирование; безопасность на основе сотрудничества. По замыслу авторов Концепции эти задачи дополняют друг друга в целях обеспечения коллективной обороны и безопасности всех государств-членов [8].

Новацией в Концепции НАТО 2022 года являются определение в качестве целей поощрение надлежащего управления и учет проблематики изменения климата, а также содействие гендерному равенству. Но все же основными в ней выступают вопросы стратегического сдерживания прежде всего России и, как это определено в американских документах стратегического планирования, Китая.

Особое внимание в Концепции уделено Российской Федерации и обоснованию признания ее наиболее существенной и прямой угрозой безопасности государств-членов НАТО, а также миру и стабильности в евроатлантическом регионе. К категории значимых обвинений относятся претензии к России в том, что ее военный потенциал, риторика и доказанная готовность использовать силу для достижения своих политических целей подрывают основанный на правилах международный порядок [8].

Цель Российской Федерации, по мнению авторов Концепции, заключается в дестабилизации стран к востоку и югу от НАТО. На Крайнем Севере ее способность нарушить усиление стран НАТО и свободу судоходства через Северную Атлантику является стратегическим вызовом Североатлантическому союзу. Нарастание военной мощи, в том числе в регионах Балтийского, Черного и Средиземного морей, наряду с ее военной интеграцией с Белоруссией, бросает вызов безопасности и интересам НАТО. Все это определяет масштабы опасности России для альянса.

При этом отмечается, что НАТО не стремится к конфронтации и не представляет никакой угрозы для Российской Федерации, более того, альянс готов поддерживать открытыми каналы связи для управления рисками и их снижения, предотвращения эскалации и повышения прозрачности. Данные положения отличаются от американской Стратегии 2022 года и, скорее всего, свидетельствуют о неготовности европейских лидеров взять на себя ответственность за курс на конфронтацию с Россией.

Важной особенностью Концепции является декларирование положений о вовлеченности НАТО в процессы, происходящие за пределами сфер его ответственности. Так, несмотря на то, что сам по себе альянс носит региональный характер и определяет в качестве сферы своей ответственности евроатлантический регион, новая Стратегическая концепция затрагивает и глобальные аспекты.

В разделе «Стратегическая обстановка» авторами Концепции выражается озабоченность растущим влиянием Китая в мире, его намечающимся лидерством в сфере высоких технологий и применением инструментов «мягкой силы» (масштабные инвестиции в европейскую инфраструктуру, экономическое давление). Особое опасение у НАТО вызывает наращивание ядерного потенциала КНР, а также активное российско-китайское военно-техническое сотрудничество. Примечательно, что в Концепции Китай определяется не как угроза, а как «системный вызов для ценностей, безопасности и интересов членов Североатлантического союза» и современного миропорядка в целом. Вследствие этого, «сдерживание» Китая предполагается в космосе и киберпространстве, а также на политической и дипломатической арене.

Например, Концепцией декларируется стремление руководства альянса «повышать нашу общую осведомленность, укреплять нашу устойчивость и готовность, а также осуществлять защиту от используемых КНР тактики принуждения и попыток расколоть Североатлантический союз. Мы будем отстаивать наши общие ценности и основанный на правилах международный порядок, включая свободу судоходства».

Помимо заявленных угроз, вызовов и рисков со стороны России и Китая, в Концепции также отражены проблемные вопросы, связанные с потенциальным противостоянием в киберпространстве, внедрением и исполь-

зованием конкурентов и противников технологий, способных ограничить доступ к космосу и свободу действий в нем, а также в целом возможное технологическое превосходство над странами альянса. При этом внимание акцентируется на военной составляющей данной проблемы, поскольку перевес в технологической сфере все больше влияет на успех на поле боя [8].

В разделе «Цели и задачи НАТО» определяются меры по:

- наращиванию оборонного потенциала альянса;
- повышению коллективной готовности, оперативности и способности к развертыванию сил;
- укреплению потенциала и осведомленности об обстановке для сдерживания и защиты от всех угроз в морской среде;
- ускорению цифровой трансформации и адаптации органов военного управления НАТО к информационному веку;
- инвестированию в способность осуществлять подготовку, сдерживание и защиту от используемых в целях принуждения политических, экономических, энергетических и других гибридных приемов государствами и негосударственными субъектами [8].

Эти и другие меры, по замыслу авторов Концепции, способны гарантировать безопасность стран-членов альянса.

Особое внимание в Концепции уделено ядерному потенциалу НАТО — ядерным силам США, Соединенного Королевства и Франции, рассматриваемых в качестве гаранта безопасности альянса. В данной сфере предполагается реализация комплекса мер обеспечения эффективности и защищенности миссии ядерного сдерживания. Причем сами меры в данном документе не раскрываются. Аналогичным образом предполагается инвестирование в защиту от химических, биологических, радиологических угроз.

Рассматриваются и другие направления деятельности альянса. В целом же, позиционируя НАТО в качестве оборонительного блока, авторы Концепции уделили значительное внимание деятельности за пределами так называемой «зоны ответственности» — территории стран-членов альянса.

В частности, в разделе «Безопасность на основе сотрудничества» заявляется, что расширение НАТО стало историческим успехом и, соответственно, этот процесс — вовлечение в альянс других стран — будет продолжен. Прежде всего это касается Украины, Грузии, Боснии и Герцеговины, так как Западные Балканы и Черноморский регион объявлены зоной стратегического интереса альянса. Помимо этого, Концепция затрагивает развитие отношений с регионами Ближнего Востока, Северной Африки и Сахеля. Отмечается также значимость для НАТО Индо-Тихоокеанского региона, как непосредственно влияющего на евроатлантическую безопасность. Заявлено о готовности альянса комплексно задействовать политические, экономические и военные инструменты для урегулирования конфликтов. Предполагается расширять географические рамки применения объединенных

вооруженных сил и активно привлекать третьи страны к антикризисной деятельности.

Таким образом, альянс в инициативном порядке определил для себя миссию «обеспечения мира и безопасности» уже на глобальном уровне и, соответственно, участия в процессах трансформации современного мирового сообщества.

В целом же анализ вышеперечисленных документов свидетельствует о новом этапе осмысления и стратегического планирования деятельности военно-политического блока НАТО, возглавляемого США, ориентированных на активное участие в трансформации современного мирового порядка и восстановлении своей лидирующей роли в мировом сообществе.

Список литературы

1. Interim National Security Strategic Guidance. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 22.04.2023).
2. National Security Strategic. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 22.04.2023).
3. Новая «Стратегия национальной безопасности» США: в шаге от ракетно-ядерного конфликта. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20221021935-bapMC.html> (дата обращения: 22.04.2023).
4. Background Press Call by Senior Administration Officials Previewing the U.S. Strategy Toward Sub-Saharan Africa. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2022/08/07/background-press-call-by-senior-administration-officials-previewing-the-u-s-strategy-toward-sub-saharan-africa>.
5. National Strategy for the Arctic Region. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10.pdf> (дата обращения: 22.04.2023).
6. Background Press Call by Senior Administration Officials Previewing the U.S. Strategy Toward Sub-Saharan Africa. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2022/08/07/background-press-call-by-senior-administration-officials-previewing-the-u-s-strategy-toward-sub-saharan-africa> (дата обращения: 22.04.2023).
7. Рябов К. Инициатива НАТО-2030. Старые угрозы и новые стратегии. URL: <https://topwar.ru/183173-iniciativa-nato-2030-starye-ugrozy-i-novye-strategii.html?ysclid=lifw72bcy0900911607> (дата обращения: 22.04.2023).
8. Стратегическая концепция НАТО 2022 года. Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА США И ИХ СОЮЗНИКОВ ПРОТИВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье на основе теории гибридной войны выяснен характер конфликтов на Украине в контексте проведения специальной военной операции. Раскрыта общая цель гибридных войн США против России и стратегия для достижения данной цели. Выявлены и классифицированы формы и методы на наиболее активных фронтах гибридной войны Вашингтона против России. Автор отмечает, что происходящее на Украине — часть давно подготовленной гибридной войны, конечная цель которой заключена в сохранении гегемонии Соединенных Штатов в международной системе. Пока это не будет достигнуто, США не позволят России легко «сорваться с крючка», что является ключевым фактором препятствия прекращению огня в украинском конфликте.*

***Ключевые слова:** гибридная война, современные конфликты, специальная военная операция, Россия, США, Украина.*

HYBRID WAR OF THE UNITED STATES AND ITS ALLIES AGAINST RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

***Abstract.** Based on the theory of hybrid warfare, the author clarifies the nature of the conflicts in Ukraine in the context of the Special Warfare operation. The study reveals the overall goal of U.S. hybrid warfare against Russia and the strategy to achieve this goal, identifies and classifies the forms and methods on the most active fronts of Washington's hybrid warfare against Russia. The author notes that what is happening in Ukraine is part of a long-prepared U.S. hybrid war against Russia, the goal of which is to maintain its hegemony in the international system. Until this is achieved, the U.S. will not allow Russia to be easily «off the hook», which is a key factor in preventing a cease-fire in this conflict. **Keywords:** hybrid warfare, modern conflicts, Special Military Operation, Russia, USA, Ukraine.*

С начала XXI века гибридная война в качестве дискуссионного феномена стала одним из главных инструментов современной межгосударственной борьбы. В широком смысле данный термин включает в себя как классические военные конфликты, так и различные невоенные противостояния;

в узком смысле гибридные войны, в отличие от традиционных вооруженных конфликтов, характеризуются комплексным использованием невоенных средств.

Судя по заявлениям официальных представителей России, в дискурсе российского правительства «гибридная война» чаще используется в узком смысле. Так, в августе 2022 года секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н. Патрушев отметил, что Запад развязал против России гибридную войну и балансирует на грани открытого вооруженного конфликта [10], а в январе 2023 года глава МИД России С. Лавров заявил, что происходящее на Украине — это уже не гибридная, а настоящая война Запада с Россией [8]. Исходя из этих и других подобных высказываний, можно заключить, что вооруженный конфликт на Украине является гибридной войной в широком смысле. Однако с точки зрения узкого смысла этого термина характер происходящего на Украине варьируется: для прямых участников специальной военной операции она — пример классического общевоинского противостояния между Россией и Украиной; с позиции ее косвенных участников — это типичная гибридная война США и их союзников руками прокси, в роли которых выступают режим В. Зеленского и другие прямые участники конфликта.

Стратегия и формы гибридной войны США и их союзников против России

В целом стратегия гибридной войны США против России состоит из двух сочетающихся частей: стратегии сокрушения и стратегии измора. В ее основе лежат механизмы поэтапного усиления и эксплуатации критичности с целью ввергнуть страну в хаос, управляемый государством-агрессором. Одной из часто используемых моделей таких механизмов является планирование акции ненасильственного, а затем и силового характера вплоть до гражданской войны, как это происходило в Северной Африке и Центральной Азии.

Стратегия сокрушения принимает форму проведения подрывных операций внутри России. Типичным примером ее проявления выступают цветные революции.

Стратегия измора направлена на вовлечение страны-мишени в изнуряющие военные расходы путем провоцирования локальных конфликтов в стратегически важных регионах, проведения у ее границ подстрекательских военных учений и развертывания дестабилизирующих систем оружия. Как правило, она рассчитана на продолжительное время. Одной из ее важных составляющих является формирование удушающих колец гибридной войны.

Прежде всего данная стратегия осуществляется в ближнем зарубежье. Здесь НАТО, как главный инструмент антироссийских провокаций,

непрерывно наращивает военное давление на Россию, поэтапно усиливая силы и средства передового базирования в восточной части территории Североатлантического союза. В настоящее время завершается развертывание второго позиционного района стратегической ПРО США в Польше; целенаправленно осуществляется дестабилизация обстановки по периметру границ России на Украине, на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Одновременно операции развертываются и на дальних подступах со значительными экономическими и военно-политическими интересами Российской Федерации: на Балканах, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии [3, с. 5–20].

В сложившихся условиях наиболее активно осуществляется уже упомянутое военное, а также экономическое и информационно-психологическое давление, в котором задействована целая коалиция стран в составе США и их союзников. С учетом данного и некоторых не менее явных обстоятельств и признаков надо отметить, что наступательный и оборонительный подход гибридной войны, продемонстрированный США и Россией в контексте специальной военной операции (далее — СВО), уже является новейшим и практически беспрецедентным наглядным материалом для исследования стратегии и контрстратегии гибридной войны.

* * *

Военное давление США на Россию осуществляется в основном следующим образом:

Во-первых, направлением усилий на разрушение системы контроля над вооружениями с целью открытия «клапана» гонки вооружений с вовлечением в нее России. Этим особенно активно занималась администрация бывшего президента США Д. Трампа. Так, в 2019 году Вашингтон в одностороннем порядке прервал действие Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), открыв путь к развертыванию гиперзвуковых ракет в Восточной Европе с коротким подлетным временем до Москвы. В 2020 году таким же образом были нарушены условия Договора по открытому небу. Одновременно США угрожали выйти из ДВЗЯИ — Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний [2, с. 10–31].

Во-вторых, прямыми военными провокациями, включая размещение американских вооруженных сил в Европе и усиление военного присутствия НАТО в Восточной Европе, а также проведение провокационных мероприятий в виде военных учений у российских границ. Настойчиво расширяя военное присутствие в Европе, по состоянию на март 2022 года Соединенные Штаты располагают здесь 100-тысячным контингентом военнослужащих [11]. Несмотря на благостные декларации Вашингтона о защите Европы, его очевидная цель — подавление России военными средствами. С развертыванием системы ПРО в Восточной Европе и второго позиционного района стратегической ПРО отдельно в Польше вся европейская

часть России станет мишенью для американских крылатых ракет. При этом значимая часть военных провокаций Соединенных Штатов в отношении России осуществляется их союзниками и сателлитами. Здесь значительная роль принадлежит НАТО, который в последние годы постоянно увеличивает военное присутствие в своей восточной части. На саммите Североатлантического альянса в 2016 году в Варшаве союзники приняли решение о беспрецедентном по масштабам усилении присутствия НАТО на северо-востоке и юго-востоке Европы.

В 2017 году четыре многонациональные боевые группы были созданы для несения постоянного боевого дежурства в Польше, Латвии, Литве и Эстонии. С началом СВО к ним добавились еще четыре боевых группы в Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии с одновременным усилением существующих военных контингентов. При этом союзники договорились о том, чтобы при необходимости расширить их состав с батальона до бригады [15].

В-третьих, раздуванием войны и конфликтов чужими руками в виде прокси. Происходящее на Украине — живой пример этого излюбленного приема Пентагона. Одной из основных целей американской внешней политики является противодействие сближению Европы и России и формированию единой Евразии. На этой основе США всячески пытаются вбить клин в отношения между европейскими странами и Российской Федерацией вплоть до разжигания драматического конфликта, в котором Украина используется в роли плацдарма и контрагента [9].

Главные цели военных провокаций США против России заключаются в том, чтобы втянуть Россию в гонку вооружений и истощить ее (стратегия измора) так же, как в свое время был разорен и истощен Советский Союз; заставить Россию своим ответом «угрожать европейской безопасности» и тем самым усилить зависимость Европы от США и усилить солидарность стран НАТО; удовлетворить интересы своего военно-промышленного комплекса.

Как отметил Франклин К. Спинни, почти 30 лет проработавший аналитиком в Управлении анализа и оценки программ Министерства обороны США, «ВПК отчасти несет ответственность за сегодняшний российско-украинский конфликт и активно извлекает из него выгоду» [14]. Еще 60 лет назад президент США Д. Эйзенхауэр предупредил американцев об опасности развития военно-промышленного комплекса страны: «Мы должны остерегаться приобретения военно-промышленным комплексом чрезмерного влияния в правительственных органах» [17].

Это прозорливое предостережение не возымело эффекта. В США был создан комплексный «механизм наживы на чужих войнах» в виде огромного по масштабам и возможностям ВПК. В результате действия этого механизма масштабы доходов от зарубежных продаж оружия непрерывно увеличиваются.

По данным СИПРИ (Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI), военные расходы США в 2021 году составили 801 млрд долларов, что составляет 38 процентов от всех мировых расходов на вооружение. Размер этих расходов больше, чем военные затраты 9 стран, следующих по соответствующему рейтингу за Соединенными Штатами вместе взятых [19].

Последний Закон о бюджетных ассигнованиях на национальную оборону (NDAA) увеличивает оборонный бюджет США на 2023 год до рекордных 857,9 млрд долларов, при этом 10 млрд долларов предусмотрено на военную помощь Тайваню, 800 миллионов — Украине, еще 6 млрд пойдет на сдерживание России в Европе [13]. Видно, что для защиты глобальной гегемонии Вашингтон намерен воевать на два фронта: одна битва идет в Европе, а вторая, более новая, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где США развивают полным ходом Тихоокеанскую инициативу по сдерживанию (Pacific Deterrence Initiative), направленную на финансирование стратегического соперничества США с Китаем в Индо-Тихоокеанском регионе. При этом американцы пытаются спровоцировать Китай вопросом Тайваня, видимо, на неизбежный силовой ответ (как это случилось с Россией на Украине).

В европейском регионе NDAA предусматривает прежде всего продлевать и модифицировать Инициативу содействия безопасности Украины (Ukraine Security Assistance Initiative) с наращиванием военной поддержки в 2023 году. Вместе с тем в рамках финансирования Европейской инициативы сдерживания (The European Deterrence Initiative) повысится боеготовность американских военных сил в Европе. Пентагон не только наживается на региональных конфликтах, но и стимулирует своих союзников на увеличение военных бюджетов. Демонизировать своих соперников, нагнетая политические страхи и региональную напряженность с запуском очередной гонки вооружений, — это не только привычные методы реализации стратегии «соперничества великих держав» Вашингтона, но и актуальное требование развития его военно-промышленного комплекса [14].

Для Вашингтона санкции — привычный способ сдерживания своего соперника на экономическом фронте. После начала СВО Соединенные Штаты и их союзники постепенно, но неуклонно наращивают военную помощь Украине, чтобы как можно сильнее истощить российские вооруженные силы непосредственно на поле боя. По официальным данным самого Пентагона, общая сумма американской помощи украинцам с 2014 года по настоящее время достигла 32 млрд долларов, из которых 29,3 млрд было представлено с начала специальной военной операции [16]. Надо сказать, что по различным оценкам, ежедневные расходы России на СВО составляют около 1 млрд долларов в день [1]. Наряду с этим коллективный Запад наложил на нее беспрецедентные экономические санкции, которые

касаются как финансовой и торговой сферы, так и развития технических и технологических проектов.

В нынешней международной финансовой системе, возглавляемой США, ограничения в качестве высокоинтенсивной формы экономических санкций могут оказать большее воздействие, чем сокращение торговли. Не в последнюю очередь по данной причине первая волна западных санкций после специальной военной операции припала на финансовый сектор и включала в себя в частности:

- консервацию активов крупнейших российских банков и ограничение их клиринговых и финансовых возможностей;

- исключение российских банков из программы SWIFT с отрезанием России от международной финансовой системы;

- замораживание валютных резервов российского Центрального банка. По состоянию на 25 февраля 2022 года объем международных резервов России составлял 629,4 млрд, из которых около половины, находившихся в финансовой системе США и Европы, подвергнуто санкциям [5, с. 173];

- ограничение способности российского Центрального банка распоряжаться своими золотыми резервами;

- приостановка операций международных платежных систем MasterCard и Visa.

В сфере торговли энергоносителями, жизненно важной для России, реализуется эмбарго с одновременным прекращением поставок нефтегазового оборудования и необходимых для добычи и переработки углеводородов компонентов с целью перекрыть «главную артерию» экономики. Наиболее существенное влияние на реальный сектор экономики оказывает нарушение логистической цепочки, вызванное торговыми ограничениями и закрытием воздушного пространства и портов для России. Технологические санкции распространились даже на академическую, образовательную и другие интеллектуальные сферы. Так, некоторые всемирно известные журналы отказывают российским ученым в публикациях статей, практически закрыт доступ российскому научному сообществу в международную базу данных научного цитирования (Web of Science), некоторые страны, в том числе Германия, прервали с Россией исследовательские контакты.

Суть этих беспрецедентно экстремальных санкций заключается в попытке США насильственно «отсоединить» Россию от мирового сообщества, притом всесторонним образом — в политической, финансово-экономической, научно-технической и других сферах, в культурных взаимосвязях и международных делах с одной целью: чтобы изолировать ее от глобальной финансово-экономической системы с дальнейшим превращением страны в «остров в мировой экономике» и «изгоя среди цивилизованных государств».

* * *

После событий Евромайдана на Украине в 2014 году США и Россия перешли в открытую фазу информационного противостояния. На фоне специальной военной операции коллективный Запад, пользуясь своим абсолютным преимуществом в информационно-коммуникационном пространстве и интернет-технологиях, ведет ожесточенную войну против России в когнитивной сфере.

Прежде всего это выражается в блокировании информации посредством следующих методик: подавлением официальной информации на главных интернет-платформах, — YouTube объявил о глобальном запрете каналов «российских официальных СМИ», доступ к которым ограничился Мегэ в ЕС, а на платформе Twitter удаляются их посты об украинском конфликте; торпедированием информации основных российских каналов масштабными кибератаками.

По результатам исследования «Лаборатории Касперского», количество кибератак на российские организации в марте 2022 года было в восемь раз больше, чем за тот же период 2021 года [6]. 14 марта 2022 года The Guardian признала, что в кибервойне против России участвуют больше 300 тыс. хакеров по всему миру [12]. Некоторые из хакерских групп выдают себя за представителей гражданского общества, но явно имеют тесные организационные и идеологические связи с правительствами США и НАТО.

При этом информационные агрессоры втягивают Китай в кибервойну против России, чтобы обходными маневрами скрыть настоящие адреса кибератак и свалить вину на Пекин. Так, отчет о мониторинге, опубликованный 11 марта 2022 года Китайским национальным центром реагирования на чрезвычайные ситуации в Интернете (CNCERT), показывает, что с конца февраля китайский Интернет продолжает страдать от кибератак из-за рубежа. Адреса этих атак в основном указывают на США, а их главной целью является Россия [7].

Судя по всему, речь идет о запуске «кампании отключения» против России, прекращении обслуживания западных интернет-компаний на ее территории и ее исключении из Глобальной сети. В частности, компания Cogent (один из крупнейших магистральных провайдеров) отключила свою коммуникационную магистраль от российских провайдеров, компания Sectigo прекратила выдачу SSL-сертификатов в Россию, а компания Namecheap перестала поддерживать российские доменные имена.

Наряду с подобными мерами, наращиваются усилия по разжиганию антироссийских и русофобских настроений в открытой информационно-коммуникационной сети (ОТКС). Пользуясь антивоенными настроениями аудитории, подобного рода акторы фабрикуют и распространяют массивную дезинформацию, дискредитирующую Россию и ее руководство, и направленную, с одной стороны, на оказание давления на общественное мнение международного сообщества, а с другой, — на коррекцию восприятия

граждан и деморализацию армии России. Задача здесь заключается в том, чтобы превратить отдельные неустойчивые элементы общества в оппозиционеров, настроенных против действующей власти.

В качестве частного итога подобных деструктивных деяний можно сослаться на опрос американского исследовательского центра Pew Research Center, по которому на начало апреля 2022 года 70 процентов американских респондентов рассматривали Россию как врага, хотя в январе того же года эта цифра составляла 41 процент [18]. Кроме всего прочего, когнитивная война способствует эскалации санкционной войны, которая ведется против России и всего российского довольно большим числом правительств и многими международными организациями.

Заключение

Очевидно, что происходящее на Украине — часть давно подготовленной гибридной войны США против России, конечная цель которой заключается в сохранении своей гегемонии в международной политической системе. Для ее достижения осуществляется стратегия «захвата поодиночке», проявляющаяся в том, чтобы разделить главных конкурентов, а затем заставить их врасплох. Первой под удар этой стратегии попала Россия, рассматриваемая американской администрацией в качестве наиболее значительной и практически прямой угрозы безопасности коллективного Запада [15]. В дальнейшем будут установлены другие враги и потенциальные соперники, в числе которых находятся в том числе и такие страны, как Китай и Индия, которым пока — на данном этапе развития событий — определена роль наблюдателей. Гибридная война Вашингтона направлена на ликвидацию государственности Российской Федерации, ее разделение с последующим установлением частичного контроля над территорией и населением России. Путем демонизации образа России американцы намерены превратить ее в изгоя среди цивилизованных стран и тем самым покончить с одним из своих крупнейших конкурентов. Пока эта цель не будет достигнута, США не позволят России «сорваться с крючка». Исходя из данного обстоятельства нетрудно понять причины напряженности на Украине, где несмотря на тяжелые потери воюющих сторон, нет никаких признаков смягчения ситуации, а призывы к миру остаются без ответа.

Список литературы

1. Аганбегян А. Российский академик оценил стоимость военной операции в 1 млрд долларов в день // Капитал страны. 16.01.2023. URL: https://kapital-rus.ru/news/392921-rossiiskii_akademik_ocenil_stoimost_voennoi_operacii_v_1_mlr_d_dollar/ (дата обращения: 01.02.2023).
2. Арбатов А.Г. Украинский кризис и стратегическая стабильность // Полис. Политические исследования. 2022. № 4.

3. Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 10.
4. Владелец базы Web of Science объяснил отключение доступа российским вузам // РБК. 05.05.2022. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/05/2022/6273a5a39a79477cc4ad2ed9 (дата обращения: 07.05.2022).
5. Дубинин С.К. Финансовая система под давлением санкций: логика противостояния // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5.
6. «Касперский» выявил рост числа DDoS-атак на компании России в 8 раз // РБК. 28.04.2022. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/04/2022/624699a89a79473501fa15f9 (дата обращения: 01.02.2023).
7. Китайский Интернет подвергается иностранным кибератакам // Cyberspace Administration of China. 11.03.2022. URL: http://www.cac.gov.cn/2022-03/11/c_1648615063553513.htm (дата обращения: 01.02.2023) (我国互联网遭受境外网络攻击 // 中国国家互联网信息办公室. 11.03.2022. URL: http://www.cac.gov.cn/2022-03/11/c_1648615063553513.htm).
8. Лавров заявил, что Россия ведет с Западом уже не гибридную войну // РИА НОВОСТИ. 23.01.2023. URL: <https://ria.ru/20230123/rossiya-1846778090.html> (дата обращения: 28.01.2023).
9. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине // Вестник МГОУ. 2022. № 4.
10. Патрушев заявил, что Запад балансирует между гибридной войной и открытым конфликтом с РФ // ТАСС. 19.08.2022. URL: <https://tass.ru/politika/15511991> (дата обращения: 10.01.2023).
11. США довели группировку своих войск в Европе до 100 тысяч человек // ИНТЕРФАКС. 16.03.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/829578> (дата обращения: 25.01.2023).
12. 'It's the right thing to do': the 300,000 volunteer hackers coming together to fight Russia // The Guardian. 12.03.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/15/volunteer-hackers-fight-russia> (дата обращения: 01.02.2023).
13. FY23 NDAA Agreement Executive Summary // United States Senate Armed Services Committee on armed services. 12.2022. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/fy23_ndaagreement_summary.pdf (дата обращения: 06.02.2023).
14. Interview: U.S. military complex to benefit from Russia-Ukraine conflict: ex-Pentagon analyst // Xinhua. 16.03.2022. URL: <https://english.news.cn/20220316/819b5fa5927c462abae6b9a4b5d67bff/c.html> (дата обращения: 06.01.2023).
15. NATO's military presence in the east of the Alliance // NATO. 21.12.2022. URL: nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 25.01.2023).
16. Pentagon Press Secretary Brig. Gen. Pat Ryder Holds an On-Camera Press Briefing // U.S. Department of Defense. 03.02.2023. URL: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3288141/pentagon-press-secretary-brig-gen-pat-ryder-holds-an-on-camera-press-briefing/> (дата обращения: 05.02.2023).
17. President Dwight D. Eisenhower's Farewell Address // National Archives. 1961. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-dwight-d-eisenhowers-farewell-address> (дата обращения: 25.01.2023).

18. Richard Wike, Janell Fetterolf, Moira Fagan et al. Report of Pew Research Center: Seven-in-Ten Americans Now See Russia as an Enemy // Pew Research Center 06.04.2022. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2022/04/06/seven-in-ten-americans-now-see-russia-as-an-enemy> (дата обращения: 06.12.2022).
19. Tian Nan, Fleurant Aude, Kuimova Alexandra et al. Trends in World Military Expenditure 2021 // Stockholm International Peace Research Institute. 24.04.2022. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf (дата обращения: 06.12.2022).

Г.В. ТУМАНЯН
А.В. ШИРИНКИНА

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЯН В ПЕРИОД «КРЫМСКОГО» И «ДОНБАССКОГО» КОНСЕНСУСОВ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

***Аннотация.** В статье приводятся характеристики социально-политических процессов, протекавших в России в период «Крымского консенсуса» 2014 года и «Донбасского (Новоросского) консенсуса» 2022 года. Обосновывается консолидирующий характер авторитета Президента Российской Федерации и возвращения исторических территорий в состав России. Рассматривается электоральный эффект названных событий через призму региональных выборов в 2022 году, описываются избирательные закономерности. Гипотезы авторов подтверждаются социологическими исследованиями. В ходе сравнения имеющихся данных были выявлены общие закономерности, присущие этапам, предшествующим и сопутствующим консенсусам.*

***Ключевые слова:** выборы, консенсус, консолидация, избирательный процесс, электоральный процесс, президент, Донбасс, Крым.*

CONSOLIDATION OF RUSSIANS DURING THE «CRIMEAN CONSENSUS» AND «DONBAS (NOVOROS) CONSENSUS»: SOCIAL AND ELECTORAL EFFECT

***Abstract.** This article provides characteristics of the socio-political processes that took place in Russia during the period of the «Crimean consensus» in 2014 and the «Donbass (Novoros) consensus» in 2022. The consolidating nature of the authority of the President of the Russian Federation and the return of historical territories to Russia is substantiated. The article examines the electoral effect of the described events through the prism of regional elections in 2022. The hypotheses of the authors are confirmed by sociological research. While comparing the available data, general sociological patterns were identified that are inherent in the stages preceding and accompanying consensus.*

***Keywords:** elections, consensus, consolidation, electoral process, electoral process, president, Donbass, Crimea.*

ТУМАНЯН Гарник Вагинакович — член экспертного клуба «Дигория», аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва
ШИРИНКИНА Анна Вадимовна — студент факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Россия в XXI веке переживала ряд глобальных вызовов, которые оказывали воздействие как на социально-экономические и политические процессы, протекающие в государстве, так и на избирательный процесс [1, с. 34–34]. В этом контексте особую актуальность приобретает влияние на электоральный выбор граждан консолидации, в особенности той, которая была связана с воссоединением с Россией исторических территорий [2, с. 58]. В данном ракурсе довольно интересен опыт достижения общенационального консенсуса в 2014 году (вхождение в состав Российской Федерации Республики Крым) и 2022 году (вхождение в состав Российской Федерации Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области).

С момента начала исторических событий 2014 года в общественный и научный дискурс уверенно вошел термин «консенсус», который употреблялся как конструкт для описания общественных настроений [3, с. 60–75], связанных с воссоединением Крыма¹ и принял окончательную форму — «Крымский консенсус». Затем, уже в 2022 году при воссоединении территорий исторической Новороссии, он трансформировался в форму «Донецкий консенсус» или «Донбасский консенсус». Использование этого конструкта отражало события того времени. Однако, необходимо учитывать, что общественная консолидация наблюдалась не только вокруг двух регионов Донбасса, но и вокруг Херсонской и Запорожской областей, что теоретически может сформировать неправильное восприятие указанных словосочетаний как сейчас, так и в исторической перспективе. Именно поэтому авторы считают логичным и справедливым использование термина «Новоросский консенсус».

Учитывая цивилизационные особенности «русского мира», сопровождаемые консолидацией общества вокруг исторических вызовов с целью их скорейшего решения, важно внести в дискурс определенный термин, который сможет в полной мере описать эту ценностную доминанту и особенность русской нации. Таким термином может стать «Русский консенсус» или «Консенсус русского мира». Внедрение подобных терминологических конструктов в тезаурус переплетается с концепцией «пентабазиса», сформированной в 2022 году начальником Управления Президента по обеспечению деятельности Государственного совета Российской Федерации А.Д. Харичевым, членом ЦИК России А.Ю. Шутовым и группой российских ученых. Специалисты, описавшие пять факторов российской идентичности, уделили особое внимание фактору «страна», раскрывающемуся в случае России в плоскости символической политики как образ и значимая часть личного пространства человека, а также — в своем цивилизационном измерении («страна-цивилизация») — в качестве живого субъекта истории —

¹ Есть ли будущее у крымского консенсуса после выборов // Московский Комсомолец [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2016/09/04/est-li-budushhee-u-krymskogo-konsensusa-posle-vyborov.html> (дата обращения: 22.03.2023).

«социальной личности», с которой человек и гражданин имеет внутреннюю связь [4, с. 12–13]. Получается, что граждане Российской Федерации самоидентифицируются со страной, связывая себя «особой связью», позволяющей в непростые исторические периоды противостоять глобальным вызовам всей нацией.

Исходя из описываемых выше ценностных особенностей русской нации можно сказать, что появляется необходимость изучения влияния феномена общественного консенсуса на электоральные процессы. Здесь важно понимать, что консолидация происходила не только вокруг процесса воссоединения исторических территорий, но и вокруг фигуры Президента России В.В. Путина [5, с. 7].

Значимые электоральные циклы в 2014 и 2022 годах протекали на уровнях глав субъектов Российской Федерации и депутатов региональных законодательных органов власти. В плоскости выборов глав субъектов победителями оказались лица, поддержанные Президентом. А региональные парламенты преимущественно были сформированы Всероссийской политической партией «Единая Россия», которая часто характеризуется как «партия Президента» и полностью поддерживает политический курс главы государства. При этом, стоит отметить, что В.В. Путин не является членом партии и не занимает в ней какой-либо должности.

Консенсусы 2014 и 2022 годов с позиции экспертных оценок

Крымский консенсус характеризуется как первая серьезная итерация России по восстановлению глобальной справедливости и попытка трансформации существующей системы международных отношений²: «Крымский консенсус дал... не только сплочение перед лицом внешнего давления, но и уверенность в своих силах, осознание наступления нового времени»³. В обществе этот феномен рассматривался как государственное восстановление исторической справедливости [6, с. 554], а референдум в Крыму – как высшая степень проявления российской идентичности [7, с. 14].

Влияние консенсуса в период активной фазы электоральной кампании было оценено генеральным директором Центра политического анализа П.В. Данилиным следующим образом: «Мы наблюдали на этих выборах не просто обеспечение стабильности, но еще тот факт, что Крымский консенсус никуда не делся». Роль Президента в избирательном цикле характеризовалась следующим образом: «Мерилом нашей политики до сих пор является Владимир Владимирович Путин»⁴. Причем Крымский консенсус

² Крымский консенсус: политический смысл и значение // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20150324/1054181774.html> (дата обращения: 22.03.2023).

³ Что происходит с «крымским консенсусом» // Рамблер [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/other/41844577/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 22.03.2023).

⁴ «Крымский консенсус никуда не делся» — об итогах парламентских выборов // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3377366.html> (дата обращения: 22.03.2023).

не стал временным явлением, как это пытались доказать некоторые группы стейкхолдеров⁵, а продолжил существовать⁶ в объективной российской реальности вплоть до начала Донбасского (Новоросского) консенсуса 2022 года. Причем, устойчивость общественно-политической системы и самого феномена консенсуса опирается на фигуру В.В. Путина [8]. Предположительно, именно благодаря авторитету главы государства в период между двумя мощными проявлениями консенсуса страна не испытывала серьезных проявлений социальной турбулентности.

Говоря о Донбасском (Новоросском) консенсусе важно отметить, что он сформировался в первую очередь как ответ на антироссийскую политику западного блока⁷, проявления гибридной войны⁸ и распространение «культуры отмены»⁹. Несомненно, катализаторами в данной ситуации выступили боевые действия в ходе специальной военной операции [9, с. 10] и присоединение исторических российских территорий. Политолог А.А. Асафов охарактеризовал состояние в обществе как: «Явная сплоченность по отношению к Президенту и армии»¹⁰. В то же время политолог К.Н. Костин охарактеризовал феномен Донбасского (Новоросского) консенсуса как: «беспрецедентно высокий уровень консолидации вокруг Президента»¹¹. Очевидно, что значимая часть общественной консолидации стимулировалась высоким уровнем авторитета В.В. Путина [10]. Часть экспертов склонна считать, что Донбасский (Новоросский) консенсус положил начало очерчиванию контуров нового российского «общественного договора» [11, с. 9]. А ключевой резерв социально-политической консолидации российского общества и государства заключается в формировании единой национальной идеи, идеологии, устойчивых нравственных ориентиров, основывающихся на ценностях справедливости, мира, права и патриотизма [12, с. 97].

Однако, несмотря на довольно схожие характеристики и траектории, можно говорить и об отличиях консенсусов 2014 и 2022 годов. Фундамен-

⁵ Конец крымского консенсуса: чем он грозит власти? // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/379803-konec-krymskogo-konsensusa-chem-grozit-vlasti> (дата обращения: 22.03.2023).

⁶ Политолог: в Госдуме есть главное — «Крымский консенсус» // ДУМАТВ [Электронный ресурс]. URL: <https://dumatv.ru/news/politolog-v-gd-est-glavnoe--krimskii-konsensus> (дата обращения: 22.03.2023).

⁷ «Донбасский консенсус»: Запад не смог расколоть Россию // Правда.Ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/politics/1705700-konsensus/> (дата обращения: 22.03.2023).

⁸ «Донбасский консенсус»: российское общество сплотилось в ответ на санкции Запада // Комсомольская Правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27388/4582501/> (дата обращения: 22.03.2023).

⁹ Народное обещание. Политологи и социологи проанализировали «донбасский консенсус» // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5340245> (дата обращения: 22.03.2023).

¹⁰ Эксперты: В российской политике сформировался «донецкий консенсус» // Взгляд [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2022/4/28/1156180.html> (дата обращения: 22.03.2023).

¹¹ Как «донбасский консенсус» повлияет на выборы в России — эксперты // РИА Новости Крым [Электронный ресурс]. URL: <https://crimea.ria.ru/20220706/kak-donbasskiy-konsensus-povliyaet-na-vybory-v-rossii-eksperty-1123765402.html> (дата обращения: 22.03.2023).

тальное различие было сформулировано директором по политическому анализу Института социального маркетинга А. Рудаковым: «Сложившийся сегодня в России «донбасский консенсус», обладая несомненным сходством с «крымским консенсусом» по своему мировоззренческому вектору, имеет несколько иную психологическую основу. Он базируется не столько на позитивном эмоциональном переживании исторического момента, сколько на осознанной и устойчивой убежденности в правильности выбранного пути»¹².

Влияние Донбасского (Новоросского) консенсуса на электоральный процесс в сентябре 2022 года обсуждалось как политическим, так и экспертным сообществом. Однако, особого внимания заслуживает оценка этого феномена со стороны самих организаторов выборов в лице председателя ЦИК России Э.А. Панфиловой: «Хотелось бы выделить самое главное в отношении наших партий. Несмотря на политические, идеологические, социально-экономические и другие различия между ними, они — за исключением, может быть, единственного, ничтожного исключения, — все оказались солидарны в одном — в поддержке специальной военной операции, в желании внести посильный свой вклад в нашу победу, неизбежную победу, потому что за нами правда, за нами справедливость, и все нормальные люди, народ, в этом уверены. Это очень важно. Все понимают, в основном все понимают, что сейчас как никогда важно единство людей. Важно собраться нам всем в кулак, чтобы победить тех, кто практически завел человечество в тупик, лишив его вообще возможности естественного развития. То есть человечеству оставлен ими один путь — деградация. И понятно, что Россия возглавляет процесс вывода из этого тупика, и все люди, не только в России, многие это понимают. Я думаю, что в этом наша сила. И я хочу поблагодарить представителей наших политических партий за то, что они в этом едины»¹³.

Влияние консенсуса 2022 года на электоральный процесс

С целью изучения влияния общественной консолидации вокруг присоединения исторических территорий и курса Президента на электоральный процесс нами рассмотрены результаты ключевых избирательных кампаний в 2022 году. А именно — избрание глав субъектов Российской Федерации в 15 регионах (в 14 регионах выборы прошли через прямое голосование, в одном регионе через голосование в парламенте субъекта Федерации); выборы в региональные законодательные органы власти в 6 субъектах

¹² Донбасский консенсус: феномен сплочения российского общества // ЭИСИ [Электронный ресурс]. URL: <https://eisir.ru/news-and-announcements/donbasskiy-konsensus-fenomen-splocheniya-rossiyskogo-obshchestva/> (дата обращения: 22.03.2023).

¹³ Встреча с Председателем Центризбиркома Эллой Памфиловой // Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69184> (дата обращения: 22.03.2023).

Федерации и выборы в 125 Советах депутатов муниципальных образований города Москвы.

В таблице 1 приведены итоги голосования на выборах высших должностных лиц субъектов Федерации за 2022 год. Кандидаты, являющиеся представителями партий или самовыдвиженцами, представлены в ней следующими условными сокращениями: ЕР – Всероссийская политическая партия «Единая Россия»; КПРФ – Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»; ЛДПР – Политическая партия ЛДПР – Либерально-демократическая партия России; НЛ – Политическая партия «Новые люди»; СРЗП – Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»; ДР – Политическая партия «Демократическая партия России»; Р – Всероссийская политическая партия «Родина»; ПП – Политическая партия «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость»; КР – Политическая партия Коммунистическая партия коммунисты России; ПР – Всероссийская политическая партия «Партия роста»; С – самовыдвиженец.

Таблица 1

Итоги голосования на выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации за 2022 год

№	Наименование должности	Кандидат	Число набранных голосов в %
1	Глава Республики Бурятия	Алексей Цыденов (ЕР)	86,23
		Виктор Малышенко (КПРФ)	7,12
		Сергей Дорош (ЛДПР)	2,66
		Семен Матхеев (НЛ)	2,35
2	Глава Республики Карелия	Артур Парфенчиков (ЕР)	69,15
		Андрей Рогалевич (СРЗП)	13,41
		Евгений Ульянов (КПРФ)	12,64
		Анатолий Дударин (ДР)	1,65
		Иван Кадаяс (Р)	0,61
3	Глава Республики Марий Эл	Юрий Зайцев (С)	82,44
		Антон Мирбадалев (ЛДПР)	7,90
		Наталия Глущенко (СРЗП)	5,76
		Валентина Злобина (ПП)	2,28
4	Глава Удмуртской Республики	Александр Бречалов (ЕР)	64,37
		Александр Сыров (КПРФ)	19,79
		Тимур Ягафаров (ЛДПР)	9,79
		Вадим Белоусов (СРЗП)	3,31

5	Губернатор Владимирской области	Александр Авдеев (ЕР)	83,68
		Антон Сидорко (КПРФ)	6,53
		Сергей Корнишов (ЛДПР)	3,35
		Сергей Бирюков (СРЗП)	2,46
		Александр Субботин (ПР)	2,01
6	Губернатор Калининградской области	Антон Алиханов (ЕР)	80,21
		Евгений Мишин (ЛДПР)	6,40
		Максим Буланов (КПРФ)	4,88
		Юрий Шитиков (СРЗП)	3,74
		Владимир Вуколов (ПП)	1,46
		Владимир Султанов (КР)	1,32
7	Губернатор Кировской области	Александр Соколов (ЕР)	71,85
		Сергей Мамаев (КПРФ)	13,42
		Владимир Понарьев (ЛДПР)	6,13
		Федор Лугинин (Р)	4,69
		Юрий Моисеев (КР)	1,55
8	Губернатор Новгородской области	Андрей Никитин (ЕР)	77,03
		Ольга Ефимова (КПРФ)	10,99
		Алексей Чурсинов (ЛДПР)	4,43
		Алексей Прокопов (ПП)	2,56
		Сергей Шруб (СРЗП)	2,50
9	Губернатор Рязанской области	Павел Малков (ЕР)	84,55
		Денис Сидоров (КПРФ)	5,68
		Дмитрий Репников (ЛДПР)	3,60
		Наталья Рубина (ПП)	2,68
		Григорий Парсентьев (СРЗП)	2,21
10	Губернатор Саратовской области	Роман Бусаргин (ЕР)	72,36
		Ольга Алимова (КПРФ)	14,30
		Артем Чеботарев (СРЗП)	5,76
		Дмитрий Пьяных (ЛДПР)	4,51
		Александр Ванцов (Р)	2,13
11	Губернатор Свердловской области	Евгений Куйвашев (ЕР)	65,78
		Александр Ивачев (КПРФ)	12,90
		Андрей Кузнецов (СРЗП)	9,15
		Александр Демин (НЛ)	6,47
		Александр Каптюг (ЛДПР)	3,17

12	Глава Тамбовской области	Максим Егоров (ЕР)	84,95
		Андрей Жидков (КПРФ)	6,77
		Павел Плотников (СРЗП)	3,32
		Олег Морозов (ЛДПР)	2,42
		Сергей Малинкович (КР)	1,53
13	Губернатор Томской области	Владимир Мазур (ЕР)	84,94
		Галина Немцева (СРЗП)	6,08
		Андрей Петров (КПРФ)	5,31
		Виктор Гринев (ПП)	2,11
14	Губернатор Ярославской области	Михаил Евраев (С)	82,31
		Михаил Парамонов (КПРФ)	6,14
		Владимир Смирнов (ЛДПР)	4,17
		Игорь Милорадов (КР)	3,42
		Константин Тукаев (ПП)	2,09

Результаты голосования говорят о победе в 12 из 14 регионов представителей политической партии «Единая Россия» и двух самовыдвиженцев, причем все эти кандидаты в ходе кампании были поддержаны Президентом Российской Федерации. Более того, практически во всех регионах высшие должностные лица выиграли кампанию с более чем 70 процентами голосов избирателей. Исключением стали всего 3 региона: Свердловская область, республики Карелия и Удмуртия, где победители получили от 64,37 процента до 69,15 процента голосов, что также является впечатляющим результатом.

Стоит отдельно рассмотреть голосование в парламенте Республики Адыгея по вопросу избрания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. В ходе голосования М.К. Кумпилов, являющийся представителем политической партии «Единая Россия» был избран единогласно 49 присутствовавшими депутатами (один парламентарий отсутствовал) Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея.

В таблице 2 приведены итоги выборов депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации в 2022 году. Учитывая, что в одном регионе (Республика Северная Осетия — Алания) выборы проходили по пропорциональной системе, а в 5 других регионах — по смешанной, мы указали здесь не число голосов, поданных за партии, а итоговое количество полученных партиями мандатов. Важно иметь в виду, что партии, не представленные в таблице, не смогли пройти региональные пороги, что априори говорит об их слабой общественной поддержке.

Таблица 2

**Итоги голосования на выборах депутатов законодательных органов
субъектов Российской Федерации за 2022 год**

№	Наименование законодательного органа власти	Партии	Количество полученных мандатов
1	Парламент Республики Северная Осетия – Алания	Единая Россия	51
		СРЗП	10
		КПРФ	9
2	Государственный Совет Удмуртской Республики	Единая Россия	49
		ЛДПР	4
		КПРФ	3
		СРЗП	2
		Партия Родина	1
		Самовыдвиженец	1
3	Законодательное Собрание Краснодарского края	Единая Россия	62
		ЛДПР	3
		КПРФ	2
		СРЗП	2
		Партия Роста	1
4	Законодательное собрание Пензенской области	Единая Россия	32
		КПРФ	2
		ЛДПР	2
5	Саратовская областная Дума	Единая Россия	29
		КПРФ	5
		ЛДПР	2
		СРЗП	2
		Новые Люди	1
		Партия Родина	1
6	Сахалинская областная Дума	Единая Россия	21
		КПРФ	2
		Новые Люди	2
		ЛДПР	1
		Партия Пенсионеров	1
		СРЗП	1

Данные таблицы показывают, что представители политической партии «Единая Россия» получили большинство мандатов в парламентах субъектов Российской Федерации во всех регионах, где проходили избирательные кампании. Таким образом, ЕР получила суммарно 244 мандата; второй по популярности оказалась партия КПРФ, получившая 23 мандата; третье место занимает СРЗП с 17 мандатами; далее следуют ЛДПР с 12 мандатами

и партия «Новые люди», получившая всего 3 мандата. Остальные партии и самовыдвиженцы отмечены 1–2 мандатами.

Примечательны итоги выборов в Советы депутатов муниципальных образований города Москвы, которые прошли в 125 из 146 муниципальных образований субъекта. В ходе выборов кандидаты боролись за 1417 мандатов. Так как столичное население политически более активно, чем региональное, а политические предпочтения жителей субъекта Российской Федерации подвержены быстрым изменениям, попытаемся сравнить итоги голосования 2022 года с электоральным циклом 2017 года (таблица 3). Такое сравнение может наглядно показать изменения политической карты и поможет обосновать влияние общенационального консенсуса на электоральный процесс.

Таблица 3

Итоги голосования на выборах в Советы депутатов муниципальных образований города Москвы за 2017 и 2022 годы

№	Партия	Количество полученных мандатов в 2017 г.	Количество полученных мандатов в 2022 г.
1	Единая Россия	1153	1160
2	Мой район	0	134
3	КПРФ	44	41
4	Самовыдвижение	108	25
5	СРЗП	10	20
6	Новые люди	0	20
7	ЛДПР	4	12
8	Яблоко	176	4
9	Коммунисты России	0	1

Данные таблицы 3 свидетельствуют о широкой поддержке гражданами партии «Единая Россия», хотя ее электорат за указанный период возрос незначительно.

Однако, по таблице видно, что партия «ЯБЛОКО» сильно потеряла поддержку граждан, сократив общее количество мандатов со 176 до 4. Ее избирательная кампания была основана на антивоенных настроениях, порицании специальной военной операции и активном противопоставлении собственной деятельности политике Президента России. В условиях СВО, такой подход лишил эту партию не только части существующего электората, но и многих потенциальных избирателей, относящихся к протестной части населения.

В то же время в рамках данного избирательного цикла появились новые игроки — движение «Мой район» и партия «Новые люди». Эти политические организации показали значительные результаты на первых же выборах, набрав 134 и 20 мандатов. В два и более раза улучшили свои позиции

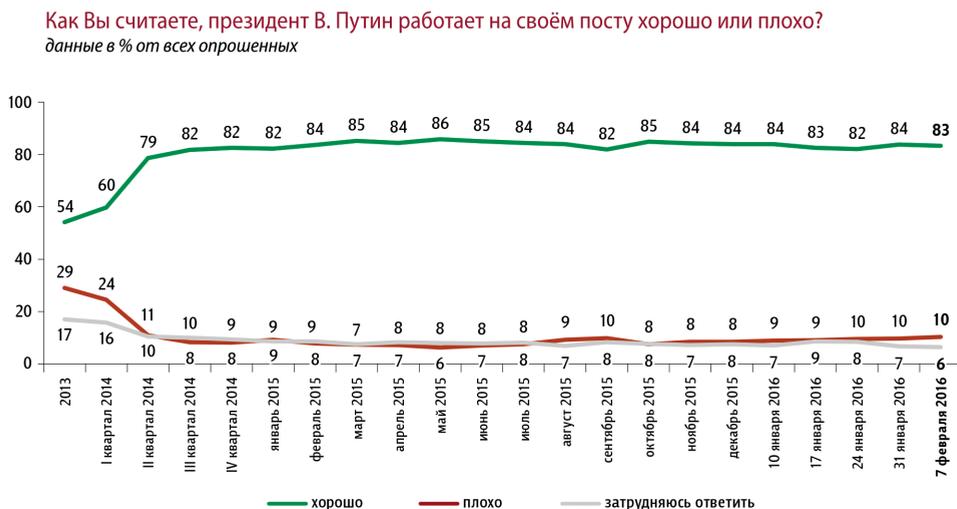
партии СРЗП и ЛДПР, получившие 20 и 12 мандатов. Уменьшение количества самовыдвиженцев, добившихся мандатов на муниципальных выборах, продолжает тенденцию последних избирательных циклов.

Таким образом, на представленных примерах заметно влияние консолидации граждан на итоги выборов различных уровней. Причем поддержка населением политического курса Президента прямо сказывается на увеличении поддержки «Единой России» и кандидатов-самовыдвиженцев, поддерживаемых партией или В.В. Путиным.

Консенсусы 2014 и 2022 годов в ракурсе социологических исследований

В условиях общенациональной консолидации 2014–2023 годов на конкретных примерах социологических замеров можно рассмотреть изменение отношения граждан к работе главы государства. К примеру, в данных исследований Фонда «Общественное мнение», представленных на рисунке 1, показано резкое повышение оценки деятельности Президента Российской Федерации после начала событий по присоединению Республики Крым.

Рисунок 1

Оценка работы Президента Российской Федерации за 2013–2016 годы.

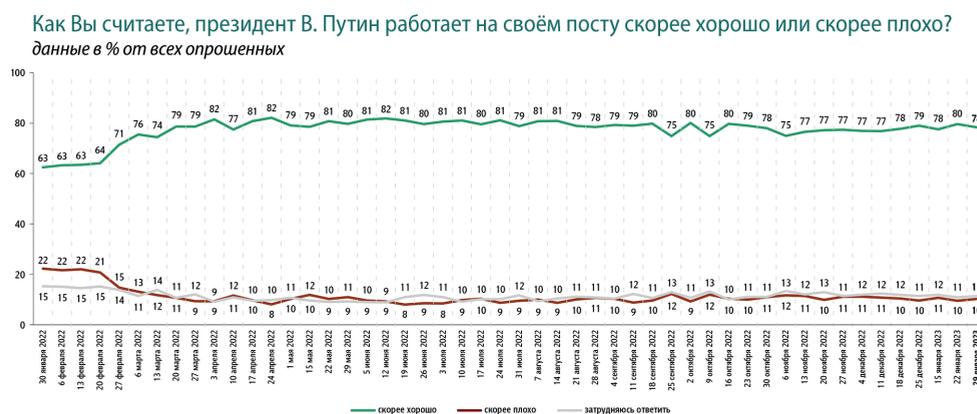
Источник: Фонд «Общественное мнение»¹⁴

¹⁴ Политические индикаторы 11.02.2016 // База данных ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://bd.fom.ru/pdf/d05ind16.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

На рисунке виден рост удовлетворенности респондентов деятельностью Президента в течение 2014 года. Если за 2013 год этот показатель составлял 54 процента, то в первом квартале 2014 года, когда начал формироваться Крымский консенсус, показатель вырос до 60 процентов, а ко второму кварталу он составил 79 процентов. В течение 2014 и 2015 годов он только рос, достигнув максимальной отметки в 86 процентов. Примечательно, что параллельно с ростом уровня удовлетворенности деятельностью главы государства стремительно снижался уровень негативных оценок его деятельности. Таким образом, уровень неудовлетворенности граждан деятельностью Президента с 29 процентов в 2013 году упал до рекордно низких 9 процентов в 2014 году и 7 процентов в 2015 году.

Похожие данные присутствуют в замерах Фонда «Общественное мнение» за 2022–2023 годы.

Рисунок 2

Оценка работы Президента РФ за 2022–2023 годы.

Источник: Фонд «Общественное мнение»¹⁵

На рисунке 2 показан рост уровня удовлетворенности деятельностью Президента Российской Федерации, практически аналогичный тенденциям 2014 года. Если в феврале 2022 года показатель находился на уровне 63 процентов, то к середине марта 2022 года он вырос до 79 процентов и продолжил рост до уровня 82 процентов. А негативные оценки деятельности главы государства снились с 22 процентов в начале 2022 года до 11 процентов к середине марта, — нижним пороговым значением стала цифра в 8 процентов.

¹⁵ Доминанты. Поле мнений. Выпуск 4 // ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Dominanty/14832> (дата обращения: 22.03.2023).

По данным исследовательской организации «Левада-Центр»* относительно одобрения гражданами деятельности Президента ситуация, идентична обозначенным тенденциям (таблицы 4 и 5).

Таблица 4

Уровень одобрения гражданами деятельности Президента Российской Федерации за 2013–2014 годы и 2021–2022 годы¹⁶

Месяц	2013 год (в %)	2014 год (в %)	2021 год (в %)	2022 год (в %)
Январь	62	65	64	69
Февраль	65	69	65	71
Март	63	80	63	83
Апрель	63	82	65	82
Май	64	83	67	83
Июнь	63	86	66	83
Июль	65	85	64	83
Август	63	84	61	83
Сентябрь	64	86	64	77
Октябрь	64	88	67	79
Ноябрь	61	85	63	79
Декабрь	65	85	65	81
Среднегодовое значение	63,5	81,5	64,5	79,4

Для сравнения взяты 2014 и 2022 годы, когда произошли консолидирующие исторические события относительно предшествовавших лет. Данные таблицы показывают, как менялся уровень одобрения деятельности Президента на протяжении всего года. Резкие повышения показателей говорят о высоком уровне гражданского сплочения и поддержке действий главы государства.

Если обратить внимание на среднегодовые значения, то можно заметить, что в 2013 и 2021 годах они были практически идентичны и находились на уровнях 63,5 процента и 64,5 процента. По итогам 2014 и 2022 годов на фоне общественной консолидации среднегодовые значения также практически равномерно повысились, составив 81,5 процента и 79,4 процента. Получается, что в 2014 году по отношению к 2013 году среднегодовой уровень одобрения повысился на 18 процентов, а в 2022 году по отношению к 2021 году — на 14,9 процента. Разница в показателях за 2014 и 2022 годы составила 3,1 процента, что могло стать итогом менее благоприятной геополитической обстановки, вызванной интенсивными боевыми действиями и беспрецедентным санкци-

* Некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹⁶ Одобрение органов власти // Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения: 22.03.2023). Некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента.

онным давлением. Необходимо брать во внимание и активную «гибридную войну», развязанную межгосударственными блоками против России. Главная особенность этого противостояния состоит в усилении технологий и механизмов «информационной войны», что, непосредственно, негативно влияет на настроения граждан и их прагматичные оценки действительности.

Таблица 5

Уровень неодобрения гражданами деятельности Президента Российской Федерации за 2013–2014 годы и 2021–2022 годы¹⁷

Месяц	2013 год (в %)	2014 год (в %)	2021 год (в %)	2022 год (в %)
Январь	37	34	34	29
Февраль	34	30	34	27
Март	36	18	35	15
Апрель	37	17	33	17
Май	35	16	32	15
Июнь	35	13	32	16
Июль	35	14	35	15
Август	36	15	37	15
Сентябрь	35	14	34	21
Октябрь	35	11	33	19
Ноябрь	37	14	35	18
Декабрь	34	14	34	17
Среднегодовое значение	35,5	17,5	34	18,7

Данные показывают (таблица 5), что в 2013 и 2021 годах среднегодовые уровни недовольства граждан деятельностью главы государства были практически на одном уровне — 35,5 процента и 34 процента. Уже через год, когда произошли консолидирующие события в 2014 и 2022 годах, уровень неодобрения снизился до 17,5 процента и 18,7 процента. Причем, статистически цифры завышаются в обще годовом выражении (за 2014 и 2022 годы) по причине высоких показателей в январе-феврале.

Это свидетельствует о том, что рассматриваемые исторические периоды сопровождалась серьезными изменениями общественного мнения, существенным образом сказываясь на уровне доверия к главе государства и уровне одобрения его деятельности. Одновременно уровень поддержки гражданами других политиков показывал падение¹⁸. Данные, представленные в вышеприведенных таблицах, подтверждают гипотезу о наличии общенационального консенсуса, выработанного в ходе исторических событий 2014 и 2022 годов.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Политические индикаторы 11.02.2016 // База данных ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://bd.fom.ru/pdf/d05ind16.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

Заключение

Русская цивилизация доказала, что в периоды сложных исторических преобразований и глобальных вызовов она сплачивается с целью самосохранения и преодоления сложностей. Процессы, которые мы наблюдали в 2014 году, а затем и в 2022 году, стали итогом беспрецедентной антироссийской активности западного блока. Россия не переживала таких вызовов со времен распада СССР, а тренды глобализации и индивидуализации могли негативно сказаться на традиции консолидации русского народа. Однако, несмотря на существенное влияние зарубежных цивилизаций и культур на российскую идентичность, она не претерпела изменений в части традиционного общенационального сплочения с целью решения глобальных вызовов.

В этом вопросе особая роль отводится возвращению исторических российских территорий и фигуре Президента. Оба фактора становятся базисом и скрепляющим материалом, которые позволяют заинтересованным сторонам взаимодействовать с властью во имя достижения единых задач.

Несмотря на непростые исторические периоды и появление определенных сложностей в части гарантий безопасности, государство не перестает обеспечивать конституционные права граждан и соблюдает электоральное законодательство. Выборы проходят в штатном режиме. В этом большая заслуга организаторов избирательного процесса, которые добиваются своевременного проведения выборов в условиях глобальной конфронтации так же профессионально и со знанием дела, как они решали вопросы непрерывности избирательного процесса во время пандемии коронавирусной инфекции.

Список литературы

1. Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: признаки будущего доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 5. DOI 10.15838/esc.2022.5.83.2.
2. Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя – восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2.
3. Бызов Л.Г. Национальный консенсус или общественная аномалия? Об особенностях массового сознания в посткрымской России // Свободная мысль. 2015. № 4.
4. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. № 3. DOI 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19.
5. Шатилов А.Б. «Крымский консенсус» российской элиты: причины и последствия // Гуманитарные науки. Вестник Финансового Университета. 2015. № 2.

6. Цыкунов Г.А. Историко-правовые основания вхождения Крыма в состав Российской Федерации // Известия Байкальского государственного университета. 2015. № 3.
7. Капицын В.М. Референдум в Крыму 16 марта 2014 г. и апгрейд российской идентичности // Русская политология. 2017. № 1.
8. Воржецов А.Г. Проблемы консолидации современного российского общества // Власть. 2016. № 7.
9. Ильин В.А., Морев М.В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 5. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1.
10. Попов Н.П. Общественное мнение в России, США и на Украине о спецоперации // Россия и Америка в XXI веке. 2022. № 2. DOI 10.18254/S207054760019828-7. EDN ESENJC.
11. Ильин В.А., Морев М.В. В стране формируются контуры нового Общественного договора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 6. DOI 10.15838/esc.2022.6.84.1.
12. Шушпанова И.С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. № 4. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.8.

ПРИЧИНЫ НЕДЕМОКРАТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СТРАНОЙ ПРИ ПОЛНОСТЬЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ВЫБОРАХ

(на примере выборов в Кнессет в Израиле в 2022 году)

***Аннотация.** В статье рассматриваются противоречия, возникающие после выборов, проведенных по всем демократическим канонам, и последующим созданием коалиции в угоду определенным группам населения, элитарным или олигархическим структурам. Анализируются выборы в Кнессет (парламент), по итогам которых было создано ультраправое правительство под руководством премьер-министра Биньямина Нетаньяху. Автор делает вывод, что созданное правительство на условиях коалиционного большинства проводит политику в интересах не всего народа, а отдельных — специфических групп населения. При этом сугубо личные и партийные интересы руководителей сформированной коалиции приводят страну в состояние финансового и конституционного кризиса. В заключение делается вывод, что в большинстве своем демократические выборы служат лишь «фиговым листом» для прикрытия интересов «сильных мира сего» и для решения их собственных задач.*

***Ключевые слова:** демократические выборы, явка, коалиция, оппозиция, партия, избиратель.*

REASONS FOR NON-DEMOCRATIC COUNTRY MANAGEMENT WITH FULLY DEMOCRATIC ELECTIONS

(For example, of elections to the Knesset in Israel in 2022)

***Abstract.** The article discusses the contradictions that arise after the election on all democratic canons and the creation of coalitions for their results for the sake of certain groups of the population, elite or oligarchic structures. On the example of Israel, elections to the Knesset (Parliament) are analyzed, the formation of the Coalition, and the creation of a ultra-right government under the direction of Prime Minister Benjamin Netanyahu, are formed. The author concludes that the created government, on the terms of the coalition majority, pursue a policy in the interests of only specific groups of the country's population. At the same time, the purely personal and party interests of the leaders of this coalition lead the country in a state of financial and constitutional crisis. In conclusion, it is concluded that for the most part democratic elections are only a «fig leaf» to cover the interests of the «strong world» to solve their own problems.*

***Keywords:** democratic elections, turnout, coalition, opposition, party, voter.*

В ходе развития современной цивилизации демократическая система стала одной из наиболее разрекламированных и продвигаемых Западом форм правления. Основные принципы демократии известны, — это признание народа источником власти и носителем суверенитета; равноправие граждан (правда, только формально-юридическое) и их равная возможность участия в политической жизни; здесь же наличие фундаментальных прав и свобод человека, их защита государством. Иначе говоря, при демократии основополагающим является принцип большинства, — ведь при данной форме правления именно большинство, а не меньшинство, должно выражать свою волю через соответствующие (демократические) выборы.

Однако относительно эффективности демократии современное состояние мировой политики вызывает вопросы. Ведь если говорить о благе для человека, то сегодня не каждое демократическое государство может похвастаться таким объемом благ для своих граждан, какие обеспечиваются отдельными авторитарными режимами. Горячо рекламируемая «свобода слова» не всегда способствует выявлению истины, а зачастую и вовсе служит интересам не народа, а структур, владеющих средствами массовой информации.

Как философский и политический концепт проблематичен и плюрализм, являющийся основным принципом демократического устройства общества, который нередко порождает своего рода беспредел, когда существование множества различных мнений и групп интересов приводит к хаосу и лишает социум и государство эффективного управления.

Демократический режим подразумевает, что народ (или его большинство) служит источником и носителем политической и государственной власти. В данном контексте особое возражение вызывает неопределенность слова «большинство», так как, исходя из основных принципов организации избирательных кампаний, во многих странах мира в результате выборов во власти оказывается активизированное (управляемое) политическими интересантами «меньшинство».

Выборы — важный инструмент представительной демократии, однако часто статистика выборов противоречит демократическим принципам: в большинстве случаев итоги выборов не отражают демографическое положение и приводят к неравенству в представлении во власти различных групп населения.

Современные политические системы становятся все более сложными и многоуровневыми, а это способствует уменьшению гражданской активности и ограничению возможностей граждан контролировать действия власти. Не секрет, что порой результатом «раздачи» социальных благ оказывается переход части социально слабого населения в разряд потребителей (точнее, иждивенцев) без ответственности и обязательств перед обществом. «Плоды» себе подобных, эта группа постоянно увеличивается в численности и постепенно выпадает из трудовых (а иногда вообще из каких-либо)

ресурсов. Как социально и политически неактивная часть населения, она может начать «торговать» своим правом голоса, превращаясь в некий инструмент формирования элитарных (авторитарных, олигархических, неомонархических, корпоративных и других подобных) форм правления, когда во власть приходят меркантильные интересы и «денежные мешки».

Сформированная в XIX веке мировая олигархия (прямо как по Платону: «у власти стоят богатые, а бедняки не участвуют в правлении»), основанная на фактическом материальном превосходстве имущего класса как над способными, так и вообще всеми остальными гражданами, позволяет себе «играть» в демократию. В последние годы данным обстоятельством воспользовались и многие националистические, а порой и экстремистские группировки, пришедшие к власти посредством банального популизма и игры на примитивных желаниях, элементарных надобностях, низменных потребностях и узких интересах как деклассированной толпы, так и социально равнодушных потребителей бесплатных социальных благ.

И самое проблематичное здесь заключается в том, что реальная демократия (в форме народовластия) не всегда способна эффективно решать современные проблемы. Решения в отношении таких вопросов, как глобализация, этнические конфликты, терроризм, загрязнение окружающей среды, экономические и политические кризисы, вынужденным образом принимаются в условиях высокой неопределенности, при этом должны (обязаны) учитывать самые разные интересы всего населения. С учетом того, что любое правительство, сформированное посредством применения демократических процедур, состоит из представителей партий, зачастую имеющих полярно противоположные взгляды на ту или иную проблематику, а что еще важнее, — служащих несовпадающим по многим параметрам интересам.

Таким образом, вопрос о том, нужна ли демократия в ее нынешнем виде, становится все более актуальным. Возможным решением может стать разработка новых форм правления, учитывающих особенности современного мира и способных решать сложные задачи, связанные с общественным благосостоянием. Маловероятно, что какое-либо общество нуждается в форме правления, которая все чаще используется в качестве «фигового листа» для прикрытия истинных интересов отдельных групп или экономических и политических корпораций.

Политическая структура Израиля

Израиль по праву считается самой демократической страной Ближнего Востока, хотя по рейтингу исследовательской компании The Economist Intelligence Unit он занимает лишь 23 место — после Франции и с пометкой «недостаточная демократия» [1]. При этом по уровню демократии Израиль находится впереди многих европейских стран, в частности Испании (24 место), Эстонии (27), Португалии (28), Чехии (29), Италии (31), Греции (34),

Кипра (37), Латвии (38), Литвы (40) и даже США, которые находятся на 26 месте данного рейтинга.

В этом же рейтинге соседи Израиля располагаются во второй сотне: наиболее близкой по позиции Турции определено 103 место в разделе «гибридный режим», все остальные страны-соседи задвинуты в раздел «авторитаризм». Так, Палестинская автономия на 109 месте, Кувейт — 110, Ливан — 112, Катар — 114, Египет — 132, АОЭ — 135.

Краткая справка: Израиль — парламентская республика, демократическое государство с всеобщим правом голоса; формальным главой государства является президент, однако его обязанности, помимо утверждения кандидатуры главы кабинета министров и рекомендаций о помиловании заключенных, большей частью церемониальные.

Законодательный орган власти Кнессет — однопалатный израильский парламент — состоит из 120 депутатов. Политические партии, преодолевшие процентный барьер (с января 2013 года он составляет 3,25%), представлены в нем пропорционально результатам общенациональных выборов по партийным спискам. Парламентские выборы проводятся каждые четыре года или чаще, — при условии поддержки простым большинством депутатов решения о досрочных выборах.

За последние три года в Израиле пять раз проводились досрочные парламентские выборы. Трижды по их итогам не удавалось сформировать хотя бы минимальную коалицию в 61 мандат, в результате Кнессет распускался. Выборы в Кнессет 25 созыва прошли 1 ноября 2022 года и по их результатам 29 декабря 2022 года было сформировано 37 правительство Израиля.

Согласно Декларации независимости, Израиль является еврейским государством. В то же время Израиль, отличающийся значительным этнокультурным разнообразием, — многонациональное и демократическое государство, в котором, наряду с евреями, равные права имеют и все прочие этнические группы, вне зависимости от их происхождения и вероисповедания.

Население Израиля

Согласно данным Центрального статистического бюро Израиля [2] на 31 декабря 2022 года, население страны составляло 9,656 млн жителей. Из них 4,659 млн — мужчины (около 49% от общего числа населения) и 4,735 млн женщины (51%). 7,106 млн человек составляют евреи (73,6% всего населения), 2,037 млн — арабы (21,1%) и 513 тыс. — прочие этносы (5,3%).

Как итог массовой репатриации населения из стран СНГ с начала 1990-х годов, сегодня в Израиле проживает более 1,25 млн русскоязычных граждан или 13 процентов от общего числа населения страны. При этом, согласно различным оценкам, по происхождению лишь две трети из них являются евреями, а остальные относятся к другим национальностям бывшего СССР. Однако в глазах местных жителей и в частности израильских политиков, все выходцы из СНГ априори воспринимаются как «русские». Это опреде-

ленного рода израильский менталитет, — репатрианты из Эфиопии в народе называются «эфиопами», выходцы из Марокко — «марокканцами». При этом есть деление на «ашкеназов» — евреев выходцев из стран Европы и северной Америки, и «сефардов» — выходцев из африканских и арабских стран.

Последнюю четверть века в Кнессете действует партия «Наш дом Израиль», выступающая как бы от имени русскоязычной общины страны. На выборах она до 90 процентов голосов избирателей получает именно от «русских». Практически во всех ведущих партиях присутствуют русскоязычные представители электората. Во многих муниципальных советах страны заседают «русские» депутаты.

Известно, что Восток — дело тонкое. Одна из его «тонкостей» — чуть ли не поголовная религиозность населяющих его народов (82% жителей Ближневосточного региона назвали себя верующими людьми). Согласно результатам соответствующего исследования от Gallup [3], Израиль, где лишь треть жителей считают себя религиозными, выбивается из этой картины. Если разделить верующих людей по типу занятости, то в тройку лидеров войдут домохозяйки, пенсионеры и учащиеся. В Израиле же дело обстоит абсолютно иначе: 65 процентов населения еврейского государства назвали себя неверующими, либо убежденными атеистами, лишь 30 процентов опрошенных заявили, что верят в бога, при этом половина из них — трудящиеся.

В Израиле существует большая община ультрарелигиозных евреев, представленная несколькими различными — порой враждующими между собой — течениями в иудаизме. В Кнессете «ортодоксы» представлены обычно тремя партиями: партией ШАС и двумя партиями, которые традиционно объединены в блок «Яхуда Тора».

Согласно исследованиям Института демократии [4], в Израиле проживают 1 280 000 граждан (13,3% населения), причисляющих себя к ультраортодоксам (харедим). Масштаб бедности в ультраортодоксальном секторе — один из самых высоких в стране, так как работает лишь 51 процент ультраортодоксальных мужчин и 78 процентов ультраортодоксальных женщин. В 2019 году к бедным были отнесены 44 процента ультраортодоксов, тогда как в среднем по стране этот показатель составляет 22 процента.

В 2021 году христианское население Израиля увеличилось на 2,0 процента. Нужно отметить, что здесь 75,8 процента христиан — арабы-христиане (6,9% всего арабского населения Израиля).

На конец 2021 года мусульманское население Израиля оценивалось примерно в 1 707 млн человек (18,1% жителей), то есть, по сравнению с концом 2020 года оно увеличилось примерно на 35,4 тысячи жителей.

На конец 2021 года друзское население Израиля насчитывало примерно 149 тыс. человек — их численный рост составляет более чем в десять раз с момента образования государства (14,5 тыс. человек в 1949 г.).

В Кнессете арабские избиратели обычно представлены тремя партиями: БАЛАД, Объединенный арабский список и блок «Хадаш-ТААЛЬ».

Выборы в Кнессет

1 ноября в Израиле состоялись выборы в Кнессет 25 созыва. На день выборов, по данным Центральной избирательной комиссии, правом голоса обладали 6 788 804 гражданина или 70,2 процента человек от общей численности населения страны.

Голосование шло на 12 495 избирательных участках. Каждая участковая избирательная комиссия обслуживала до 800 избирателей. УИК состоит из председателя и двух членов, которые формируются на основании предложений от парламентских партий. ЦИК направляет от себя секретаря в состав каждой избирательной комиссии для ведения документации и сдачи протоколов в окружные комиссии, где работают лишь представители ЦИК. Каждая партия, зарегистрированная для участия в выборах, имеет право делегировать от себя наблюдателя в состав каждой УИК.

На большинстве участков голосование началось в 7:00 и закончилось в 22:00. В населенных пунктах, где проживают менее 350 человек, голосование начинается в 8:00 и завершается в 20:00. В тюрьмах были организованы 55 избирательных участков, в больницах — 222, в домах престарелых — 225. Для голосования людей с ограниченными возможностями были подготовлены 5119 избирательных участков, а также 2938 специальных избирательных участков. Для больных коронавирусом, находящихся в карантине, действовало около 280 избирательных участков.

В армии все военнослужащие, имеющие право голоса, голосовали по местам дислокации. Голосование шло с применением двойных конвертов, которые отправлялись в избирательные комиссии по месту прописки для проверки и избежания двойного голосования.

Можно сказать, что в Израиле всем желающим проголосовать было предоставлено не только право, но и возможность для свободного волеизъявления.

Согласно данным ЦИК [5], явка избирателей составила 70,63 процента, в общей сложности проголосовал 4 793 641 израильтянин, 29 947 бюллетеней (0,6%) были признаны недействительными в силу различных причин. Электоральный барьер (3,25% от числа проголосовавших) на этих выборах составил 154 820 голосов. В итоге «цена» одного мандата составила чуть более 36,2 тысячи голосов.

В выборах принимало участие 40 партий и блоков, из которых в Кнессет прошло 10 партий. Фактически в Кнессете будет заседать 14 партий, но в 4-х списках они представлены 9 партиями (см. таблицу 1).

За партии, которые не прошли в Кнессет, отдано 418 053 голоса — большинство из этих голосов было подано за бывшие парламентские партии МЕРЕЦ (около 150 715 голосов) и БАЛАД (около 138 093), остальные 28 партий набрали 129 245 голосов. Партии МЕРЕЦ для прохождения электорального барьера не хватило всего 4105 голосов. В итоге не было учтено 9,5 процента голосов избирателей.

Партия бывшего премьер-министра Израиля Нафтали Бенната «Еврейский дом» под руководством Айелед Шакед набрала 56 793 голоса, то есть, она получила чуть больше одного мандата при необходимых четырех. Остальные непрошедшие в парламент партии получили от 200 до 2 тысяч голосов.

Таблица 1

Итоги выборов в Кнессет 25 созыва

Партия и блоки	Число набранных голосов	Набрано голосов в %	Число мандатов
Ликуд	1 115 085	23,41	32
Еш Атид	847 145	17,78	24
Религиозные сионисты	516 146	10,63	14
Государственный лагерь	432 376	9,08	12
ШАС	392 644	8,24	11
Яхадут ха-Тора	280 125	5,88	8
Наш дом Израиль	213 621	4,48	5
Объединенный арабский список	193 916	4,07	4
Хадаш-ТААЛЬ	178 661	3,75	4
Авода	175 922	3,69	4
Итого	4 345 641	90,65	120

За праворелигиозный блок во главе с Б. Нетаньяху проголосовали 2 304 000 человек или 48,05 процента избирателей от числа проголосовавших; за левоцентристский блок — 1 669 064 (34,81%); за арабские партии — 372 577 (7,77%). Партия Ликуд под управлением Нетаньяху получила 1 115 085 голосов (23,41%), партия его противника Яира Лапида «Еш Атид» — 847 145 голосов (17,78%).

Таким образом, праворелигиозный блок, состоящий из партий Ликуд, ШАС, «Иехуда Тора» и «Религиозные сионисты», набрал 64 мандата, а партии предыдущей правительственной коалиции получили 51 мандат без учета 5 мандатов партии арабского списка ХАДАШ-ТААЛ.

15 ноября 2022 года в пятый раз за менее чем четыре года состоялось праздничное собрание, на котором был открыт Кнессет 25 созыва. Торжественное собрание открыл президент Ицхак Герцог, а затем спикер Кнессета Мики Леви (Еш Атид) принес присягу. Затем присягу принесли 120 депутатов и Кнессет начал свою работу, поменяв спикера на представителя от партии Ликуд.

Депутатский корпус и коалиция

В Кнессете нового созыва женщины страны представлены 29 депутатами (24,1%), что значительно меньше, чем было ранее, в то же время 32 депутата (26,6%) представляют ультраортодоксальную общину Израиля. Среди депутатов три представителя ЛГБТ, 8 арабов (8,8%), 2 эфиопа и 1 друг.

Как и в предыдущем Кнессете, в новом составе парламента 8 «русских» (русскоговорящих) депутатов (8,8%). Трое из них находятся во фракции НДИ. Это теперь уже бывший министр финансов Авигдор Либерман, Юлия Малиновская, Евгений Сова. Еще трое представляют «Еш атид», — уходящий министр туризма Константин Разовозов, экономист Владимир Белиак и бывший вице-мэр города Кармиэля Татьяна Мазарская. В крупнейшей по числу мест фракции партии Ликуд есть только один русскоязычный депутат — экс-министр здравоохранения Юлий Эдельштейн. Еще один русскоязычный политик представляет «Государственный лагерь» — это бывший министр строительства Зеэв Элькин.

По итогам выборов президент Израиля Ицхак Герцог на основании договоренностей с лидерами партий предложил Биньямину Нетаньяху формировать коалиционное правительство. После длительных переговоров Нетаньяху 28 ноября объявил о завершении переговоров с партиями ШАС, «Ихуд ха Тора» и «Религиозные сионисты» и о создании ультраправой коалиции. Через несколько дней состоялась инаугурация нового 37-го правительства Израиля, в состав которого вошло 32 министра.

Согласно израильскому законодательству министрами правительства становятся в основном представители депутатского корпуса партий, вошедших в коалицию. С одной стороны, это позволяет каждой из таких партий иметь в совете министров своего представителя, с другой стороны, как правило, этот «представитель» в своем министерстве проводит политику в первую очередь в интересах своего избирателя, часто игнорируя интересы других групп населения, особенно избирателей партий, ушедших в оппозицию.

Демография и выборы

За новую коалицию проголосовало 2 304 000 человек или 33,94 процента от общего числа имеющих право голоса; за блок предыдущей коалиции проголосовало 1 862 980 человек (27,44%); за арабский список, проголосовали 175 922 человека (2,63%); в выборах Кнессета 25 созыва не принимало участие 1 994 211 человек (29,37%).

Отметим, что треть населения Израиля относится к приверженцам правой идеологии с религиозным оттенком, треть — к левоцентристскому блоку, еще одна треть граждан страны безразлична к происходящему или не имеет политических пристрастий.

В таблице 2 сделан ориентировочный расчет по «теоретическому» представительству основных групп населения в Кнессете без учета их реальной

явки. В графе «Кнессет» показано фактическое количество мандатов, полученных представителями данных групп. В разделе «Правительство» указано число министров, представляющих их интересы. Необходимо указать, что максимальную явку на последних выборах Кнессета обеспечили избиратели из категории «харедим» и «поселенцы», за ними идут «светские» и «русские» избиратели, а минимальной явкой на избирательные участки отличились «арабы».

Таблица 2

**Расчетный и реальный итог выборов в Кнессет
среди представителей разных групп населения страны**

	Численность	в %	Расчет	Кнессет	в %	Правительство
Всего жителей	9656000		120	120		32
Мужчин		49	59	91	76	27
Женщин		51	61	29	24	5
«Светские» евреи	4026000	41,7	50	70	58	20
«Русские»	1250000	12,9	15	8	7	0
«Харедим»	1280000	13,3	16	19	16	6
«Поселенцы»	550000	5,7	7	14	12	6
«Арабы»	2037000	21,1	22	8	7	0
Прочие	364000	3,8	6	0	0	0
«Друзы»	149000	1,5	2	1	1	0

Обобщенный анализ данной таблицы показывает, что итоги выборов в Кнессет вообще не отражают демографическое положение страны. Очевидно, что представителей женской части населения не так много как в Кнессете, так и правительстве. В структурах высших организаций народного хозяйства женщины так же слабо представлены, но они есть во всех структурах управления страной. То есть нельзя сказать, что в Израиле женщины находятся на второстепенных ролях. Согласно данным института статистики Израиля, 91 процент работающих женщин удовлетворены своей работой (мужчин — 90%), 58 процентов женщин устраивают их доходы (мужчин — 67%).

При этом виден явный недобор представительства «русских» и «арабов», которых в 2–3 раза ниже расчетного числа при гипертрофированно высоком представительстве «харедим» и «поселенцев». И если ортодоксальные партии ШАС и «Иехуда тора» имеют суммарно 19 ортодоксальных депутатов, то еще 13 «харедим» представлены в партиях Ликуд и «Религиозные сионисты».

С одной стороны, здесь основная проблема заключается в явке избирателей и разобщенности как «русской», так и «арабской» «улицы». В то же время ортодоксальная община так же разбита на десятки течений, что время

от времени выливается во внутрипартийные конфликты. Подобное регулярно происходит в партии «Иехуда Тора», состоящей из двух ветвей — «Агудат Исраэль» и «Дегель ха-Тора», но в период выборов они соблюдают нейтралитет и практически не ведут агитации среди избирателей других общин.

«Специфические» избиратели и их партии

Однако главным фактором явки избирателей в ортодоксальной среде является их социальная и моральная зависимость как от своих духовных лидеров, так и от своей партии, которая при вхождении в коалицию выбивает им различные социальные льготы и финансирование различных проектов.

Здесь можно назвать специфическую проблему демократических выборов. Одна из партий, имея финансовые возможности «кормить» свою общину и при этом контролируя все аспекты ее жизни, не позволяет ей вырываться из круга нищеты и социальной зависимости от духовенства. При этом «нищая» община безропотно позволяет своему партийному руководству проводить любую политику на уровне государства, лишь бы за это платили из казны. А то, что все социальные льготы берутся из государственного бюджета, формируемого в основном другой (трудящейся) частью населения, абсолютно не волнует ультроортодоксальную общину, которая большей частью не работает. Подавляющая часть мужчин из данного сектора не служит в армии, а ее лидеры постоянно пытаются провести законы, освобождающие их от альтернативной службы.

Жесткая партийная и духовная привязка данной категории избирателей четко прослеживается и при социологических исследованиях. Согласно опросу, проведенному в преддверии выборов в Кнессет, избиратели «Еврейства Торы» были уверены в своем выборе: 91 процент избирателей указали, что будут голосовать исключительно за свою партию. За «Еврейством Торы» следует партия ШАС, имеющая 81 процент столь же уверенных избирателей. В «светских» партиях данный показатель обычно не превышает и 50 процентов.

Не менее сплочены и избиратели ультраправого сектора Израиля, объединенные в партии «Религиозные сионисты», — так называемые «поселенцы». Еврейские поселения в Иудее и Самарии (на Западном берегу реки Иордан) — это населенные пункты, созданные после 1967 года на территориях, занятых Израилем в ходе Шестидневной войны. Существование этих поселений на оккупированных территориях противоречит Женевской конвенции, но Израиль утверждает, что его действия не являются нарушением международного права, по ним не могут быть применены нормы Женевской конвенции, поскольку «эти территории ранее не принадлежали никакому государству». В 2019 году в период президентства Дональда Трампа государ-

ственный секретарь США Майк Помпео обнародовал декларацию, согласно которой США не рассматривают еврейские населенные пункты в Иудее и Самарии как противоречащие международному законодательству, и вопрос поселений является внутренним делом израильской юрисдикции.

С момента получения контроля над западным берегом Иордана в 1967 году Израиль построил около 150 поселений на этой территории. Они считаются одним из основных препятствий на пути возобновления мирного процесса. Кроме них на Западном берегу располагаются еще около 100 незаконных поселений. Вкратце идеология поселенцев звучит так: «весь Израиль принадлежит евреям». В связи с подобным подходом у них случаются частые стычки как с палестинцами, проживающими поблизости, так и с руководством и государственными органами Израиля, пытающимися наладить и узаконить свою деятельность на оккупированных территориях.

Интересы поселенцев всегда представляли партии ультраправого толка или религиозные лидеры, проповедующие крайне правые националистические взгляды. Сегодня все они объединились под флагом партии «Религиозные сионисты». Туда же вошли партии «Оцма Йехудит» и «Ноам». У избирателей этих партий два мобилизующих фактора: с одной стороны, они руководствуются крайне правой идеологией о едином и неделимом Израиле, а с другой, — ориентируются по направляющим и мобилизующим указаниям своих религиозных лидеров. В то же время, несмотря на свою религиозность, жители поселений, в отличие от ультраортодоксов, являются одними из лучших воинов Армии обороны Израиля и прекрасно трудятся, развивая на оккупированных территориях сельское хозяйство.

Идеологию «поселенцев» поддерживает и часть израильского общества, что явно сказалось на ее электоральных предпочтениях, когда за партию «Религиозных сионистов» проголосовали избиратели, «разочаровавшиеся» в политике партии Ликуд и ее лидера Б. Нетаньяху. Подчеркнем, что одним из главных «стратегических» достижений последнего в предвыборный период оказалось объединение трех партий религиозных сионистов, представляющих электорат поселенцев, в одну партию, а двух ультраортодоксальных партий — в один блок. В результате таких слияний практически удалось избежать электоральных потерь как среди ультраортодоксов, так и среди поселенцев.

Явка избирателей во всех вышеперечисленных группах сильно разнится. В арабском секторе она составила около 30 процентов; среди «русских» и «светских» избирателей — примерно одинакова и составляет около 50–55 процентов; среди «харедим» — под 80 процентов, а среди «поселенцев» — около 90 процентов. Итогом показателей явки избирателей являются результаты выборов соответствующих партий и блоков.

Демократично избранное правительство не демократично

По итогам выборов Б. Нетаньяху, опираясь на поддержку 64 депутатов из 120, составил ультраправую коалицию, в которую вошли партии Ликуд, ШАС, «Ихуд ха Тора» и «Религиозные сионисты» [6]. Для сравнения: предыдущее правительство Израиля, вошедшее в историю как «правительство перемен», опиралось на поддержку всего 61 депутата. Кстати, при нем впервые в истории страны в коалицию вошла и арабская партия.

Однако коалиционные соглашения с партиями ШАС, «Ихуд ха Тора» и «Религиозные сионисты» привели не только к перераспределению большинства статей бюджета в пользу ультрарелигиозных избирателей, но и к конституционному кризису.

Одно из основных коалиционных требований партий ШАС и «Ихуд ха Тора» заключалось в принятии закона об отмене права «вето» Высшего суда справедливости (БАГАЦ) на неконституционные решения Кнессета. Подоплека данного требования в том, что «Ихуд ха Тора» планирует принять закон, позволяющий ее избирателям избежать службы в армии, что, естественно, будет заблокировано судом как норма, ущемляющая права остальных граждан страны.

Лидер партии ШАС по итогам коалиционных договоренностей возглавил сразу два министерства, но буквально через неделю был отстранен от должности решением БАГАЦ, как нарушивший соглашение о судебной сделке по признанию его вины в финансовых нарушениях, в результате которой он досрочно покинул предыдущий Кнессет. Поэтому партия ШАС так же заинтересована в законе о преодолении «вето» БАГАЦ, чтоб позволить ее лидеру вернуться в правительство.

При этом обе партии открыто шантажируют премьер-министра, заявляя, если данные законы не будут приняты, то они выйдут из правительства.

Не менее проблемная ситуация и у находящегося уже второй год под судом премьер-министра Б. Нетаньяху. Хотя дело может тянуться еще не один год, все идет к тому, чтобы признать его виновным с реальным тюремным сроком. В связи с этим партия Ликуд затеяла судебную реформу, в результате которой планируется, во-первых, поставить независимость назначения судей в БАГАЦ под контроль коалиции, а во-вторых, отменить право «вето» БАГАЦ на решения, принятые большинством в 61 голос в Кнессете. Все это происходит на фоне персонального решения БАГАЦ о запрете Нетаньяху заниматься «судебной реформой» из-за ранее заключенной с ним сделки о «конфликте интересов», как человека, находящегося под судом.

Все эти реформы приводят к небывалой силы протестам как в стране, так и за рубежом. Уже второй месяц подряд на площади большинства городов страны выходят десятки тысяч людей, протестующих против законодательных планов правительства. С предостережением от таких шагов выступили многие европейские лидеры, а также президент США. Многие

бизнесмены и представители финансовых структур выводят свои средства из Израиля; банковская система страны предупреждает о приближающемся финансовом кризисе.

Однако Б. Нетаньяху считает, что, несмотря на создаваемый им финансовый и правовой кризис, у него нет другого пути. Если он не проведет эти законы, то как минимум лишится правительства, а как максимум может еще и сесть в тюрьму по статьям об использовании служебного положения и коррупции.

Все это вызывает вопросы не только о поведении законно и демократично избранного премьер-министра и его правительства, но и о целесообразности самой демократической процедуры выборов.

Актуальна ли сегодня демократия?

Несмотря на существующие проблемы с демократическим управлением, Израиль заслуженно является одной из наиболее демократичных стран не только на Ближнем Востоке, но и частично в Европе. Здесь действует свобода слова, печати и собраний, гарантированы права меньшинств, в том числе и сексуальных. Страна имеет действующую парламентскую систему, где каждый гражданин имеет право голоса. И относительно недавно проведенные выборы в Кнессет продемонстрировали эти права и гарантии.

Практически каждая партия, пожелавшая баллотироваться, могла зарегистрировать свой список кандидатов. Напомним, что на выборы шло 40 партийных списков, из которых половина не набрала и несколько сотен голосов, то есть не могла претендовать на победу даже в небольшом муниципалитете. Партии, идущие на выборы, имели права направлять наблюдателей на каждый избирательный участок. Крупные партии так и поступили. В итоге на большинстве избирательных участков находилось от 2 до 5 наблюдателей от разных партий. Все партии имели право запустить свой рекламный ролик на центральном телевидении и выпускать практически любого вида и объема рекламную продукцию.

Иначе говоря, выборы в Израиле прошли с учетом демократических норм и принципов. И хотя выборы практически никогда в полной мере не отражают демографическое положение в стране, при явке 70 процентов граждан из-за наличия специфических групп избирателей за созданную коалицию проголосовала лишь треть населения избирателей. И это при том, что половина коалиции принадлежит трем ультраортодоксальным партиям, представляющим интересы лишь 19 процентов населения.

При нынешней ситуации с демократией нет гарантий, что выборы, проведенные в полном соответствии с принципами справедливости и равенства, окажутся в состоянии учесть мнение хотя бы большинства групп избирателей, не говоря в целом о населении.

Это приводит к тому, что в Израиле партии, представляющие интересы как центристов, так и левых и арабских избирателей, отстранены от любых решений, а программа коалиции не учитывает интересы и потребности более чем половины населения страны. При этом приоритет, отдаваемый либо личным и партийным предпочтениям руководителей коалиции, угрожает стране финансовым и конституционным кризисом. В итоге интересы одной группы населения страны превалируют над интересами преобладающей части общества, и все это происходит в рамках демократии.

В связи с тем, что результаты выборов теперь не отражают мнение большинства населения и могут позволять меньшинству управлять большинством, принцип демократичности выборов теряет свою актуальность. Это может привести к утрате доверия граждан к выборам и усилить апатию в обществе. И вполне резонно возникает вопрос: что можно предложить обществу взамен подобной демократии? В ряде процветающих стран Ближнего Востока авторитарное управление значительно полноценнее учитывает интересы большей части населения. Да, у авторитаризма хватает своих проблем, но временами кажется, демонстрируемая им забота о большей части социально разобщенного общества вполне может перевесить его негативные составляющие.

Можно лишь констатировать, что сегодня в режимах с вертикалью власти, которая сосредоточена в одних руках и не зависит от влияния как ультралевых, так и ультраправых партий, учитываются интересы большинства групп населения вне зависимости от их социального статуса и политической ориентации. Получается, что местами авторитарная «вертикаль» власти проявляет больше внимания к разнополярным интересам своих граждан, чем это может гарантировать демократическая «горизонталь».

На наш взгляд, сегодня, чтобы оставаться в рамках демократического поля, и для наиболее полного учета мнения всего населения страны, необходимо направить максимум усилий на совершенствование механизмов представительной демократии; гарантировать участие всех групп населения в принятии решений; учитывать интересы всего электората при формировании коалиций и принятии правительственных решений.

Список литературы

1. The Economist Intelligence Unit's index of democracy. Рейтинг стран по уровню демократии. URL: <https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/eiu-democracy-index-2021.pdf> (дата обращения: 22.02.2023).
2. Центральное статистическое бюро Израиля. Население накануне 2023 года. URL: <https://www.cbs.gov.il/en/mediarelease/Pages/2022/Population-of-Israel-on-the-Eve-of-2023.aspx> (дата обращения: 22.02.2023).
3. Религия преобладает в мире. URL: <https://www.gallup-international.bg/en/36009/religion-prevails-in-the-world/#:~:text=A%20new%20>

survey%20by%20WIN%2FGallup%20International%20explores%20religious, themselves%20as%20non-religious%20and%209%25%20consider%20themselves%20atheists (дата обращения: 22.02.2023).

4. Ежегодник ультраортодоксальной общины 2022: Доля работающих мужчин-харедим — самая высокая за 25 лет. URL: <https://www.idi.org.il/articles/47028> (дата обращения: 22.02.2023).
5. ЦИК Израиля. Итоги выборов в Кнессет 25 созыва. URL: <https://votes25.bechirot.gov.il> (дата обращения: 22.02.2023).
6. Кнессет, 37-е правительство Израиля. URL: <https://main.knesset.gov.il/mk/government/Pages/governments.aspx?govId=37> (дата обращения: 22.02.2023).

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В XIX ВЕКЕ: ФРАНЦУЗСКИЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН

***Аннотация.** В статье проанализированы основные особенности французской политической системы в XIX веке, влияние развития промышленного производства на качество жизни рабочих, рассмотрены модели решения рабочего вопроса французской политической элитой.*

***Ключевые слова:** Франция, промышленный переворот, рабочий класс, принятие политических решений, социальная структура, улучшение условий жизни.*

THE QUALITY OF LIFE IN THE XIX CENTURY: FRENCH EXPERIENCE OF INTERACTION BETWEEN AUTHORITIES AND CITIZENS

***Abstract.** The article analyzes the main features of the French political system in the XIX century, the impact of the development of industrial production on the quality of life of workers, the models of solving the working question by the French political elite are considered.*

***Keywords:** France, industrial revolution, working class, political decision-making, social structure, improvement of living conditions.*

Жизнь французского общества в XIX веке кардинально изменилась. Резкий отказ от прежних традиций, радикальные перемены во всех областях жизни были настолько глубокими, что ощущались большинством как очевидные признаки абсолютно нового способа существования в новом общественном устройстве. Такая перестройка была обусловлена не только революционными социально-политическими преобразованиями, но и экономической перестройкой, связанной с промышленным производством.

Развитие французского промышленного производства в конце XVIII — первой половине XIX века, сконцентрированного преимущественно в городах, отрицательно сказывалось на условиях быта и труда, что, в свою очередь, приводило к негативным оценкам изменений. Ведь промышленная революция — это не только переход от аграрной экономики к индустриальному способу производства, но и переход от ручного труда к мануфактурному

АВАКЯН Дарья Айрапетовна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», г. Москва

типу производства. Она представляет собой более сложный процесс, связанный с массовым применением технических достижений, и с изменением политической и социально-экономической структуры общества.

Индустриализация и урбанизация изменили и социально-экономическую структуру большинства европейских стран, и Франции в том числе: общество стало все более четко делиться на два класса — буржуазию и пролетариат. Положение рабочего класса было чрезвычайно тяжелым: продолжительный рабочий день, низкий уровень жизни, большое число безработных, широкое использование дешевого детского и женского труда и так далее. Пожалуй, такое слово как «неопределенность» лучше всего подходит для описания жизни рабочих в начале XIX века. Она принижала абсолютно все сферы общественной жизни — от условий труда и зарплаты до способа существования.

Ф. Бродель в работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» отмечает, что «новое разделение труда, урбанизовавшее рабочее общество, раздирало общество бедняков... Жить в городе, лишиться огородов... работать в огромных помещениях, терпеть малоприятный надзор мастеров, повиноваться, не быть более свободным в своих передвижениях, принять твердо установленные часы работы — все это в ближайшем будущем станет тяжким испытанием. Это означало изменить жизнь и кругозор настолько, чтобы сделаться чуждым собственному существованию» [2, с. 652].

Поэтому уже в начале промышленной революции в европейских государствах возникали разные формы протеста рабочих против своего бедственного положения. Неопределенность и неудовлетворенность требовали своевременного принятия соответствующих политических решений, направленных на уменьшение количества социальных конфликтов, а также на повышение уровня жизни горожан. В то же время французская система управления и политические традиции имели ряд особенностей по сравнению с другими европейскими государствами.

В частности, во Франции сословно-монархические традиции и напряженность между различными социальными группами в целом были более сильными. Поэтому полярность между либеральными и консервативными принципами во французском обществе выражалась в наиболее радикальных формах, что приводило к серьезным политическим конфликтам на протяжении всего XIX века. Французская конституционная история в этот период включала в себя самые разные, часто прямо противоположные изменения в организации государства, радикальные смены форм правления и форм государственного режима.

Бродель выделяет и ряд других факторов, которые обуславливали развитие Франции как государства, состоящего из множества разрозненных регионов. Географические и климатические особенности, которые препятствовали взаимодействию между регионами, привели к замкнутости

основных производственных единиц. Экономическая независимость каждого региона, в свою очередь, способствовала и культурной, этнической дифференциации. Внутрихозяйственное разобщение и разнообразие существовало в истории Франции на протяжении длительного времени. Однако события Великой французской революции, изменившие государственное устройство страны, начинающаяся промышленная революция, модернизационные процессы во всех сферах жизни не способствовали созданию единого социально-экономического и культурного пространства. Именно этими особенностями развития Франции Бродель объясняет так называемый феномен отсталости [3].

В качестве особенности французского государственного устройства называют еще и высокую степень централизации местного управления. Эта тенденция проявилась в бюрократической субординации между регионами и центром, в развитии системы административного контроля власти над местными органами. В средние века во Франции существовала развитая система городского самоуправления. По мере укрепления королевской власти в организации местного самоуправления происходили изменения, новые управленческие структуры накладывались на уже имеющиеся институты [3, с. 5–21].

После революции 1789 года проблемы организации управления на местном уровне приобрели острый характер, что привело к необходимости создания новой единой территориально-административной системы, которая была введена в конце XVIII века. Вся территория была поделена на департаменты, департаменты на кантоны, кантоны на округа, округа на коммуны, представляющие собой городские или сельские поселения. В 1846 году городскими коммунами стали считаться населенные пункты с числом жителей более 2000 человек. В конце 1840 — начале 1850-х годов французским правительством предпринимались попытки оживления политической деятельности на местном уровне, в частности за счет расширения избирательных прав граждан. Но конституция 1852 года восстановила наполеоновскую модель местного управления. Должностные лица вновь стали назначаться. Для модели децентрализации этого периода характерен баланс между государственным центром и политическим представительством местного населения. Последующие изменения в области организации управления на местном уровне до начала XX века определялись ослаблением уровня административного влияния и увеличением полномочий муниципальных органов власти [6].

Кроме того, во Франции развитие государственных институтов опережало развитие института гражданского общества. Все попытки политически влиять на изменяющиеся условия осуществлялись «сверху». Во Франции долгое время преобладала высокая доля сельского населения, медленное разрушение ценностей которого в ходе промышленной революции и урбанизации стало основой для развития консервативных настроений среди большей части населения. Именно поэтому Франция проходила

путь решения социально-политических проблем, вызванных развитием промышленного производства и урбанизацией медленнее, чем на родине промышленной революции, в Британии, долго ограничиваясь лишь рекомендациями. И в целом промышленный переворот во Франции начался на несколько десятилетий позже, чем в Британии, в конце XVIII века и завершился только в 1860-е годы.

При этом Бродель [3, с. 5–21] полагает, что в XVII–XVIII веках Франция обладала большим потенциалом (величина территории, наличие природных ресурсов) для развития крупной промышленности по сравнению с другими европейскими странами. Тем не менее, ряд сложностей, заключавшихся, по мнению историка, в преодолении территориальной разобщенности, тормозили развитие крупного производства во Франции. Во второй трети XIX века развитие французской промышленности происходило более успешно, чем в начале века, но процесс был достаточно неравномерным с точки зрения размещения предприятий на территории страны. Центр крупной промышленности, преимущественно текстильной, располагался на севере Франции, северо-западе и востоке, в то время как в Париже преобладало мелкое и среднее производство.

Крупное производство развивалось медленно по причине того, что предприятия, находящиеся в черте города, чиновники облагали более высокими налогами на сырье и топливо. Введение такой меры объяснялось тем, что собственникам фабрик в городах не нужно было платить ввозные пошлины, которые составляли один из основных источников пополнения бюджета. Таким образом, за счет введения налога восполнялись возможные потери.

Отличалось французское общество и с точки зрения социальной структуры. В конце XVII века под влиянием финансового кризиса французское общество было разделено на 22 класса. В основе такого социального деления лежали, прежде всего, экономические факторы, роль которых усилилась в период промышленной революции. В XVIII веке к рабочим относили мастеровых, ремесленников и работников городского хозяйства, входящих в состав разрозненных социальных групп. В XIX веке с развитием крупного производства трудящиеся стали разделяться на три группы, которые были объединены общностью экономических интересов: рабочие, совмещавшие сельскохозяйственный труд с работой на фабрике, городские неквалифицированные рабочие и квалифицированные рабочие, занятые только промышленным трудом [6, с. 29].

Но в целом можно отметить, что шаги, предпринятые французским правительством в части разрешения социально-экономических конфликтов, во многом совпадали с аналогичными мерами в других странах. Необходимость государственного вмешательства во многом была обусловлена сильной эпидемией 1831 года, которая повлияла на состояние здоровья рабочих. Правительством была создана специальная «квартирная комиссия», осуществлявшая санитарные исследования и изучавшая общественное

мнение. Отчеты по итогам исследований становились основой для первых постановлений-декретов в области санитарно-технического и городского благоустройства. Они претворялись в жизнь под контролем специальных комиссий, учреждавшихся общинными советами. В силу необязательности исполнения законов, общины на практике не пользовались своими правами и обязанностями в этой области. Комиссии учреждались в случайном порядке, по мере необходимости и существовали, как правило, непродолжительный период [3, с. 5–21]. В то время как в Англии аналогичные органы были наделены исполнительной властью, могли вмешиваться в дела благоустройства городов, во Франции деятельность комиссий на практике была малоэффективной. Комиссии назначались муниципальными советами, изучали бытовые условия, на основе полученных данных составляли отчеты и протоколы. Мэры, используя подготовленные отчеты, издавали постановления рекомендательного характера, которые могли не приводиться в исполнение.

Только в 1853 году Наполеон III выделил различным строительным обществам сумму в 10 миллионов франков, из которой большая часть была вложена в обустройство приютов для выздоравливающих рабочих и на постройку новых жилых домов. Таким образом, открылось обширное поле для филантропической деятельности, начали разрабатываться первые проекты дешевого жилья. С самого начала для рабочих жилищ стали искать наиболее экономичные конструкции и строительные материалы.

В период Третьей Республики (1876–1940 гг.) сосредоточием политической власти стал парламент, который стал площадкой для обсуждения и согласования противоборствующих интересов различных групп общества и прежде всего конкурирующих между собой буржуазных фракций. Однако к концу XIX — начале XX веков эти дискуссии привели к утверждению во Франции таких принципов, как всеобщее избирательное право, разделение властей, двухпалатный парламент и избираемый глава государства. Гражданам республики гарантировалась свобода собраний, для проведения которых требовалось лишь соответствующее уведомление властей.

Развитие парламентаризма способствовало и дальнейшему улучшению качества жизни. Так, в 1881 году и 1885 году депутат Мартин Надо внес на обсуждение парламента новый законопроект, который устанавливал для каждой общины обязанность созывать ежегодно особые комиссии, исследующие состояние общественного здравоохранения. На комиссии, по проекту М. Надо, возлагалась обязанность следить за всеми помещениями и принадлежащими им службами, удалять все, что могло вредить здоровью населения. Комиссии эти выбирались общинным советом, представительство в них принадлежало местному мэру, в число их членов обязательно должны были входить врач и архитектор. Но под влиянием оппозиции этот законопроект не был принят.

Закон «О дешевых квартирах» 1894 года, названный законом Зифрида, по имени министра, проводившего его в парламент, имел целью

субсидировать различные общества и частные лица в области постройки и приобретения домов с небольшими квартирами, которые по цене были вполне доступны беднейшему населению. Закон давал особые преимущества только тем гражданам, чьи жилища отвечали основным правилам гигиены и санитарии.

Важное место в развитии французского законодательства в области улучшения качества жизни занимает закон 1902 года «Об охране народного здравоохранения», который создал систему мер, направленных на обеспечение необходимых бытовых условий на всей территории страны. Согласно закону, каждой коммуне полагался санитарный регламент, который предусматривал бы соблюдение необходимых мер по предупреждению распространения инфекций и по обеспечению здорового состояния жилья. Кроме того, законодательный акт закреплял создание надлежащей комфортной санитарной ситуации в процессе организации труда для рабочих. В городах с населением в 20 000 и более жителей в качестве муниципального органа учреждались «санитарные бюро». Департаменты делились на санитарные округа с «санитарным бюро» в каждом из них, в главном городе департамента существовал «Департаментский гигиенический совет». Высшим совещательным органом санитарного управления являлся «Совещательный комитет общественной гигиены» [8].

Благодаря данным мерам, каждая из которых учитывала недостатки предыдущего опыта политического управления, к концу XIX века качество жизни в промышленных городах, где традиционно проживало большое количество рабочих, существенно изменилось [10, с. 173–181].

Французская политика в сфере улучшения условий быта в крупных городах на начальном этапе промышленной революции состояла из разрозненных частных инициатив, направленных на решение практических задач, на поиск компромисса в решении социальных конфликтов с рабочими, средним классом (в целях сохранения и стабилизации социально-политического порядка). Но постепенно деятельность такого рода привела к тому, что на проблемы, обострившиеся в период промышленной революции, государственные институты обратили внимание как на политические. Французский опыт регулирования социальных конфликтов, улучшения качества и условий жизни рабочих во многом является уникальным потому, что в основе лежало стремление поиска компромисса между разными группами и их интересами. Эта практика может помочь выработать успешные политические подходы к решению самых разных современных проблем.

Список литературы

1. Авакян Д.А. Промышленная революция и урбанизация в английской и французской политической мысли XIX — начала XX века. М.: Наука, 2020.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Весь мир, 2007.

3. Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 1. М.: Издательство Сабашниковых, 1994.
4. Дмитриев Н.В. Жилищный вопрос в Совете Лондонского Графства. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1914.
5. Дерюжинский В.Ф. Очерки политического развития современной Англии. СПб. 1911.
6. Кожокин Е.М. История бедного капитализма. Франция XVIII – первой половины XIX в. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЕН), 2005.
7. Лоуэлль А.Л. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы (Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Швейцария). М.: Издательство С. Скимунта, 1905.
8. Михайлов А. Ассоциации. Очерки практического применения принципа кооперации в Германии, в Англии и во Франции. СПб. 1873.
9. Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. 1 М. 1971.
10. Ashton J., Ubido J. The Healty City and the Ecological Idea // Journal of the Society for the Social History of Medicine. 1991. No 4. P. 173–181.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН: ДО И ПОСЛЕ КРЫМСКИХ СОБЫТИЙ 2014 ГОДА

***Аннотация.** Информационная война, долгое время выступавшая лишь частью вооруженного конфликта, в современных реалиях приобретает форму постоянного воздействия в повседневном медиа-обороте. В статье рассмотрена технологическая революция информационно-психологических операций: от Иракской кампании, ставшей прецедентом комплексного использования методов массового и многоуровневого психологического воздействия, до информационных операций нового типа, таких как «Панамское досье». Трансформация информационной войны и ее стратегических и тактических технологий также представлена в рамках анализа российско-грузинской войны 2008 года и событий «Арабской весны», позволяющего проследить поэтапное развитие от методов примитивной пропаганды до сложноструктурированных информационно-психологических операций.*

***Ключевые слова:** информационная война, психологические операции, методы информационно-психологического воздействия, гибридная война.*

THE TECHNOLOGICAL REVOLUTION IN INFORMATION WARFARE: BEFORE AND AFTER THE 2014 CRIMEAN EVENTS

***Abstract.** Information warfare, which for a long time acted only as part of an armed conflict, in today's realities takes the form of a permanent impact in the daily media turnover. The article examines the technological revolution of information and psychological operations: from the Iraq campaign, which became the first precedent of the complex use of methods of mass and multi-level psychological influence, to information operations of a new type, such as the «Panama Papers». Transformation of information war and its strategic and tactical technologies are also presented in the analysis of Russian-Georgian war in 2008 and events of «Arab spring» that allows to trace step-by-step development from methods of primitive propaganda to complex structured information-psychological operations.*

***Keywords:** information warfare, psychological operations, methods of information-psychological influence, hybrid warfare.*

В политологической науке существуют различные подходы к хронологическим рамкам существования информационных войн как новой формы противоборства в современном мире. Методы психологического воздействия на массовое сознание, а также способы влияния на когнитивную и эмоциональную сферу отдельной личности активно изучались на протяжении всего XX века, хоть в своем упрощенном виде были известны и ранее. Например, феномен пропаганды, исследовавшийся начиная с 1930-х годов на базе различных научных подходов, считался главным инструментом политического манипулирования. Однако на сегодня, ввиду динамичного развития глобальных систем коммуникации, пропаганда является лишь частью сложносочиненной системы информационно-психологического воздействия, трансформация которой предполагает абсолютно новые формы противоборства и методы их предупреждения в информационной среде. Именно поэтому, на наш взгляд, говорить о возникновении информационных войн в их современном понимании и превращении в особый вид вооруженного конфликта следует с начала XXI века.

* * *

Прецедентом использования технологий информационно-психологического воздействия (нового поколения) можно считать масштабную пиар-кампанию США, развернутую во время войны в Ираке и распространяемую как на собственных граждан, так и на граждан противника. Была разработана особая концепция ведения психологической войны, получившая название «Шок и трепет» [1], в которой декларировалось, во-первых, использование планового информационного воздействия на различные аудитории: на международное и американское сообщество с одним эффектом, а на иракских граждан — с другим.

Во-вторых, психологическое давление должно было быть оказано не только на военнослужащих и командное руководство противника, но и на мирное население. «Минобороны США заплатит частным подрядчикам в Ираке до 300 млн долларов за производство политических материалов, новостей, развлекательных программ и социальной рекламы для иракских СМИ, чтобы привлечь местное население к поддержке США, — пишет 3 октября 2008 года газета “The Washington Post”» [2, с. 210].

В-третьих, для достижения поставленных целей вооруженное вторжение на вражескую территорию должно сопровождаться постоянным информационным воздействием. Предтечей гибридизации боевых действий и подобных пиар-кампаний стала война в Персидском заливе (1991), где уже пресса и более примитивные методы пропаганды (листовки, наклейки, громкоговорители) использовались для психологического воздействия в чрезвычайных условиях. «Было сброшено 29 миллионов листовок — по 50–60 на каждого иракского солдата, находившегося на тот момент в зоне боевых действий. В результате считается, что от 60 до 80 тысяч солдат сдались

именно по причине воздействия на них с помощью таких информационных воздействий» [3, с. 70].

В то же время телевидение активно использовалось для передачи эмоциональных сообщений, шокирующих американскую публику. Однако важно понимать, что в ходе войны в Персидском заливе монополия на информационную повестку принадлежала каналу CNN — международной службе новостей, а в условиях следующего ирако-американского противостояния была разработана и протестирована *новая тактика* воздействия на общественность. Она заключалась во внедрении журналистов в боевые подразделения, главной задачей которых являлось конструирование «реальной» картины иракского фронта; при этом деятельность репортеров жестко цензурировалась. Это производило сильнейшее впечатление на зрителя, а также обеспечивало определенный уровень вовлеченности граждан в текущую военно-политическую ситуацию, так как это был совершенно новый опыт трансляции войны в настоящем времени. «Продуктом операции информационно-психологической войны можно считать сводку новостей СМИ в формате журналистского репортажа» [4, с. 126].

Также одним из источников информации для журналистов становились специально организованные «утечки», в которых содержались ложные или преувеличенные разведданные. В современной науке такой инструмент носит название «*контролируемой утечки*», осуществляемой спецслужбами через СМИ посредством *вбросов* для легализации нужной информации.

Прямые эфиры, активно транслирующие войну «в реальном времени», создавали символическую картину мира, собственную «версию войны», подсознательно формируя мнение у американских граждан о положительных результатах Иракской кампании. Американскими СМИ активно использовалась спецпропаганда, дезинформация (в особенности о потерях иракских войск), псевдореальные репортажи или *видеофейки*. «Неудивительно, что американские “внедренные журналисты” в попытках сохранить иллюзию “игры” не стремились показывать жертвы военных действий в своих репортажах, ... половина американских историй с поля боя, в которых освещались военные действия, не содержала ни одного кадра с ранеными людьми» [5, с. 193].

В отличие от американских журналистов, иракские репортеры имели полную свободу в освещении происходящих событий. Реалистичные военные кадры, время от времени проникающие в американское медиапространство, разрушали идеалистическую картину «войны за демократию», создаваемую правительством. Следует сказать, что значение информационного потенциала США было преувеличено, однако целью данной статьи является не оценка результатов деятельности американских властей в Ираке, а анализ инновационных информационно-психологических технологий в созданной пиар-кампании. С данной позиции важно отметить, что США впервые были использованы массовые видеофейки, техника освещения войны «в реальном времени» в формате журналистского репортажа, инструмент

«контролируемой утечки» и массовая пиар-кампания, сопровождающая военную операцию как до ее начала для подготовки американской аудитории к вторжению, так и во время активных боевых действий.

* * *

Еще одним примером информационного противоборства, в котором были комплексно реализованы технологии информационной войны, стала российско-грузинская война 2008 года. Грузинское правительство грамотно использовало период информационной тишины, а это помогло ему перехватить повестку и уже на ранних стадиях войны сформировать образ «России-агрессора» не только в странах СНГ, но и по всему миру. Выигрышным ходом также был допуск западных журналистов на территорию Цхинвала: «Постановочные снимки агентства «Рейтер» облетели весь мир, и западный обыватель в очередной раз содрогнулся при виде свидетельств «бесчинства российских военных» [6, с. 60].

Впрочем, использовались те же инструменты, что и в «иракском кейсе»: журналистские репортажи, видеофейки, спецпропаганда, дезинформация, (замалчивание истинной причины войны). *Новым* глобальным плацдармом в рамках российско-грузинского противостояния для ведения информационной войны стал *Интернет*. Публикация пророссийской информации на таких платформах как YouTube, RuTube, на различных форумах и в социальных сетях во многом поспособствовала опровержению фейковых новостей и улучшения имиджа России в глазах западной общественности. Еще одной чертой данного конфликта стало «активное применение кибератак на грузинские сайты, — начиная от нарушения работы путем DDOS-атак и заканчивая взломом и размещением пропагандистских материалов» [7, с. 242].

Россия не предприняла своевременных мер по нейтрализации спецпропаганды, направленной как на грузинских граждан, так и на международное сообщество. В то же время заранее спланированная диверсионно-информационная деятельность оппонента позволила ему сохранить лицо в глазах международного сообщества: «Умело применив современные технологии информационно-психологического воздействия на отдельные группы людей, руководителей государств и массовое сознание, режим Саакашвили сумел избежать осуждения его агрессии и геноцида в ООН и других международных организациях, в общественном мнении на Западе» [6, с. 63].

Таким образом, к использованию уже отработанных площадок для информационно-психологического воздействия прибавилась новая платформа — Интернет, впоследствии ставшая глобальной сетью, главной информационно-коммуникационной средой и практически заменившая собой традиционные СМИ. «Новинкой» этого кейса можно считать создание заранее спланированного сетевого штаба информационно-технологического обеспечения, работа которого показала значимость предварительной подготовки к информационной пиар-кампании.

* * *

Развитие Интернета как нового плацдарма для проведения информационной войны было зафиксировано событиями «Арабской весны». Рост популярности социальных сетей поспособствовал формированию информационного поля, внутри которого «картина мира» пользователей, а также их существующие ценностные ориентиры менялись. Это привело к обострению оппозиционных настроений, а в итоге и вовсе повлекло за собой массовые протесты в десятках стран Ближнего Востока.

В событиях того периода социальные сети выполняли одновременно несколько функций. Во-первых, *катализатором революционных процессов* стали не реальные социально-экономические проблемы и религиозные противоречия в регионе, а Интернет. В различных англоязычных источниках события «Арабской весны» стали характеризоваться как «Twitter-revolutions» [8]. Во-вторых, сформировав антиправительственную повестку, социальные сети стали инструментом мобилизации и организации массовых протестов: «Наглядно демонстрирует пример первой массовой акции в Египте 25 января. После победы революции в Тунисе левые активисты с помощью интернет-оповещений своих сторонников сумели собрать уже к 19 января 35 тысяч потенциальных участников» [9, с. 153]. И в-третьих, Интернет превратился в *главный канал информирования*, повествующий о развитии протестных выступлений, их причинах и итогах в разных точках Ближнего Востока.

Наиболее популярными становились интернет-площадки, размещающие сенсационные новости и видеоматериалы ожесточенного характера, свидетелями которых стали не только пользователи ближневосточного и североафриканского региона, но и всего мирового сообщества. Классические инструменты информационно-психологического воздействия, упоминавшиеся в двух предыдущих кейсах (дезинформация, фейки/видеофейки и др.), таким образом перебрались на новую, более мобильную платформу Интернета, в котором скорость распространения информации, позволяющая в короткий срок вызвать «у аудитории нужные аффекты» [10, с. 35], в разы выше, чем при использовании традиционных СМИ.

Распространившиеся в период протестных выступлений через социальные сети *медиавирусы* обладали главным преимуществом — броским содержанием и скоростью распространения. «Медиавирус “Жасминовой революции” из Сиди-Бузида разлетелся по стране через социальную сеть Facebook. Мохамед Буазизи¹ стал известен как мученик, и акты самосожжения повторились в других городах. Официальные тунисские СМИ об этом не сообщали» [11, с. 20].

¹ Уличный торговец, самосожжение которого послужило началом массовых народных волнений в Тунисе, перешедших в революцию.

Жесткое цензурирование виртуального пространства со стороны государства вызывало еще большее недовольство граждан, а в некоторых странах Ближнего Востока становилось лишь новым поводом для мятежей. На этом этапе технологического развития информационной войны уже предполагалось психологическое воздействие на различные аудитории. Стремительное развитие Интернета не отменяло использование традиционных СМИ, и в этой связи следует упомянуть и другой феномен «Арабской войны», а именно спутниковый телевизионный канал «Аль-Джазира». Он открыто транслировал антиправительственную повестку, поддерживая разносторонние оппозиционные силы, что лишь содействовало дальнейшему развитию ближневосточных волнений, в то время как легитимность федеральных СМИ снижалась. Инструментарий информационно-психологического воздействия, проверенный событиями «Арабской весны», был применен и на Украине. Здесь же на первый план выходит деятельность негосударственных СМИ, публикация ими «как информационных сводок, так и пропагандистских материалов» [12, с. 243].

* * *

Фундаментальным событием с точки зрения эволюции форм и методов информационных операций стали Крымские события 2014 года. Российская информационная политика и созданная в ее рамках пиар-кампания по вхождению Крыма в состав России оказалась довольно успешной, что стало беспрецедентным событием и поводом для создания совершенно новых форм психологических операций и видов информационных диверсий. «Использование российскими властями определенных информационно-политических технологий в ходе украинского кризиса обсуждалось на международном уровне и даже стало причиной появления в западных странах законодательных инициатив. Подобное внимание к отечественным коммуникациям возникло впервые в истории постсоветской России» [13, с. 215].

Итак, до Крымских событий любая информационно-психологическая операция выступала частью военной кампании, дополнительным средством психологического воздействия на нужную аудиторию, с целью обеспечения добровольного подчинения противника или же для формирования собственного имиджа. Задачи пиар-кампаний, сопровождающие военные вторжения, были сопряжены *исключительно с военно-политическими целями*, преследуемыми в данном конфликте.

Каждая информационная операция являлась *уникальной* схемой, сгенерированной в частном порядке и под конкретный случай. Разумеется, один подобный конструкт не являлся универсальным, и на его разработку уходило довольно много времени и ресурсов. Оба этих фактора не позволяли масштабировать информационные операции. Нужен был инновационный подход, отвечающий сиюминутным вызовам.

Абсолютно новой страницей в истории информационных войн становится «Панамское досье 2016» — первая информационная операция нового типа, основанная на простой двухступенчатой схеме: вброс — период «информационной тишины». При этом подобная цепочка может повторяться необходимое количество раз, формируя определенные циклы. Она становится универсальным конструктом для последующих информационных операций и позволяет внедрить их как в плановую государственную политику, так в повседневный медиа-оборот. «Промышленный же подход, в свою очередь, привел к унификации и стандартизации организационно-технологических схем информационных операций, которые в итоге дали одну единственную универсальную базовую схему, появившуюся у американских спецслужб предположительно к лету 2015 года» [14, с. 104].

Суть «Панамского досье» заключается в дискредитации высокопоставленных лиц разных стран путем публикации и тиражирования провокационных материалов. Подобное мероприятие представляло собой масштабную утечку конфиденциальных документов, попавших в руки журналистов-расследователей. Обвинения в регистрации офшорных компаний и проведении многомиллионных теневых финансовых операций заставили фигурантов информационной операции реагировать (причем не в выгодную им сторону) публично: извиняться, оправдываться, что лишь усилило задуманный эффект. К задействованным лицам уже приклеился нужный негативный «ярлык»; фактически, человек, поддающийся панике и стрессу, начинает дискредитировать сам себя путем публичной эмоциональной реакции и экспрессивными необдуманно поступками. Это мероприятие можно было считать окончательно успешным, после того как: «премьер-министр Исландии был вынужден подать в отставку» [15, с. 84], не выдержав травли.

Пройдя эмпирическую проверку с положительным результатом, данная информационная операция стала шаблонной для проведения последующих. Каждая новая операция выстраивалась на базе «Панамского досье» с добавлением новых техник и приемов, усложняя и модифицируя классическую схему. Неизменной в этом случае осталась лишь базовая цепочка: вброс — период «информационной тишины». Последующие операции, такие, как «Допинговый скандал WADA», «Дело об аргентинском кокаине», также направлены на дискредитацию высокопоставленных лиц путем обвинения в незаконной деятельности с целью формирования негативного образа руководства Российской Федерации как на международной арене, так и перед российским обществом. Во всех вышеперечисленных операциях использовалась «пассивная тактика», предполагающая вбросы заранее смоделированной информации в определенный момент с необходимыми временными промежутками.

* * *

Следующим этапом эволюции информационных операций следует считать новую «активную тактику», впервые примененную в «деле Скрипалей». Она заключается в считывании реакции на вброс в период «информационной тишины» с последующей корректировкой действий в зависимости от шагов, предпринятых лицами, против которых направлена информационная атака: «Применение этого метода на практике предполагает выманивание противника на предлагаемую ему информационную «приманку», провоцирование противника на неосторожные, эмоционально окрашенные заявления, сделанные «в запале», и затем разоблачение предлагаемых противником «объяснений» той или иной ситуации, — с обязательным уличением противника во лжи» [16, с. 86].

Подобная стратегия предполагает появление неожиданных эффектов и не гарантирует ход по заранее спланированному сценарию, однако способствует максимально живой реакции на происходящие события, что актуализирует последующие информационные атаки и дает возможность в режиме «реального времени» выстраивать необходимые уловки. По «активному сценарию» также были реализованы: «Пражское дело 2020» и «Дело Марии Бутиной».

Операции типа «Панамского досье», хоть и стали *инструментально-технологической базой* для проведения информационных операций нового типа, на данный момент теряют свою актуальность. На передний план выходят операции, имеющие сложнейшую разветвленную структуру, каждая из ветвей которых преследует определенную тактическую задачу, их реализация в конце складывается воедино, образуя прочную стратегическую линию их конвергентной «сборки». По нашему мнению, это — совершенно новый уровень развития информационных операций, усовершенствование которых имеет безграничный потенциал.

Таким образом, информационная война прошла сложный эволюционный путь: от методов примитивной военной пропаганды до вариативных сложноструктурированных информационно-психологических операций. Впервые отработанная в «Панамском досье» универсальная схема стала инструментально-технологической базой для информационных операций нового типа. Разработка этого конструкта позволила увеличить частоту проведения подобных мероприятий, поставить их на поток и реализовать массовое производство. Если раньше информационная война выступала частью вооруженного конфликта, то в современном мире она приобретает форму коммуникативной технологии постоянного воздействия.

Список литературы

1. Harlan Ullman, James Wade Jr. Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance. Washington, DC: National Defense University, 1996.

2. Почепцов Г.Г. Пропаганда и контрпропаганда. М.: Центр, 2004.
3. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук, 2000.
4. Манойло А.В. Психологические операции США в Ираке // Космополис, 2008. № 1.
5. Бедрань В.В. Механизмы информационной войны США против Ирака в начале XXI в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 7 (87).
6. Кадырова Ш.Н. Информационная война в период Южноосетинского конфликта. Противостояние СМИ России и Запада // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2010. № 3.
7. Курилкин А.В. Особенности организации и проведение информационно-психологических операций в международных отношениях и международных конфликтах // Международные отношения. 2015. № 2.
8. Brunner E. Asking (New) Media Questions: Thinking beyond the Twitter Revolution. [Electronic resource]: text. Akademia: [website]. Mode of access: https://www.academia.edu/9493562/Asking_New_Media_Questions_Thinking_Beyond_the_Twitter_Revolution/ (date of access: 24.01.2023).
9. Цирель С.В. Революции, волны революций и Арабская весна // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011. 2012.
10. Демидов К.Б. «Арабская весна» как один из фронтов глобальной информационной войны: предварительная постановка проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2022. № 3.
11. Чернавский А.С., Касуканова К.Е. Роль социальных сетей в организации «Арабской весны» // НАУ. 2015. № 9–4 (14).
12. Курилкин А.В. Особенности организации и проведение информационно-психологических операций в международных отношениях и международных конфликтах. // Международные отношения. 2015. № 2.
13. Зайцев И.О. Российская информационная кампания в период вооруженного противостояния на востоке Украины в 2014–2015 гг. // РСМ. 2018. № 3 (100).
14. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник МГОУ. 2021. № 1.
15. Манойло А.В. Эволюция информационных операций // Вестник МГОУ. 2021. № 4.
16. Манойло А.В. «Дело Скрипалей» как операция информационной войны // Вестник МГОУ. 2019. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

АВАКЯН Дарья Айрапетовна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»; AVAKYAN Daria Ayrapetovna, candidate of Political Sciences, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Sociology of the Educational Institution of Higher Education Trade Unions «Academy of Labor and Social Relations»; avakyan88@mail.ru

БОЧАРНИКОВ Игорь Валентинович, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана, доктор политических наук; BOCHARNIKOV Igor Valentinovich, Head of the Research Center for National Security Problems, Professor of the Department «Information Analytics and Political Technologies» of the Bauman Moscow State Technical University, Doctor of Political Sciences; nic.bezopasnost@yandex.ru

БОЧАРОВ Юрий Борисович, кандидат политических наук; BOCHAROV Yuri Borisovich, Candidate of Political Sciences; yurabig@gmail.com

ГО Фэнли, аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; GO Fanli, Postgraduate Student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; heyfengli0920@163.com

ДОБКИН Андрей Геннадьевич, аспирант кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); DOBKIN Andrey Gennadievich, Post-graduate student of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State University (MGUA); dobkin.andr@yandex.ru

ЗЕЛЕНОВА Владислава Антоновна, магистрант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; ZELENOVA Vladislava Antonovna, Graduate student of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; yavosj7@gmail.com

КОВАЛЕВ Максим Константинович, аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; KOVALEV Maxim Konstantinovich, Postgraduate Student of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; kovalevmk@my.msu.ru

КРОТОВА Анна Сергеевна, аспирант философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета; KROTOVA Anna Sergeevna, Post-graduated, Faculty Of Philosophy, National Research Tomsk State University; krotova-as@mail.ru

ЛОГИНОВ Сергей Андреевич, юрист ООО «Палюлин и партнеры»; LOGINOV Sergey Andreevich, Palyulin and Partners LLC, lawyer; info@palyulin.ru

МАЗУРЕВСКИЙ Константин Сергеевич, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; MAZUREVSKY Konstantin Sergeevich, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation; k.mazurevsky@edinros.ru

МИНТУСОВ Игорь Евгеньевич, президент Европейской ассоциации политических консультантов (ЕАРС), доцент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ; MINTUSOV Igor Evgenevich, President of the European Association of Political Consultants (EAPC), Docent of Higher School of Journalism and Mass Communication in SPbSU; mintusov@nikkolom.ru

НИТОЧКИН Федор Васильевич, аспирант Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина, советник ФКУ «Аппарат Общественной палаты России»; НИТОЧКИН Fedor Vasilyevich, Postgraduate Student Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Executive office of the Civic Chamber of the Russian Federation, specialist; nitochkin@oprfr.ru

ОВСЯННИКОВА Ольга Александровна, исполнительный директор Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, кандидат педагогических наук, доцент; OVSYANNIKOVA Olga Aleksandrovna, Executive Director of the Research Center for National Security Problems, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; olga.owsyannickowa@yandex.ru

ОСИПОВ Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Автономной некоммерческой организации высшего образования «Международная полицейская академия ВПА»; OSIPOV Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Senior Researcher, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Civil Law Disciplines of the Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education «VPA International Police Academy»; osipov11789@yandex.ru

ПАЛЮЛИН Антон Юрьевич, генеральный директор ООО «Палюлин и партнеры»; PALYULIN Anton Yurievich, Palyulin and Partners LLC; anton@palyulin.ru

ПУЧКОВ Владислав Олегович, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного экономического университета, доцент кафедры публичного права Гуманитарного университета; PUCHKOV Vladislav O., PhD in Law, Assistant Professor,

Commercial Law Department of the Ural State University of Economics, Assistant Professor, Public Law Department of the Liberal Arts University; v.o.puchkov@uslu.su

ТУМАНЯН Гарник Вагинакович, член экспертного клуба «Дигория», аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; TUMANYAN Garnik Vaginakovich, Member of the Digoria Expert Club, Postgraduate Student of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; tumangar@mail.ru

ЦАРЕВ Алексей Михайлович, главный бухгалтер ООО «Палюлин и партнеры»; TSAREV Alexey Mikhailovich, Palyulin and Partners LLC, Chief Accountant; a.tsarev@palyulin.ru

ШИРИНКИНА Анна Вадимовна, студент факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; SHIRINKINA Anna Vadimovna, Student of the Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University; anna.shirinkina.01@mail.ru

ЯЧМЕНЕВА Олеся Александровна, политолог, выпускница «Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет)»; YACHMENEVA Olesya Alexandrovna, Political Scientist, Graduate from SUSU (National Research University); ichmenevaolesya@gmail.com

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д.... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Список литературы» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д.... В раздел «Список литературы» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Список литературы» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

ГРАЖДАНИН ВЫБОРЫ ВЛАСТЬ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 2(28)
2023

АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

*Подписаться на журнал можно на официальном сайте
каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru
и на сайте интернет-магазина «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Подписной индекс журнала – 85482*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 09.06.2023.

Формат 70x100 1/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 13.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 73а